ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА № 34 АВГУСТ 1986

«МОСКВА, 41—42-й...»

ГЛАВА ИЗ НОВОГО РОМАНА ИВАНА СТАДНЮКА

ПРАВО НА ЖИЗНЬ

НОВАЯ РОЛЬ РОЛАНА БЫКОВА

Вы бывали в Поленове?

ЯСНОСТЬ ВЗОРА

ВСТРЕЧА С ПРОФЕССОРОМ СВЯТОСЛАВОМ ФЕДОРОВЫМ

Б. А. Выдумов со своей бригадой монтирует пресс-гигант.

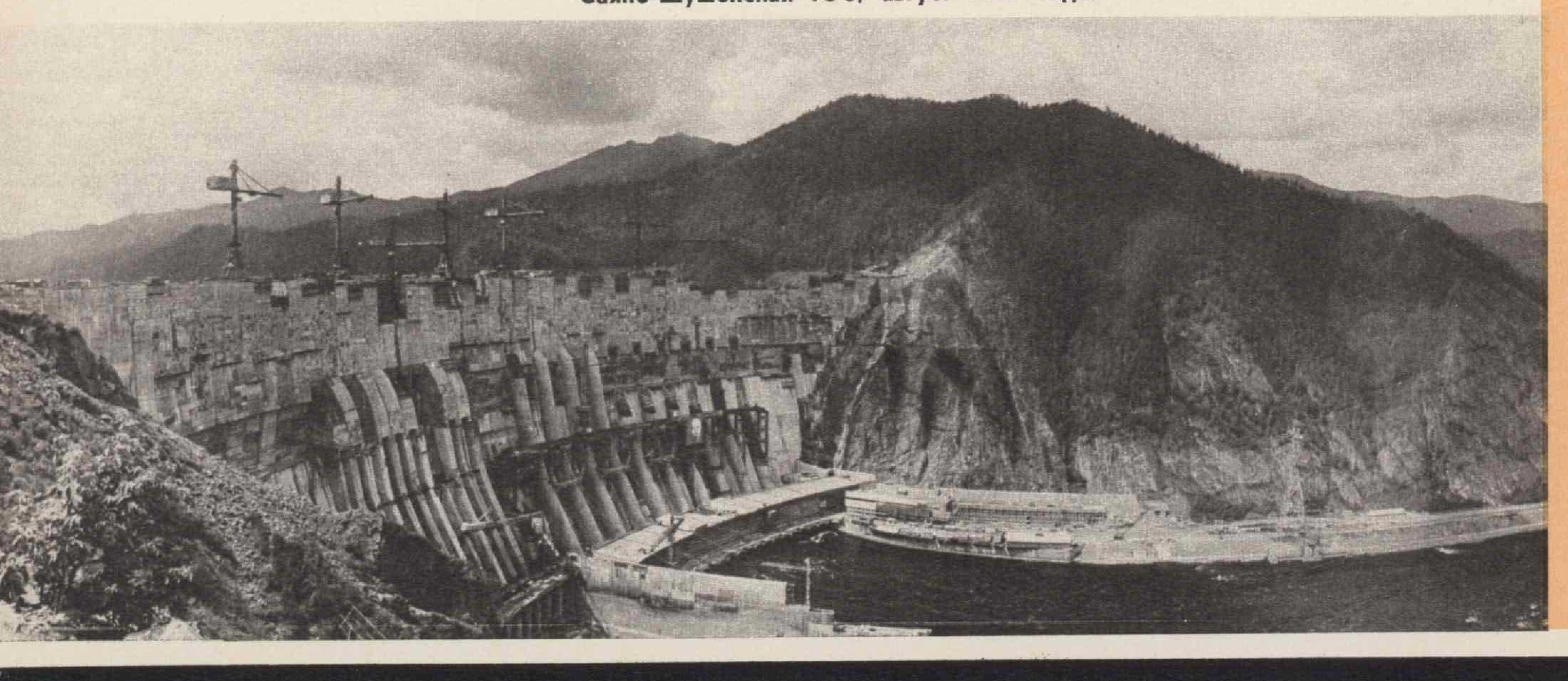
так держать!

Не проходит дня, чтобы на гигантской строительной площадке пятилетки не произошли новые события. Вот енисейские гидростроители вышли, образно говоря, на финишную прямую: бригады приступили к отделке здания Саяно-Шушенской ГЭС, завершаются рáботы в теле плотины, благоустраивается давно обжитой поселок Черемушки. Сдать ГЭС, как обязались гидростроители, к юбилею Великого Октября — дело реальное.

В Ленинграде, городе — поставщике уникального оборудования для десятков энергетических центров, коллектив объединения «Ижорский завод» приступил к монтажу такого пресса, который впору назвать богатырским. Это гидравлический агрегат с усилием в 12 000 тонн! Из полученных заготовок выточат потом роторы для электросердец мощностью более миллиона киловатт. Работой мощных бойков, робота-манипулятора и ковочных кранов будет управлять ЭВМ...

Фото Л. ЗАГАЙНОВОЙ, Н. БЕРКЕТОВА (ТАСС)

Саяно-Шушенская ГЭС, август 1986 года.

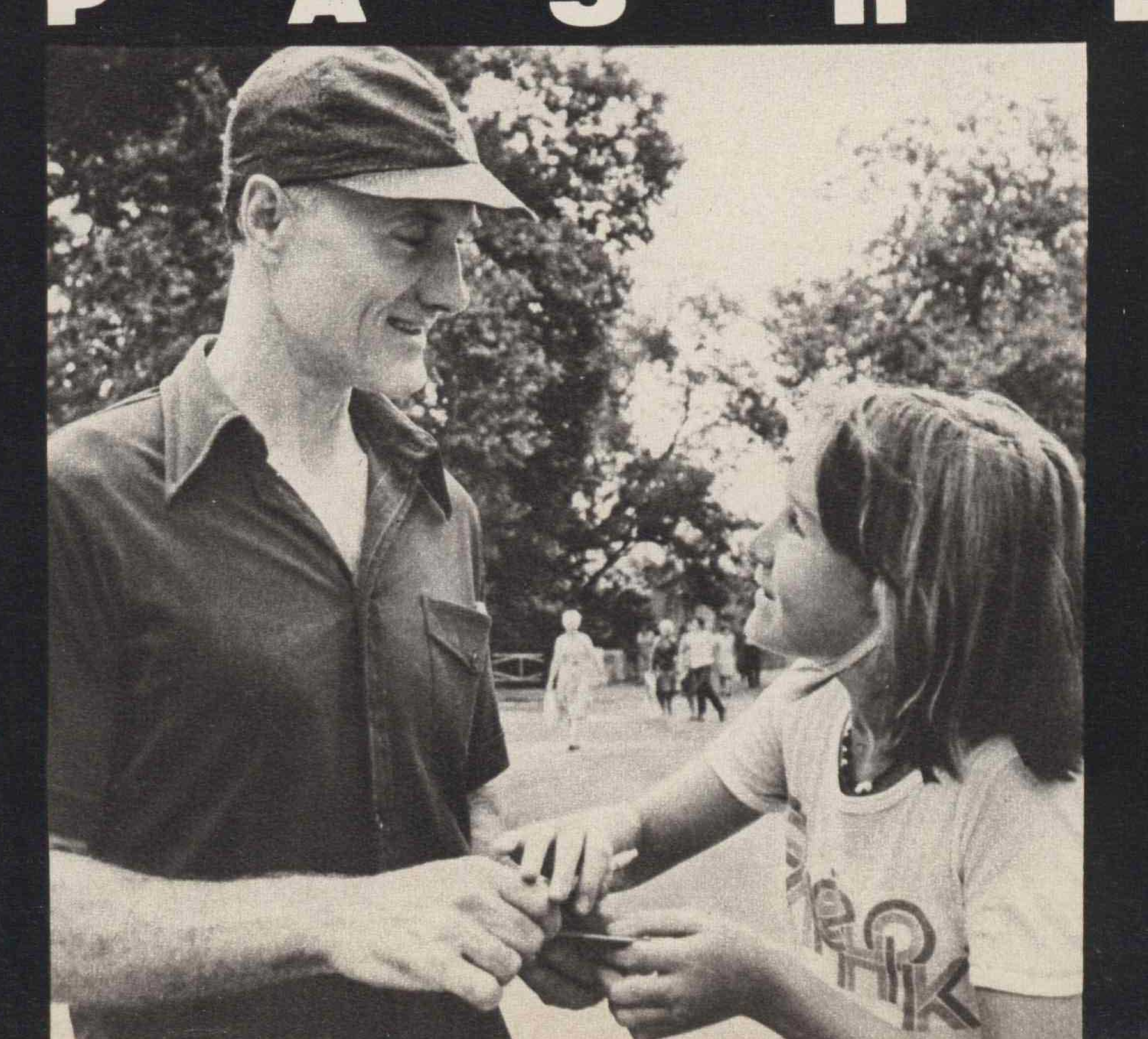

РАЗНЫЕ

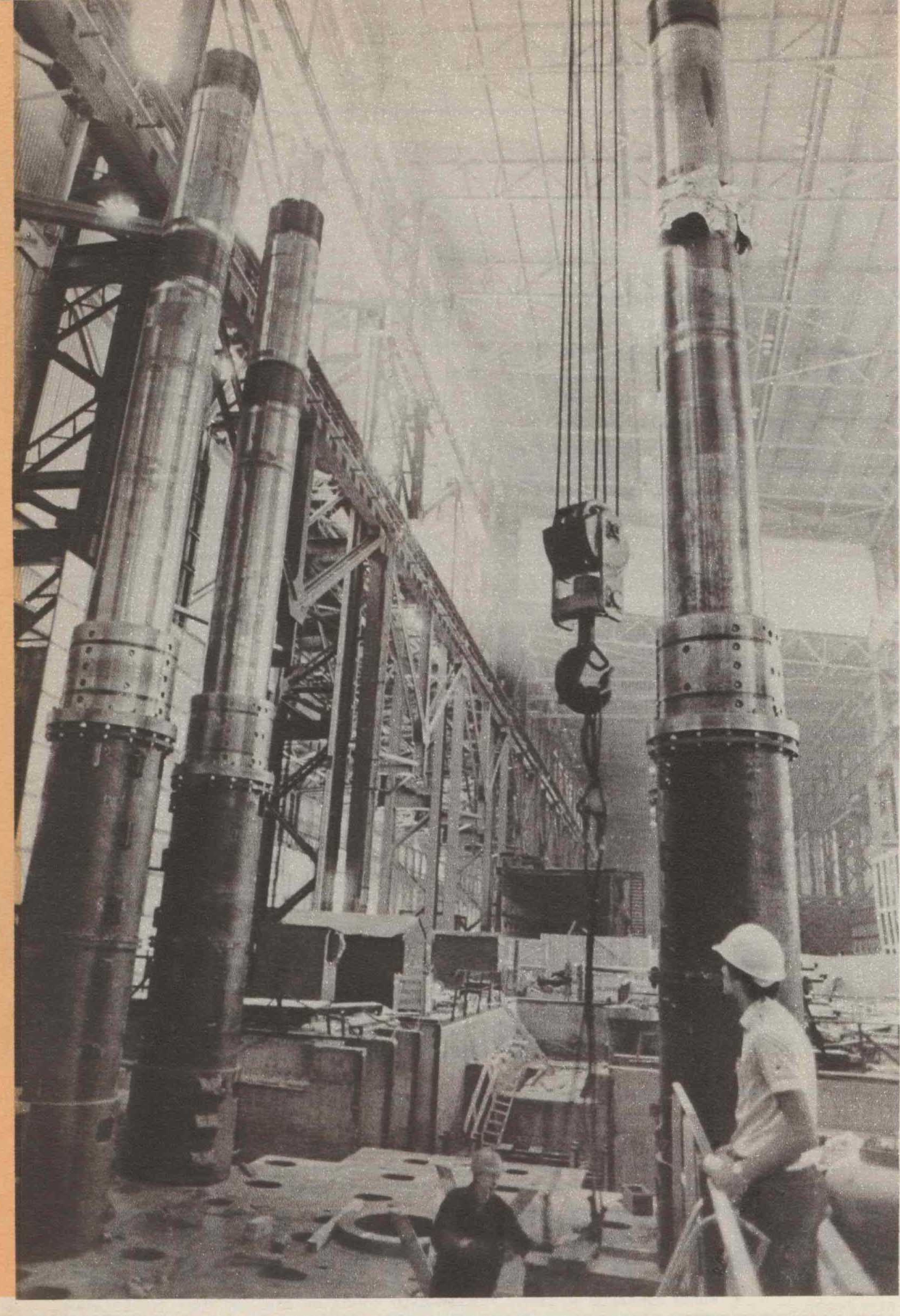
И. ГАВРИЛОВ, фото автора.

«Вот уже больше полумесяца я пребываю как в сказочном сне; я путешествую по Советскому Союзу, встречаюсь и беседую с вашими прекрасными людьми, удивительно доброжелательными и такими чуткими. Они так не похожи на большинство американцев, разобщенных, думающих только о себе и своих долларах. Очень скоро я вернусь в США, все чаще задаю себе вопрос: «Что со мной сделают там, на родине!» И, может быть, поэтому мне каждую ночь снятся тяжелые, а то и просто страшные сны».

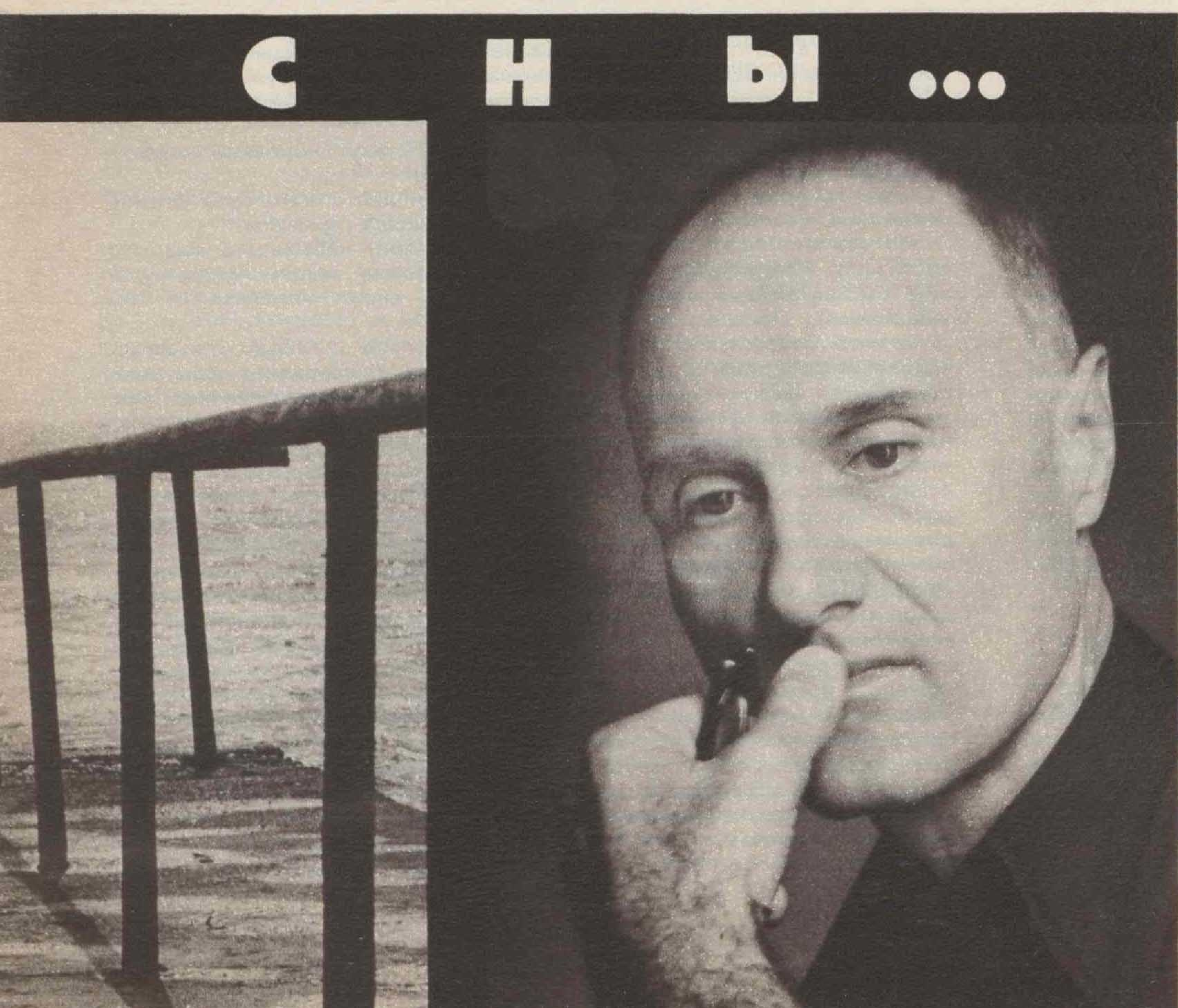
Вот что сказал мне бездомный американец Джозеф Маури — герой фильма «Человек с Пятой авеню», снятого советским телевидением. Мы встретились с ним в санатории «Металлург» в Сочи.

С Н Ы ...

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 34 (3083)

24—31 АВГУСТА

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный (капиталистические страны) — 212-30-03; Международный (социалистические страны) — 212-22-90; Искусств — 212-15-39; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Прозы — 212-63-69; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки — 212-21-68; Юмора и занимательной информации — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем и массовой работы — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

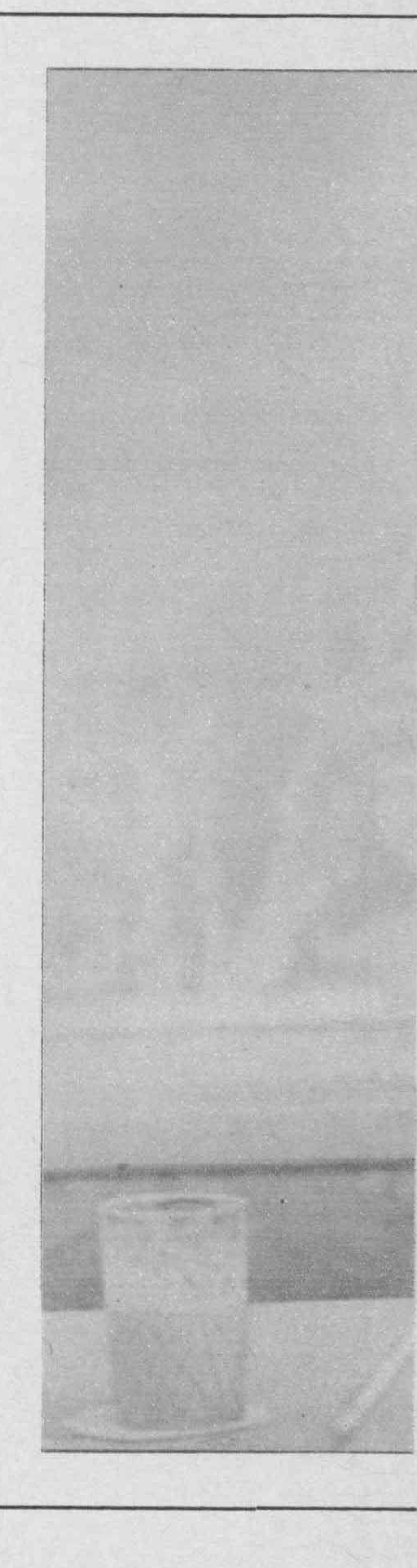
Сдано в набор 4.08.86. Подписано к печати 20. 08.86. А 00714. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 525 000 экз. Изд. № 2107. Заказ № 3269.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

событие недели

18 августа по Советскому телевидению выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев. Обращаясь к советским людям, Михаил Сергеевич Горбачев сделал Заявление по одной из ключевых проблем международной политики. Как известно, 6 августа истек срок советского одностороннего моратория на ядерные испытания, которого Советский Союз строго придерживался в течение года. Всесторонне и скрупулезно взвесив все «за» и «против», руководствуясь ответственностью за судьбы мира, Политбюро Центрального Комитета КПСС и правительство Советского Союза приняли решение продлить односторонний мораторий на ядерные взрывы до 1 января 1987 года.

«Предпринимая этот шаг, мы верим, что люди во всех странах света, политические круги, международная общественность правильно оценят длительную тишину на советских ядерных полигонах.

От имени советского народа я обращаюсь к разуму и достоинству американцев — не упустить еще раз исторический шанс на пути к прекращению гонки вооружений».

М. С. Горбачев

наш комментарий

за право на жизнь

То, что Советский Союз до конца нынешнего года, Года Мира, продлил мораторий на ядерные взрывы, и то, как Михаил Сергеевич Горбачев сказал об этом, не могло не потрясти человечество. У народов осталось не так уж много надежды, и то, что надежда эта обращена к нам, советским, очень логично и чрезвычайно ответственно.

В том, что борьбу против уничтожающей силы ядерного оружия возглавляем именно мы, люди социализма, и в том, что все прогрессивное человечество верит нам, как лидеру в этой борьбе,— великая историческая справедливость и точная логика прогресса. Капитализм как общественная система, а империализм в особенности, не имел и не может иметь союзнического отношения к борьбе за мир. Эксплуататоров нельзя сделать гуманными; их можно заставить прислушаться к голосу необходимости; заставить считаться с требованиями трудящихся; можно привести к столу мирных переговоров, можно поставить перед лицом народов, требующих мира. Сейчас происходят именно такие процессы. И мы, отстаивая всечеловеческое право на жизнь, отодвигаем опасность взрыва — того самого, испепеляющего; сдерживаем бомбы, затаившие в себе тысячи новых Хиросим. Все это классово-человеческий фактор, фактор человечности социализма и империалистический фактор бесчеловечности. Иногда даже изобретения четко классовы: кто, кроме капиталистов, мог задумать бомбу с характеристиками нейтронной — убивающую людей, но сохраняющую вещи, деньги, ценности?.. Очень трудно чего-то добиться, рассчитывая исключительно на добрую волю людей, мыслящих подобным образом.

Мы требуем уважения к воле народов.

Мы требуем мира. Именем живых, мертвых и неродившихся — требуем!

Ответственность, возлагаемая новым временем на любого из нас,— огромна. Она подразумевает личное участие каждого в общем деле борьбы за мир, усиление личностного, человеческого фактора в этой борьбе. Важнее нет ничего.

Мы отстаиваем, утверждаем новое мышление. Продолжение моратория на ядерные взрывы и Заявление Михаила Сергеевича Горбачева — яркие примеры именно такого мышления, мышления нового времени, продемонстрированного достойно и четко. Помните, как об этом сказано: «Мораторий Советского Союза на ядерные взрывы, будучи действием, а не только предложением, на деле доказывает серьезность и искренность нашей программы ядерного разоружения, наших призывов к новой политике — политике реализма, мира и сотрудничества».

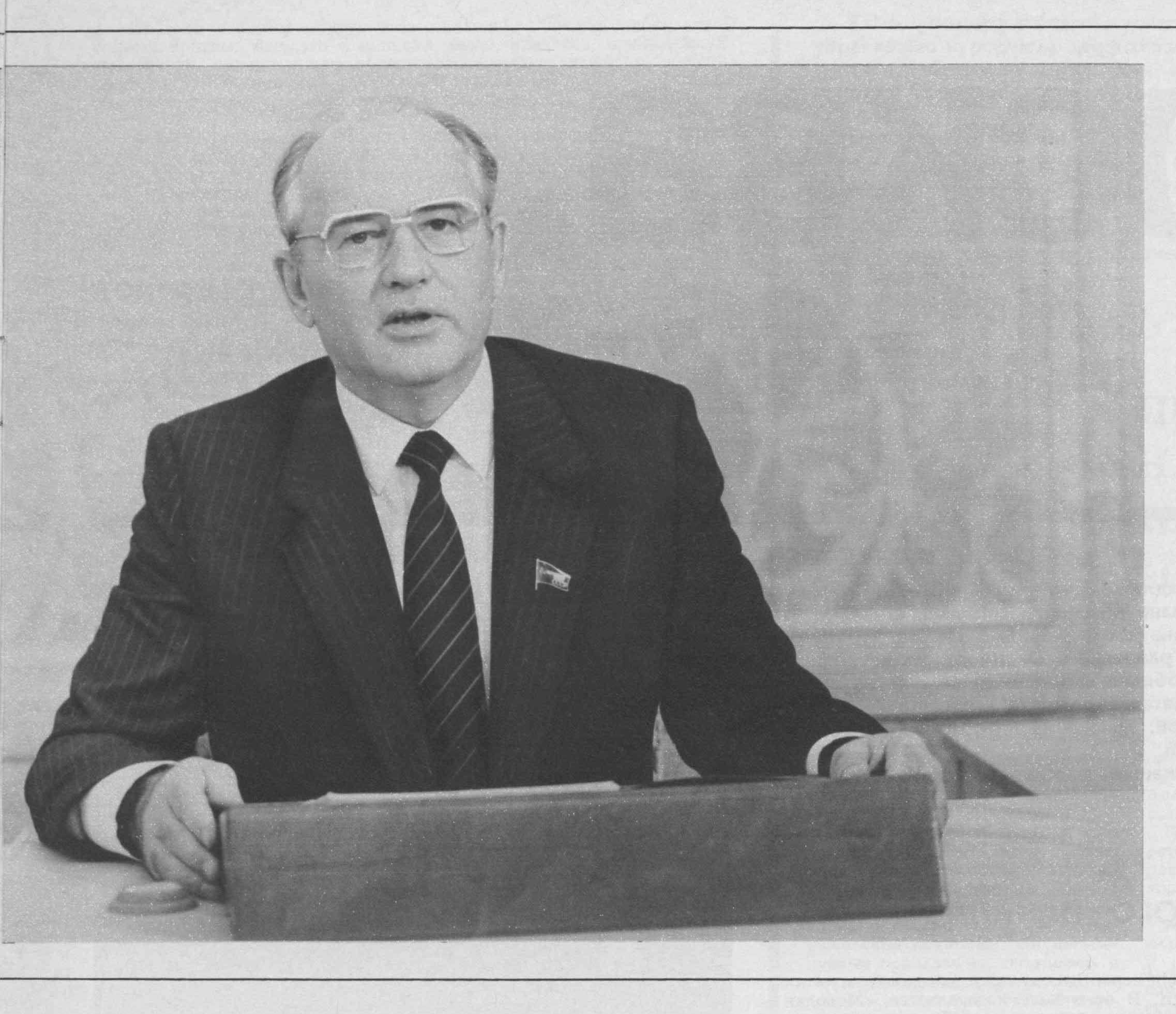
Размышляя над этими словами, многие станут — должны стать — лучшими политиками и философами, чем были.

...Мы говорим о быстротекущем времени как о категории вполне привычной, согласно принимая его переменчивые приметы.

Но все-таки, любя перемены, мы не должны забывать о том, что постоянно. Исторически постоянно. Есть суровые законы, формирующие быстротекущий поток времен; надо их знать и нельзя от них уклониться.

То, что Советская страна так последовательно и твердо отстаивает человеческое право на жизнь, вполне логично. И осознание этой закономерности нашего гуманизма не дает покоя нашим противникам почти семь десятилетий кряду, с Великого Октября.

Пытаясь игнорировать законы общественного развития, те, кто не может примириться с нашим существованием, не устают от угроз в адрес освобождающихся народов, не хотят принимать новой реальности. Нас бесконечно пытаются «ставить в рамки», выдвигают предварительные условия, на которых-де могут согласиться торговать с нами, обмениваться культурными ценностями, даже просто вести переговоры, будто желают обменять наше собственное достоинство и наши духовные константы на секрет пошива немыслимых одеяний, рецепт кока-колы или просто право разговаривать на равных. Многие из наших оппонентов привыкли считать реальностью лишь то, что расположено в пределах их оград. В начале века они звали себя «весь цивилизованный мир», теперь зовут — «весь свободный...». Общество, запрограммированное на неравноправие, не учит своих политиков искусству равноправных переговоров. И слова Михаила Сергеевича Горбачева, прозвучавшие в Заявлении, весьма своевременны и точны: «Современный мир сложен, многообразен и противоречив. И в то же время он объективно становится все более взаимозависимым и целостным. Эту особенность человеческого сообщества конца XX столетия нельзя не

учитывать во внешней политике, если строить ее реалистически. Иначе не будет нормальных международных отношений, иначе они обречены на лихорадку, а в конечном счете — на катастрофическую конфронтацию».

Мы, советские, государственно начинались с того, что продемонстрировали ленинское понимание реализма в политике, осуществив мечту народов о мире, о земле, о хлебе, о книге. С практического утверждения истины, что человек, работающий честно и умело, должен жить лучше, чем тот, кто не хочет трудиться. С этого и началась наша непримиримая и неизменная борьба с угнетательским миром — классовая борьба. В том, что социализм и капитализм противостоят друг другу как системы жизни, системы социальных ценностей,— неизменность двадцатого века, один из самых последовательных законов, по которым развивается судьба человечества. Но это противостояние не должно взорваться войной — это ведь тоже наш тезис о мирном сосуществовании, соревновании, и мы зовем именно к мирному выяснению истины.

Но империализм непримирим. Корень большинства его агрессий именно в том, что бывшие хозяева не могут и не желают смириться с привлекательностью советского опыта, опыта социализма для сотен миллионов угнетенных на свете. А волю народов они подавляли всегда — и собственного, и всех на свете. Ядерное оружие, которое сегодня хотят поднять из-за океана в космос, нацеливая оттуда на нас, сродни тому самому интервентскому пулемету чужестранного десантника, высаживавшегося на нашу землю в Мурманске или Одессе, чтобы залить ее кровью в первые же послереволюционные годы.

Нас много раз пытались победить, но всегда силой оружия и никогда силой правды, силой гуманизма, силой мысли. С первых послереволюционных лет нас стараются сокрушить пулями и взрывчаткой — недавно исполнилось сорок пять лет со дня самой кровопролитной из таких попыток империалистов — вторжения нацистских орд на советскую землю. В словах нынешнего заокеанского президента: «Давайте же перестанем колебаться. Давайте воспользуемся нашей мощью для того, чтобы марксизм-ленинизм оказался на пепелище истории»,— отзвук всей вереницы разгромленных крестовых и прочих походов против социализма, всей тоски несбывшихся классовых надежд, нереализованной классовой ненависти, подымавшей их в эти походы.

Сегодня в мире накопилось более чем по три тысячи килограммов взрывчатки (в переводе на традиционный в таких подсчетах тринитротолуол) на живую душу. Нет столько хлеба, нет столько воды — миллионы гибнут ежегодно от голода и жажды; нет столько книг — миллионы живут в неграмотности. Придумав, как уничтожить человечество, империалисты стремятся лишить его права на разумную и защищенную жизнь, ставят на грань полного уничтожения. Ежедневно от голода погибает более тридцати пяти тысяч младенцев. Третье тысячелетие нашей эры близится — то самое, к началу которого мы призываем уничтожить самое страшное оружие, отдав высвободившиеся деньги на социальные нужды. Оно вынуждено принять в себя всех тех, кого капитализм уже сегодня намеревается лишить права на жизнь. Те же, кто противостоит сегодня борьбе за мир, прежде всего враги собственного народа, обкрадывающие, обездоливающие своих же соотечественников. Бесчеловечность империализма и в этом.

Борьба за мир — великая социальная битва. Это честный самоотверженный труд и великое испытание для бесстрашия и морали сотен миллионов людей. Огромная машина лжи и насилия делает все для того, чтобы отстоять мораль угнетателей, держать человечество на грани небытия, на пороге пепла, из которого уже никто не воскреснет.

Какое там новое мышление! Для оплаты одних лишь пропагандистов, защищающих прежние критерии эксплуататорского общества, расходуется несколько миллиардов долларов в год. С киноэкрана одна за другой рушатся на обывателя лавины лжи — все эти «Рэмбо», «Рокки», «Красные рассветы»— школа ненависти к нам с вами, с неизменным зоологическим призывом «Убей коммуниста!». К началу будущего года заокеанская телесеть Эй-би-си готовится показать двенадцатичасовой многосерийный телефильм «Америка»— десятки миллионов долларов уже вложены в этот сгусток клеветы на социализм, очередное провокационное вранье о том, как мы с вами, советские, «оккупируем Соединенные Штаты». Вздумай кто-нибудь в СССР снять подобную мерзость о любой на свете стране, он был бы поставлен вне закона, потому что самой Конституцией нашей запрещена пропаганда ненависти между народами. Чужой же, воздвигнутый на агрессивной лжи мир, защищает свое право оставаться в этой позиции.

Больше так жить нельзя. Мы обращаемся с призывом и к собственному и ко всем народам на свете, в том числе к американскому, к его разуму, достоинству, чувству реализма. Михаил Сергеевич Горбачев был в Заявлении предельно четок: «Нашу внешнюю политику вдохновляет то, что повсюду в мире в сознании народов, политических, общественных сил самой разной ориентации и мировоззрений все прочнее утверждается убеждение: на карту поставлено само существование человеческого рода, настало время решительных и ответственных действий. Оно требует предельной мобилизации разума и здравого смысла».

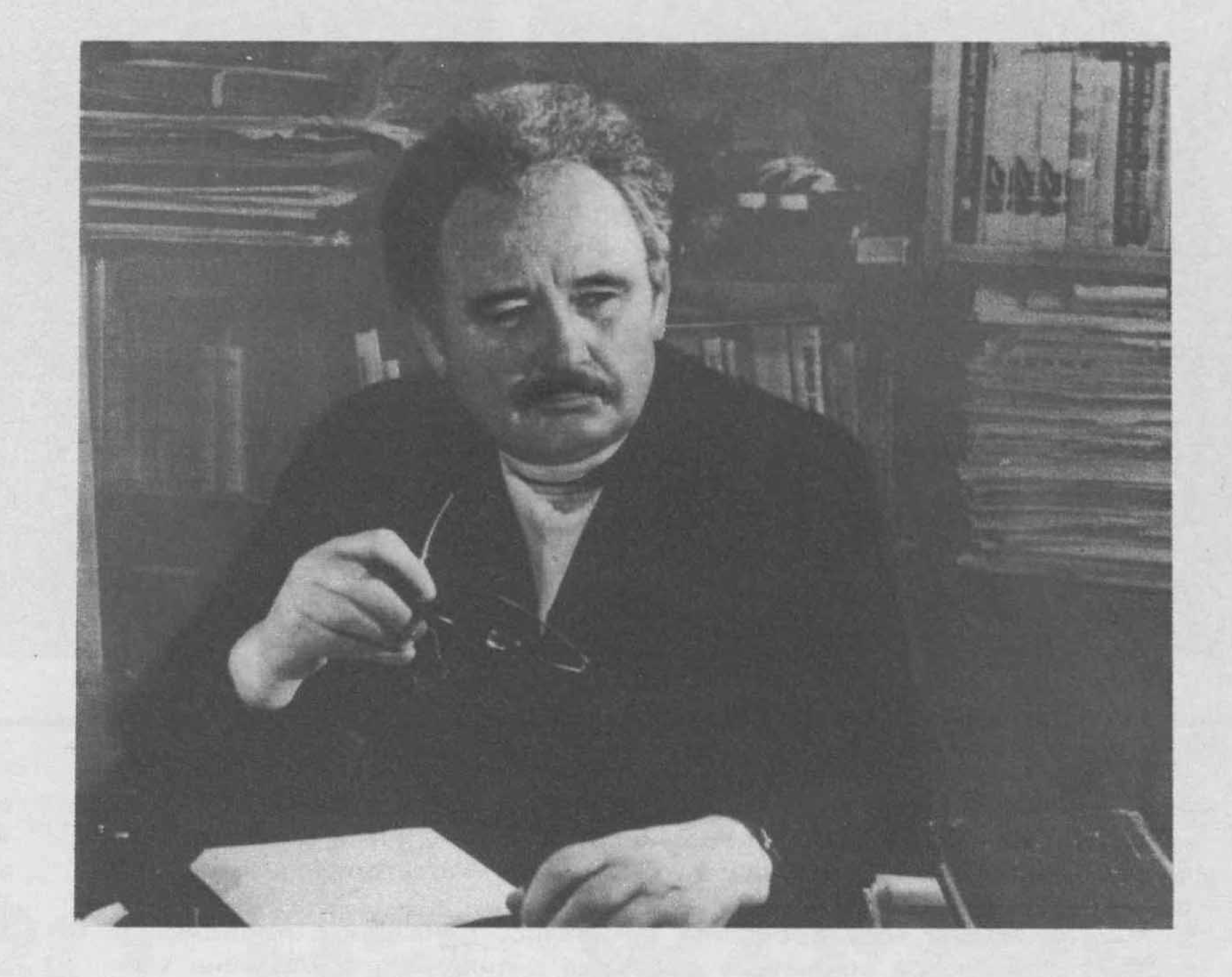
...За десять минут, потраченных вами на чтение этих заметок, население нашей планеты увеличилось тысячи на полторы человек. Сколько же ответственности, сколько неутомимости нужно, чтобы люди эти — вместе с ныне живущими — увидели XXI век и были счастливы в нем! В нашей борьбе за мир — надежда человечества, и надежда эта должна осуществиться!

Москва, 41-42-й...

Иван СТАДНЮК

На стр. 18—21 предлагаем читателям «Огонька» главу из нового романа Ивана Стаднюка «Москва, 41—42-й...». Она проиллюстрирована фотографиями тех лет, снятыми С. Струнниковым, Н. Грановским, О. Кноррингом. Публикация кажется нам особенно своевременной сейчас, когда приближается сорок пятая годовщина разгрома гитлеровских орд под Москвой, одного из поворотных моментов Великой Отечественной.

Предваряем публикацию рассказом автора о работе над этой темой.

НАЧАЛО ОДНОГО НАЧАЛА

Тот июньский день примерно двадцатилетней давности стал для меня особо памятным. В вестибюле издательства «Молодая гвардия» случайно встретился с одним из старейших русских советских писателей, Сергеем Ивановичем Малашкиным. Сергей Иванович, как мне было известно, внимательно следил за моим творческим становлением.

— Над чем сейчас страдаешь?— спросил он.

— Замесил повесть о рождении полководца на фронте,— ответил я, приглашая Малашкина посидеть у курительного столика.— Пока условно назвал повесть «Генералы видят дальше». Хочу посмотреть на войну более объемно, чем видел ее сам.

— С вышки командарма или командующего фронтом?— заинтересованно спросил Сергей Иванович.

— Пока попробую всмотреться в психологию командира механизированного корпуса, который потом станет командующим армией.

— А не стоит ли подняться выше?

— Вряд ли сумею,— усомнился я, вспомнив при этом Петра Андреевича Павленко, который, прочитав в рукописи мою повесть «Человек не сдается», обронил весьма значительную фразу: «Писатель должен в семь раз быть смелее самого себя».— И так замахнулся на трудное.

— А ты дерзни!— убеждал меня Малашкин.— Надо показать, как зарождалась война, что предпринимало наше правительство, чтобы ее избежать... А самую войну ты пережил лично, начиная с первых дней нападения немцев... Попробуй!

— Это очень ответственно и серьезно. К такой работе я не готов, хотя веду записи бесед с некоторыми нашими полководцами.

— А если я познакомлю тебя с Молотовым?

Я знал, что Сергей Иванович дружит с Вячеславом Михайловичем Молотовым, который, как известно, в годы войны был первым заместителем Председателя Совета Народных Комиссаров СССР, заместителем председателя ГКО и наркомом иностранных дел. Дружба Молотова и Малашкина зародилась еще в дооктябрьский период, когда они вместе отбывали ссылку за революционную деятельность.

...И вот мы в подмосковной Жуковке, на даче у Молотова. Сидим за столом на веранде. Вячеслав Михайлович, как мне казалось, посматривает на меня с сомнением, ибо по литературе моя фамилия ему неизвестна. Расспрашивает о книжных новинках, об «Огоньке», где я работал заместителем главного редактора, при этом не очень лестно отзываясь о некоторых публикациях журнала.

Пока больше вопросов задавал Молотов мне — о первых часах и днях войны. Отвечая на них, я обмолвился, что не слышал его речи от 22 июня 1941 года, потому что в то время уже был в боях.

Молотов стал рассказывать о гигантской работе нашего партийного и государственного аппарата, советских дипломатов, направленной на предотвращение войны, о международных загадках, неясностях, о переговорах в Берлине советской делегации (за полгода до начала Великой Отечественной, в неутомимых наших усилиях предотвратить ее), которую он возглавлял, и в частности о том, как Гитлер подбивал ее на то, чтобы СССР подписал соглашение со странами — участницами тройственного пакта (Германия, Япония и Италия) о «разграничении сфер влияния», предлагая сделки, направленные против других народов. Молотов решительно отказался продолжать разговор на сей счет...

— Именно даже участвовать в подобной дискуссии было бы непростительной ошибкой и непорядочно с нашей стороны,— подытожил эту часть разговора Вячеслав Михайлович, и далее стал излагать некоторые факты, дававшие мне возможность представить все те тревоги и заботы, которые томили советских руководителей в канун войны и в ее первые дни.

На прощание я заручился согласием Вячеслава Михайловича позвонить ему, если у меня что-нибудь напишется. Когда стопка машинописного текста заметно выросла, остановился на очередной главе и помчался в Москву, позвонил Молотову и с его согласия нарочным отправил ему несколько глав романа, которому суждено было получить название «Война».

Мне казалось, что для прочтения части моей рукописи Вячеславу Михайловичу понадобится несколько недель. И я, управившись с некоторыми делами, на третий день утром собрался было уезжать в Соколову Пустынь.

И вдруг раздался в квартире телефонный звонок.

— Иван Фотиевич? Я прочитал ваши главы...

Наступила мучительная для меня пауза.

— Будете ругать?— с робостью спросил у него.

— Нет... Наоборот... Мне сейчас будет интересно с вами разговаривать... Приезжайте.

На второй день, ровно в четырнадцать часов, я подъехал к даче Молотова.

Начался разговор. Будто шла тщательная правка плохо отточенной бритвы. Все, что я написал, было, казалось, и правильно, достоверно, однако в нем недоставало каких-то нюансов, необходимых деталей, оттенков, тонкостей в толковании проблем. Я с жадностью впитывал все услышанное от Молотова.

А вот как родились страницы романа, изображающие приезд в августе 1939 года в Москву Иоахима фон Риббентропа — имперского министра иностранных дел Германии — для подписания пакта о ненападении.

С тем же Сергеем Ивановичем Малашкиным мы приехали на квартиру Вячеслава Михайловича, на улицу Грановского, разумеется, по предварительной телефонной договоренности. Я с восхищением рассматривал тщательно подобранную библиотеку, картины на стенах, написанные его братом, художником Николаем Михайловичем Скрябиным, удивлялся тесноватому кабинету с зачехленными в белую парусину двумя-тремя креслами и небольшим столом.

— Почему не садитесь?— удивился Молотов.

— Не смею,— ответил я, пытаясь придать своему голосу шутливый тон.— Ведь придет время, и я тоже, как и многие, буду писать мемуары... Разве я удержусь не написать, что мне выпал счастливый случай сидеть в кресле бывшего главы Советского правительства?!

Я имел в виду, что с 1930-го по май 1941 года Молотов был Председателем Совета Народных Комиссаров СССР.

Вячеслав Михайлович, весело сверкнув глазами, вдруг посерьезнел, помолчал какое-то время и сказал:

— Вы мне напомнили, как в Кремле, после подписания пакта о ненападении, вскоре нацистскими преступниками нарушенного, фон Риббентроп разговаривал по телефону с Берлином... С кем, вы думаете, разговаривал?.. С Гитлером!.. Мы получили колоссальное удовольствие, поняв по его болтовне, сколь глуп имперский министр...

Рассказав некоторые подробности этого разговора, Молотов дал мне «ключ» к написанию одной из важных глав романа «Война».

За двадцать лет я частенько утруждал Вячеслава Михайловича Молотова звонками и визитами. Несколько раз бывал он и у меня на даче в Переделкине. И каждое общение с ним, все его суждения о написанном мной повышали мою ответственность перед читателями. И я, чтобы между нами было все ясно, давая ему вторично прочесть, уже в верстке, первую книгу романа, написал письмо, которое целиком привожу здесь:

«Дорогой Вячеслав Михайлович!

Посылаю Вам верстку 1-й книги романа «Война» (название, возможно, изменится).

К сожалению, мне пришлось пойти на небольшие уступки редактуре в главах, которые Вы читали раньше. Но я внес в них и значительные дополнения.

Роман принят журналом «Октябрь» и планируется к выпуску в январском номере 1970 г.[1]. Времени для работы над версткой — в обрез.

Очень прошу Вас, Вячеслав Михайлович, прочесть в первую очередь подвергшиеся доработке главы 9, 10, 11 (стр. 171—187) и две новые главы — 12 (стр. 187—189) и 21 (стр. 228—234). Буду Вам искренне благодарен за любые замечания.

Еще раз оговариваюсь, что я единолично несу полную ответственность за всю историческую и философскую основу романа, в равной мере как и за все художественно домысленное.

Заранее благодарю Вас!
С глубоким уважением,

И. Стаднюк.

10 декабря 1969 г.».

[1] Книга была опубликована в декабрьском, 12-м, номере журнала «Октябрь» за 1970 год. В дальнейшем эпопея Ивана Стаднюка о Великой Отечественной обрела широкую популярность и была удостоена Государственной премии СССР.

См. стр. 18.

В 30-м номере нашего журнала Центральный совет по управлению курортами профсоюзов, ЦК профсоюза медицинских работников и редакция «Огонька» объявили Всесоюзное соревнование профсоюзных здравниц семейного отдыха.

Опубликовав условия соревнования под девизом «Мама, папа и я», редакция обратилась к читателям журнала с просьбой поделиться впечатлениями о семейном отдыхе в домах и пансионатах.

Сегодня мы публикуем первые письма, полученные Центральным советом по управлению курортами профсоюзов и редакцией.

ПРЕТЕНДУЮТ НА ПРИЗ «ОГОНЬКА»

ХОТЯ БЫ 18 ДНЕЙ!..

«Окский Плес» — это совсем недалеко от Тулы, рядышком с Алексином. Река Ока, прекрасный песчаный пляж... Лодки. Есть и пристань. Сашу, своего сына, я сразу же потеряла. Едва успели оформиться, устроиться в своей комнате — очень уютной с двумя окнами, телевизором, горячей водой,— как Саша исчез, быстро нашел себе приятелей. Он целыми днями пропадал на спортивных и игровых площадках. А я... Что ни день — то экскурсия. Музей-усадьба Поленово, да еще на катере; автобусом — в Ясную Поляну, в Калугу или Тулу. Там ведь такие интересные музеи!..

Десять дней пролетели так быстро, что и оглянуться не успели. День на приезд, день на отъезд — и укладывай чемодан. А уезжать не хочется. Так хорошо тут!

Вот о чем считаю нужным поставить вопрос: ведь отпуск у меня да и у большинства рабочих и работниц — восемнадцать дней. А путевки в дома отдыха на двенадцать. Нельзя ли было бы продлевать их, разумеется, по желанию, еще на неделю. Хотя бы для тех, у кого отпуск 18 дней? Вернулась домой, еще целых шесть дней, и сразу же полно всяких забот. Ведь у женщины, находящейся дома, отдыха не бывает.

Надежда Гудкова, сборщица

СРЕДЬ БУКОВ И КЕДРОВ

Вы были когда-нибудь в парке, в котором 130 разных пород деревьев и кустарников? Платаны и уксусное дерево, кедр сибирский и тополь не простой, а белый, орех черный и краснолистный бук... Если хотите увидеть эти чудо-деревья,— поезжайте в дом отдыха «Авангард», что под Немировом в Винницкой области. Правда, мы были здесь в зимнее время и не видели их в зеленом наряде. Но зато накатались на финских санях и на лыжах, в лесу и по озерам. А озера здесь искусственные, соединенные между собой плотинами и ажурными мостиками. Очень красиво все это выглядит...

Прибавьте к этому чуткое, доброжелательное обслуживание, хорошее питание, благоустроенные корпуса, клуб, литературный салон...

Мы были здесь группой и очень остались довольны.

Т. Антипина, Т. Серегина от имени преподавателей и учащихся Уфимского энергетического техникума.

В «ВЫСОКОМ» — НА ВЫСОКОМ УРОВНЕ

В декабре 1985 года я отдыхал в доме отдыха «Высокое», что под Клином. Он предназначен для обслуживания семейных и родителей с детьми. Но в межсезонье, когда ребята учатся, можно сюда приехать и без детей. Очень понравились мне высокая культура обслуживания, четкая дисциплина, а главное — исполнительность. Хорошо поставлены культурно-массовая работа и занятия физкультурой. Интересны лекции на политические темы. Запомнилась местная художественная самодеятельность. Что меня еще тут порадовало: ни разу не увидел никого в нетрезвом состоянии.

Считаю, порядок в этом большом доме — а отдыхают тут одновременно пятьсот человек — заслуга его директора Александра Афанасьевича Мельникова. С ним мы познакомились сразу же по приезде на беседе, которую он проводил с вновь прибывшими.

Хочется добрые слова благодарности адресовать официанткам — В. Ксенофонтовой и О. Силаевой, сестрам-хозяйкам столовой З. Попович и Н. Ивойловой. Они всегда внимательны и предупредительны, а кухня во главе с шеф-поваром Г. Захаровой готовит очень вкусно и разнообразно.

К. Бекмуратов, персональный пенсионер

Уже сейчас Дальний Восток дает сорок процентов всей добычи рыбы в Союзе. Во время своего пребывания в Приморье Михаил Сергеевич Горбачев подчеркнул, что в силу ряда причин рыбное хозяйство страны будет все больше перемещаться в дальневосточный регион.

Велики еще нужды здешних рыбаков. Хроническая нехватка мощностей ремонтной базы, несовершенство технической оснащенности производств, большая текучесть кадров (сказывается недостаточное развитие социально-культурного строительства на берегу) приводят к тому, что порой даже флагманы дальневосточной флотилии, такие, как «Иероним Уборевич», сдают позиции.

За последнее время в центральных газетах («Правде», «Советской России», «Советской культуре») опубликованы материалы о проблемах развития рыбной промышленности района. «Огонек» неоднократно освещал эту тему, в том числе и в недавней проблемно-критической статье «Отстой» (№ 21, 1986 г.), на которую, к сожалению, до сих пор редакция не получила ответов от союзных министерств рыбного хозяйства, судостроения, морского флота (министры тт. Каменцев В. М., Белоусов И. С., Гуженко Б. Т.).

Недавно наш дальневосточный корреспондент вновь проехал по старым адресам. Предлагаем вниманию читателей очерк по результатам этой поездки.

Как провожают „пароходы“

В. КУЗНЕЦОВ,
собственный корреспондент «Огонька»

* * *

В «Дальморепродукте» сказали, что плавзавод «Иероним Уборевич» собирается в очередной промысловый рейс. При этом уточнили, что звезда его славы закатилась, сегодня он далеко не передовик. Решил побывать на судне, повидать старых друзей, выяснить причины неудач гремевшего прежде высокими показателями на всю страну флагмана дальневосточной рыбоконсервной флотилии. Читатели «Огонька» середины семидесятых годов, возможно, помнят выступления журнала о плавзаводе «Иероним Уборевич».

СТРАНИЧКА ИЗ БЛОКНОТА.
Запись от 14.4.74.

На парадном причале Владивостокского порта состоялась встреча героев рыбацкой пятилетки. С промысла возвратился лидер соревнования плавзавод «Иероним Уборевич». Экипаж выполнил план на 187 процентов — более десяти миллионов банок рыбных консервов! Этим рейсом коллектив плавзавода выполнил взятые обязательства: пятилетний план в четыре года.

...Расторопный морской трамвайчик за десять минут доставил меня на противоположный берег бухты Золотой Рог к причалу Калининской переправы, в полукилометре от которой стоял «Иероним Уборевич».

С радостными воспоминаниями поднялся по трапу на знакомую палубу. Однако с каждым шагом настроение менялось. Оспенные пятна ржавчины покрывали палубные надстройки, леера, ступени трапов. Проходы между люками были загорожены наспех сколоченными ящиками. Позднее узнаю, что в них детали полуавтоматической линии для разделки рыбы. Не прослужив и года, она демонтирована и списывается на берег. Впрочем к ней мы еще вернемся.

Что же произошло, почему так захирел «пароход»?

Об этом и пошел разговор в каюте старого знакомого Ивана Дмитриевича Кулагина, человека бывалого, ветерана войны, одного из опытнейших работников рыбной промышленности. Он начинал морскую жизнь матросом и вот уже четверть века работает первым помощником капитан-директора.

— Да, произошло,— размышляет помполит.— От того экипажа, с которым ты плавал, осталось всего ничего. Сегодня страшный червь текучести точит наш «пароход». Подобно рыбе мы начали портиться с головы. Если жизнь плавбазы со дня постройки поделить на две половины, то первая придется на командование одного человека, Николая Петровича Цветикова, а затем капитан-директора менялись чуть ли не каждый год. И вина в том не тех, кто занимал капитанскую каюту, а тех, кто у руля «Дальморепродукта». Понятие «проводить судно в рейс» там заменяется «выталкиванием». Сбросили с берега швартовы и с глаз долой. А в море экипаж вынужден делать то, что не сделал берег. У нас и экипажа как такового еще нет. По плану плавбаза через две недели должна покинуть Золотой Рог, а мы до сих пор не знаем, кто пойдет в этот рейс капитан-директором, кто займет вакансии в командном составе. На сегодня нам не хватает более двухсот человек — это почти половина экипажа. Вот результат того, что нет на «пароходе» постоянного хозяина. Нынешний капитан-директор Константин Сергеевич Якимов человек на судне временный и дела его временные. Конечно, руководители нашего управления и «Дальрыбы» понимают, что на судах должны быть постоянные экипажи и что ремонт получается качественнее, когда им занимаются те, кому завтра работать в море. Понимают, но беспомощно разводят руками: «Где взять людей?» А ведь раньше отдел кадров управления мог по конкурсу отбирать специалистов для работы в море.

Почему же сегодня люди не идут на плавзаводы?

СТРАНИЧКА ИЗ БЛОКНОТА.
Запись от 30.5.73.

Плавзавод — современное промышленное предприятие и одновременно дом для сотен людей. Впрочем, не только дом, а целый комплекс, имеющий все необходимое для «жильцов». Здесь «прописано» более пятисот человек различных национальностей и профессий. Штурманы, механики, радисты, мотористы, повара, экономисты, слесари, бухгалтеры и даже учителя: на плавзаводе — заочная общеобразовательная школа рыбаков и школа английского языка. Прекрасная библиотека, красный уголок, кают-компания, кинозал, столовая, лазарет, парикмахерская, магазины и почта — все, что нужно для отдыха и устроенного быта людей, работающих в море.

Что же еще нужно рыбаку?

— Нужен берег,— отвечает Иван Дмитриевич,— нужен дом на берегу, а не на плавзаводе. Уходящие в море должны быть спокойны за свой семейный тыл. А у нас сегодня кадровые службы «Дальрыбы», принимая людей на работу, вынуждены прописывать их на судах, потому что не могут предоставить на берегу ни квартиры, ни даже комнаты в общежитии. Вот выписка из выступления начальника «Дальрыбы» депутата Н. И. Котляра на сессии Верховного Совета РСФСР в декабре прошлого года: «Из всех работающих у нас людей более пятидесяти тысяч человек не имеют никакого жилья. На все пять краев и областей Дальнего Востока, где размещаются предприятия рыбной промышленности, в год строится одно-два дошкольных учреждения. Из-за необеспеченности детскими садами и яслями шесть тысяч женщин ежегодно не участвуют в производстве. Последние пятнадцать лет не выделяются средства на строительство клубов, домов культуры, спортивных зданий и сооружений. Вместе с тем на 1986 год для объединения «Дальрыба» объем строительства жилья планируется на четырнадцать процентов ниже, чем предусматривалось на текущий год».

С той же трибуны Котляр от имени дальневосточников просил Госплан и Минрыбхоз СССР увеличить выделение средств на жилищное и социально-культурное строительство. Но пока результатов мы не ощущаем. За восемнадцать лет существования плавзавода «Иероним Уборевич» экипажу была выделена всего одна квартира, да и та гостиничного типа. Вот и сегодня подписал обходной лист штурману Кармышеву. Отличный специалист, любит море и работу, однако вынужден сойти на берег и уехать на запад, потому что беременная жена не имеет во Владивостоке жилья. Даже капитан-директор Калатовкин одиннадцать лет жил с больной женой и двумя детьми в гостинице «Нептун». Так что каким бы ни был комфорт в море, а на земле рыбаку нужен свой дом. Почему этого не понимают люди, которым

по старым адресам

доверено руководство одной из ведущих в стране отраслей? Ставка на приглашение сезонников с запада дает временный выигрыш. В конечном счете эта миграция обходится государству в сотни миллионов рублей. Дальнему Востоку очень нужны оседлые работники, а не летуны. Многие из приезжающих свили бы здесь свои гнезда.

СТРАНИЧКА ИЗ БЛОКНОТА. Запись от 9.9.81.

Из беседы с начальником «Дальрыбы» Владимиром Флориановичем Старжинским.

«Объем строительства у нас немалый, в текущей пятилетке выделено 178 миллионов рублей. Однако эти суммы не учитывают реальных возможностей строителей Дальнего Востока. Из года в год планы подрядных работ промышленного и жилищного строительства не выполняются. Ежегодно не осваиваются миллионы рублей. Рыбаки недополучают жилье, объекты соцкультбыта. Например, в десятой пятилетке предприятия рыбной отрасли в крае не получили 4300 квадратных метров жилой площади. Выход из создавшегося положения видится в значительном увеличении мощностей собственных строительных предприятий, в преобразовании слабых и разрозненных стройуправлений треста «Приморспецрыбстрой» в плавучие строительно-монтажные отряды, которые необходимо пополнить современной строительной техникой, транспортом. Следует также значительно усилить собственную базу стройиндустрии. Тогда мы сможем большую часть подрядов передать своим строителям, а предприятиям строительных министерств — лишь те объекты, которые невозможно построить своими силами. Эти вопросы мы ставим перед Минрыбхозом СССР».

Выходит, вопросы ставятся давно. Но не решаются. По-прежнему самым обездоленным на советском дальневосточном берегу остается рыбак. Если в среднем на каждого жителя Владивостока приходится около восьми квадратных метров жилья, то в расчете на рыбака этот показатель в два с лишним раза ниже.

В одном городе живут, одни моря бороздят штурманы и матросы Минрыбхоза и Морфлота. Только вот заботы о них разные. Морфлотовские куда ощутимее. Я помню, как Дальневосточное морское пароходство справляло новоселье в новом Дворце культуры. У рыбаков же нет ни старого, ни нового.

Резкий стук в дверь прервал нашу беседу. В каюту вошла симпатичная женщина средних лет.

— Валентина Макаровна Килина, начальник цеха,— представил нее Иван Дмитриевич.

Женщина рассказала о недавнем посещении ее хозяйства комиссией из управления «Дальморепродукт», которую сама же и приглашала, ибо не согласна с решениями техотдела управления по установке пресервной линии. Той самой, что была снята во время большого ремонта, когда «Иероним Уборевич» год простоял у заводской стенки. Пресервная линия на плавзаводе со дня постройки. И пресервы — малосоленая сельдь в больших банках — считались основной продукцией. На судне специально для этого продукта имеются дополнительные емкости с холодильниками. Линия прекрасно работала до ремонта, пока руководство «Дальморепродукта» не приняло решение заменить ее на консервный конвейер. Прошла девятимесячная путина, а новый конвейер так и не начал действовать. Сейчас он уже списан на берег. А в цехе спешно монтируется когда-то снятая пресервная линия. Это никак не устраивает начальника цеха.

Рыбацкую карьеру Валентина Макаровна начинала с матроса-обработчика. За десять лет прошла все ступени рыбоконсервного производства, хорошо знакома с трудом рыбообработчиц. Знает, что значит по многу часов стоять у конвейерных линий, разделывая рыбу.

В море плавзавод настроен на прием рыбы и выпуск консервов. Этому на судне подчинено все. Круглосуточно, естественно, когда есть сырье, грохочет производственный цех под главной палубой корабля. Работают там женщины.

— Пока девичьим пальчикам, укладывающим ломтики рыбы в жестяные баночки, ученые мужи замены не нашли,— высказывает обиду Валентина Макаровна.— Правда, с двумя машинами я знакома — это «ИРА» и «ИНА», но эти «ирочки» и «иночки» слишком нежные, рассчитаны на мелочь, лососей и треску они не берут. Выпускаются машины в небольшом количестве где-то на берегах Балтики экспериментальным заводом. Министерство распределяет их чуть ли не поштучно. Десять лет я в рыбоконсервном производстве и десять лет слышу о механизации и автоматизации. Каких только «спецов» не встречала на борту плавзавода: приезжали из министерства, из «Дальрыбы», из институтов и управлений. Все согласны: надо уходить от ручного труда. Вот только как и когда? Не поверите, однажды приснилось, как по всей технологической цепочке, от раздевалки до укладки, роботы стоят. Бегом в цех бежала, а там все то же — перегруженные сверх меры механизмы кривят, косят, срываются, останавливаются. В прошлом рейсе я подсчитала: простояли из-за этого более трехсот часов.

Позже, когда мы беседовали с секретарем Приморского крайкома КПСС Чубаем, Владимир Павлович особо подчеркнул, что в одиннадцатой пятилетке количество простаивающих на производстве машин по сравнению с десятой возросло в два раза, а стоимость невведенного импортного оборудования — даже втрое. На рыбацком флоте крайне медленно ведется механизация и автоматизация трудоемких процессов. Ручным трудом еще заняты трое из каждых пяти работающих. Достижения научно-технического прогресса пока внедряются слабо, да и кому разрабатывать и внедрять так нужные нам сегодня механизированные комплексы, если объединение «Дальтехрыбпром» к этому не готово. Его нынешние возможности несопоставимы с развитием отрасли. «Дальрыбе» и министерству пора подумать о расширении производственных мощностей «Дальтехрыбпрома». Для успешного решения задач, поставленных перед рыбаками Дальнего Востока, нужны смелость решений и постоянный поиск каждого коллектива. Нужна помощь Министерства рыбного хозяйства СССР.

В начале года на складах «Дальрыбы» скопилось около 80 миллионов баночек рыбных консервов. В основном — минтая и ставриды. Ставрида добывалась далеко от родных берегов, плыла через весь Тихий океан и закатанная в железные баночки лежит на складских полках. Торговля отказывается ее брать. Продукция не пользуется спросом. Таков финал пресловутого «вала». Планирование в «Дальрыбе» ведется от достигнутого, а рыбаки получают за тонну пойманной рыбы, обработчики — за количество сделанных консервов. Есть, конечно, и план по реализации, но на него слишком часто закрывают глаза как в объединении, так и в министерстве.

Что сегодня видит покупатель в витринах рыбных отделов? Бумажные этикетки с бесцветными надписями: «минтай в масле», «минтай в томатной заливке», «ставрида», «навага»... А ведь в том же «Дальморепродукте» есть жестянобаночная фабрика с великолепным импортным оборудованием литографического производства. Не хватает только желания бороться за покупателя, за честь своей продукции, идти путем перестройки.

СТРАНИЧКА ИЗ БЛОКНОТА. Запись от 24.6.86.

В Дальневосточном институте советской торговли (ДВИСТе) состоялась дегустация блюд, разработанных лабораторией «Океан». На суд гурманов было выставлено сто (!) блюд, все из дальневосточного сырья — морепродуктов и дикоросов.

Сегодня каждому известно: белок есть жизнь. Известен и его дефицит на планете. Знаем мы и о том, что Тихий океан — поистине белковая житница: рыба, ракообразные, иглокожие, моллюски — богатейший биологический набор. На дегустацию в ДВИСТе, впервые в истории общественного питания, были вынесены блюда из морского зверя — нерпы, ларги, морского зайца-лахтока, моржа. Для большинства вкус этого мяса неведом, хотя народы севера считают его деликатесом. По содержанию белка мясо морского зверя намного богаче говядины.

Прошла дегустация, довольными и сытыми разошлись гости. Среди них было немало и специалистов «Дальрыбы». А что дальше? Кто теперь должен связывать институтскую лабораторию с производством, да так, чтобы от этого союза польза была, чтобы новый продукт пришел на смену пресловутым «частикам», рыбным фаршам, «котлетам в томатном соусе», которые не сходят сегодня с магазинных прилавков.

— Мы ведь тоже предлагали варианты образцов новой продукции,— сообщает Валентина Макаровна.— По нашей просьбе механики плавзавода смонтировали линию для обрезания плавников камбалы, из которых сделали великолепную уху. Представляли и варианты тресковой икры с укропом и другими пряностями. В «Дальморепродукте» отведали, похвалили нас и забыли. Никому, оказывается, не нужны хлопоты с новой продукцией.

— Это обычный, рядовой факт отношения берега к нам,— поддерживает разговор Иван Дмитриевич.— Бывает куда обиднее. На прошлой путине, выходя в море, мы настраивались на работу с иваси. Не успели скрыться за горизонтом берега Приморья, как на плавзавод поступила новая команда: менять курс и следовать на обработку лососей. Хотя на берегу прекрасно знали, что у нас для этого нет оборудования. Только с горем пополам справились — новая «вводная»: обрабатывать треску: опять не под нашу технологию. Сделали треску и вовсе встали. Топливо кончилось, а берег вовремя не позаботился. Дали топливо, забыли про банкотару. Так вот и прошли мимо нас хорошие, жирные иваси, а мы гнали на конвейерах ставриду, лежащую сегодня на складах. Что касается ремонта, задержались, потому что после прихода в порт ровно месяц не могли выгрузить продукцию, которой были забиты не только трюмы, но и производственные помещения. Берег-то знал о нашем приходе, а к встрече не подготовился. Так же, как не готов и к проводам «парохода» на промысел. До сих пор на борту нет ни запасных частей, ни промыслового снаряжения. И опять нас ждет «выталкивание» и наверняка тот же печальный результат и клеймо отстающих. В партийных документах последнего времени подчеркивалось, что несогласованность действий — это сегодня не просто упущение, но непосредственный тормоз на пути перестройки. И взыскивать за это надо по самому строгому партийному счету.

В какие же колокола до́лжно ударить, чтобы услышали в Минрыбхозе и помогли устранить препятствия, мешающие в работе дальневосточным рыбакам? И не только в Минрыбхозе. В речи М. С. Горбачева во Владивостоке прозвучала справедливая критика в адрес Госплана и Госснаба СССР, краевой партийной организации за недостаточное внимание к нуждам важнейшей отрасли, к нуждам ее замечательных тружеников.

...В конце июля я позвонил во Владивосток И. Д. Кулагину.

— Нахожусь под впечатлением от приезда к нам Михаила Сергеевича Горбачева,— сказал он.— Окрыляет откровенность разговоров, бесед с нами, дальневосточниками. Очень правильно подчеркнуто, что перестройка — дело общенародное. Правильно заметил Михаил Сергеевич: «Я бы поставил знак равенства между словами перестройка — революция». Перестройка сегодня не просто лозунг дня — это программа наших действий на текущую пятилетку. Ох, как бы не хотелось, чтобы это слово трепали уста демагогов, привыкших прикрывать дело громкими фразами, лакированной показухой. Надо работать всем, каждому отвечать за свое дело. Вот мы работаем в море, работаем, между прочим, в две смены, так почему же береговые предприятия, судоремонтные заводы не переходят на двух-, а то и трехсменную работу. «Иерониму Уборевичу» надо быть уже на промысле, а он по-прежнему стоит у причальной стенки, и по-прежнему берег решает, кто пойдет капитаном на этом плавзаводе, кто займет места в производственном цехе.

Верю, что после визита на Дальний Восток Генерального секретаря ЦК КПСС наконец-то будет решаться самый больной наш рыбацкий вопрос — социальный.

по старым адресам

КИНО

Как можно привыкнуть к мысли о смерти человечества? Страшно смотреть этот фильм. Но смотреть необходимо

КОМУ ЧИТАТЬ НАШИ ПИСЬМА?

Анатолий ПРОХОРОВ

...Летняя гроза. Близкие раскаты грома. Трехлетний мальчик, испуганно прижавшись к колену отца, спрашивает:

— Папа, это что, атомная война?..

До какой же близости к катастрофе доведено человечество, если эти страшные слова так запросто проникают в речь малыша? Как же непоправимо должно измениться сознание каждого из нас, чтобы дыхание ядерного конца света стало уже привычной банальностью?!

Нет, мы не смирились с нависшей угрозой. Каждый день планеты сегодня — это прежде всего день борьбы с безграничной ныне атомной опасностью. Но постепенно произошло нечто иное, менее заметное, но, может быть, более страшное. Мы привыкли к самой мысли о возможной гибели человечества. Для нас она стала столь же реальным исходом, как смерть наших родителей.

Как можно привыкать к этому?

...Вопрос трехлетнего сына стал для кинорежиссера Константина Лопушанского тенью страха, к которой он за все прошедшее с той поры время привыкнуть так и не смог. Наслаивались горы тревожной информации, сотни социальных, медицинских и экологических проблем, тысячи маленьких толчков жизни, опасливо посматривавшей в сторону затаившихся пусковых установок и складов с боеголовками, возникала масса образных ассоциаций, приближая режиссера к теме ядерного апокалипсиса. Но в центре этого мрачного циклона в пугающей неподвижности по-прежнему таился вопрос сына:

— Папа, это что, атомная война?

И появился фильм «Письма мертвого человека».

...Неровно мерцает слабый свет лампочки, яркость которой зависит от того, насколько быстро вращает велосипедные педали самодельного электрогенератора старый человек, сидящий за письменным столом. В глубоком бомбоубежище под развалинами одного из крупнейших музеев мира ученый, лауреат Нобелевской премии (хотя какое это сейчас имеет значение!) пишет письма своему сыну Эрику, без вести пропавшему в первые минуты атомной бомбардировки. Письма мертвому сыну... И лишь иллюзорная надежда на то, что Эрик чудом — восьмым чудом света! — остался жив, поддерживает отца, пережившего эти долгие первые минуты и тем самым обреченного на длительное умирание.

Я перебираю в памяти многие апокалипсические кадры фильма и пытаюсь понять, какие же из них уже никогда не уйдут из моей памяти. Может быть, долгая подготовка к выходу на улицу: резиновый комбинезон, противогаз, громадные перчатки, верхний прорезиненный фартук, окутывающий и без того бесформенную фигуру. Или поэтапный путь «на свежий воздух» через десяток стальных дверей и шлюзов с раскручиванием маховиков, открывающих двери. Или опаленные оползни зданий, железобетонные «кровоподтеки» города по бокам бывшей улицы — зловонного потока гари и ветра, непросыхающего месива грязи, молока и мазута, скопища пустых консервных банок, бумаги и неубранных трупов... И неубранных трупов.

Или же врач, отказывающий в пропусках в центральный бункер — то есть отказывающий в жизни! — двенадцати уцелевшим приютским детям на том основании, что они который день испуганно молчат (значит, психически нездоровы!). Врач, отказывающий в жизни детям из-за невозможности обеспечить выживание здоровым членам стаи. Я не оговорился, именно стаи, а даже уже не племени. Жестокость первобытных веков — наследница Ренессанса и Просвещения? И это всего через несколько дней после начала войны?

То есть после ее окончания...

Но ведь окончание войны — это наступление мира. Мир ли наступил?

Я не знаю, как все это правильно назвать... Я не хочу знать, как это было бы правильным называть! Здесь не может быть «правильного»! Апокалипсис неназываем. У него нет пространства — и людей хоронят не у обрыва возле реки, а в этой же подвальной комнате возле шкафа с музейными черепками. У него нет времени — и брошенное слово «сейчас» вдруг становится страшным. Оно делает невозможное реальностью, трагическую невероятность — хроникальной очевидностью.

Страшно смотреть этот фильм, страшно!

Но смотреть его необходимо.

Он увеличивает нашу ответственность за судьбу мира. Не общую, не коллективную, а личную, твою и мою. Об этом и говорил Ролан Быков, исполнитель главной роли, представляя фильм «Письма мертвого человека»: «Мне все привычно говорят: «Нас волнует судьба человечества». А я вижу — не волнует! А вот мелкие ежесекундные интересы волнуют! Но ведь с каждого из нас начинается путь к политическим платформам и дипломатическим мнениям. Река складывается по капельке! По капельке!»

И только одна неточность проскользнула в словах Ролана Антоновича. Он назвал фильм научно-фантастическим по жанру. Фантастическим?.. Сколько бы дал каждый из нас, чтобы картина гибели планеты вновь смогла стать фантастикой! Но увы, сегодня она уже публицистика. И не станет ли она, эта «фантастика», завтра документальным сюжетом?

Одна зрительница после просмотра фильма сказала мне: «А знаете, какой момент фильма был для меня самым страшным? Даже не тот эпизод, когда профессор в поисках пропавшего сына попадает в детский отсек центрального бункера и видит сотни умирающих детей, которые кричат, корчась от невыносимой боли, уже не заглушаемой никакими болеутоляющими средствами (да и нет их уже, этих средств!). И сам он кричит, страшно кричит от увиденного. Кричит, а мы не слышим его крика из-за общего предсмертного вопля детей.

Даже не этот момент — момент невыносимый! — был самым страшным. А кадры пусков межконтинентальных ракет. Ведь это были документальные кадры...»

Такова эволюция технологии смерти — от фантастики к хронике дня. Но как же не допустить обратного, щадящего наше и без того травмированное сознание хода человеческой мысли: это еще не хроника, это еще фантастика? Как не допустить вползания перепуганного «я» в скорлупу обыденности? Вот, пожалуй, та главная проблема, которую решали авторы фильма.

В другом месте и в другое время мы напишем о таланте режиссера, о его интересном пути в кинематограф (Константин Лопушанский — профессиональный музыкант: лауреат республиканского конкурса как пианист и кандидат искусствоведения как музыковед), о его первой короткометражке «Соло», собравшей богатый урожай кинематографических наград. Но все это не здесь и не сейчас. Слишком весомый счет предъявляют «Письма мертвого человека». Не о таланте здесь надо говорить, а о силе личности, об историзме и масштабе человеческой позиции, о крепости духа, о несокрушимости надежды.

Такова внутренняя основа Константина Лопушанского. Сможет ли это же стать основой для каждого из нас? Для каждого нашего поступка? Начиная от выхода из зрительного зала и на всю оставшуюся жизнь.

Тогда она останется, эта жизнь. И будет кому читать письма.

В роли ученого — Ролан Быков.

Дети на развалинах бывшего города.

Цезарь **СОЛОДАРЬ**

паути

ФАНАТИЧНАЯ «ЗАБЫВЧИВОСТЬ»

Когда 21 апреля 1945 года канонада советской артиллерии уже донеслась до бараков Заксенхаузена, эсэсовцы погнали к морю свыше 30 тысяч узников. Их должны были потопить на баржах вблизи Любека. Марк Тилевич, ныне заместитель главного редактора журнала «За рулем», тоже шагал этой дорогой смерти. «Каждого, кто в бессилии останавливался,— рассказывает он,— убивали на месте. По всей дороге к морю алела кровь застреленных.

Мы брали под руки ослабевших, старались им помочь, ободрить. Так было до последнего дня. Так было со мной первого мая, когда отказали силы и два моих товарища, два советских офицера, Николай Мурашко и Петр Ермаков, буквально донесли меня до места ночлега. А когда я очнулся, то увидел краснозвездные пилотки и понял: это наши! Это жизнь! Советские солдаты помешали эсэсовцам совершить еще одно злодеяние — освободили тысячи обреченных на гибель людей... Я один из тех, кто ежегодно отмечает свой второй день рождения...».

Дважды в году, подобно Марку Тилевичу, праздновать день рождения могут и десятки тысяч евреев, в годы войны заточенных нацистами в гетто.

Еще один весьма красноречивый эпизод — освобождение узников будапештского гетто. О том, как это было, рассказывает полковник в отставке Владимир Барановский, бывший дивизионный инженер 151-й Краснознаменной Жмеринско-Будапештской дивизии:

— Мы увидели, что на нашем пути слева находятся какие-то кварталы, сплошным забором изолированные от остальной части города. От командира дивизии Дениса Прохоровича Почивайлова я узнал: это — созданное фашистами гетто. Там вместе с еврейским населением Будапешта томились и политзаключенные венгры, также обреченные на уничтожение. 17 января Герой Советского Союза генерал Афонин приказал нанести удар в сторону гетто. Удар непременно требовался внезапный. Жестокость врага была известна: он не оставлял живыми своих узников. Неподалеку от венгерской столицы фашисты расстреляли из пулеметов 70 тысяч человек перед самым приходом Советской Армии. Медлить было нельзя. Ночью наши саперы перерезали все кабели и провода, ведущие в гетто,— ведь могли быть приведены в действие взрывные механизмы. Рано утром 18 января наши солдаты гранатами уничтожили пулеметные гнезда фашистов и взломали стену гетто. Фашисты не успели осуществить свой зверский замысел. Но сопротивление оказывали. Большинство из наших людей, кто освобождал будапештское гетто, погибли в последующих боях за венгерскую столицу.

— Поначалу узники даже не верили, что пришло спасение,— продолжает В. Л. Барановский.— Но наши солдаты показывали им красные звезды на своих ушанках. Объясняли подавленным людям: вы свободны! Потом на улицах появились наши полевые кухни. Запахло едой. И голодные, изнуренные люди начали понимать, что мы хотим их накормить... На нашем боевом пути было немало спасенных нами людей. Но когда мы с боями шли освобождать тот или иной лагерь, то не знали заранее, кто там — французы, русские, евреи, украинцы или немецкие коммунисты. Это узнавали потом. Задача с самого начала была ясна: спасти обреченных на смерть — это был наш долг воинов-интернационалистов!..

Вот вам, читатель, подлинное, выстраданное свидетельство советского воина, участника освобождения будапештского гетто. Оно еще раз доказывает, насколько лживы россказни современных «крестоносцев» о «равнодушии» советских воинов к судьбе узников фашизма.

Бывая в Будапеште, я всегда прихожу на улицу Дохань, где некогда стояла зловещая стена, отгораживавшая узников гетто от мира, от человечества. Долго гляжу на мраморную доску, золотыми буквами увековечившую подвиг советских воинов, спасших обреченных на смерть узников.

Не помню случая, чтобы у этого памятного места не было благодарных людей, пришедших поклониться павшим жертвам гитлеризма и тем, кто спас оставшихся в живых.

Неужели способен какой-либо израильтянин, вызволенный, скажем, из будапештского гетто, хоть в малейшей мере отрицать, что он обязан жизнью нашим войскам? Неужели он не сказал об этом детям и внукам? Неужели «крестоносная» пропаганда до конца побеждает в сионисте элементарную человеческую совесть?

Представьте, побеждает.

В один из сентябрьских дней 1976 года из подъехавшего автобуса высыпала шумная группа туристов. Почти у всех были фотоаппараты. Подошли к мраморной доске. Но ознакомившись с надписью, подчеркнуто-небрежно поспешили отойти. А пожилая женщина с объемистым блокнотом даже презрительно махнула рукой. Мне удалось выяснить у гида, каких туристов он сюда привез. Оказывается, они приехали из США и посланы в туристский вояж за счет одной из влиятельнейших и богатейших сионистских организаций, «Бнай брит». Еще при посещении еврейского музея они предупредили, что любой экспонат, рассказывающий о роли советских воинов в спасении узников гетто, они считают... «фальсифицированным», что узников гетто «все остальные народы» не хотели спасать, тем более «антисемитски настроенные советские люди».

Что же, американские сионисты остались верны своим повадкам даже в такой необычной обстановке. Все, кто там был, молча смотрели повлажневшими глазами на памятную мраморную доску, а бнай-бритовцы голосисто требовали от гида поскорее провести их туда, где сохранились «лачуги будапештской еврейской бедноты».

Кто-то из венгров, знавших английский язык, гневно бросил им: «Ошибаетесь, теперь в Будапеште нет ни бедноты, ни лачуг!..»

ГОРЬКИЕ ПЛОДЫ НЕТОРОПЛИВОСТИ

Послушная своим хозяевам, сионистская пропаганда, конечно, хранит гордое молчание о том, как во время второй мировой войны непрестанные отсрочки начала военных действий на втором фронте стоили жизни многим и многим тысячам заключенных фашистских лагерей. Даже вступив уже на германскую территорию, войска союзников зачастую медлили, не прибегали к стремительным броскам, к непосредственному соприкосновению с противником. Хотя сопротивление фашистов, сосредоточивших основные силы на Восточном фронте, было не столь уж сильным [1]. А порой союзные войска продвигались вперед просто по следам отступавших без боя фашистских войсковых частей. Это позволило гитлеровцам в последний час перед отступлением уничтожать узников лагерей смерти и их многочисленных филиалов.

Точно помню день, когда я впервые услышал об этом: 6 мая 1945 года в городке Клейтце по ту сторону Эльбы. Вместе с фронтовыми корреспондентами Борисом Горбатовым, Всеволодом Ивановым, Александром Беком, Леонидом Кудреватых, Мартыном Мержановым мне довелось стать свидетелем встречи американских офицеров с группой наших офицеров во главе с генералом М. Сиязовым.

На том берегу нас ждали автомобили с американскими провожатыми. Горбатова и нас с Мержановым усадил в свою машину щеголеватый адъютант командира танковой части. Отрекомендовался актером одного из американских мюзик-холлов. Сравнительно сносно говоря по-русски, адъютант на ходу засыпал нас всякими «подковыристыми» вопросами. Разглядев по звездочкам на погонах в Горбатове старшего по воинскому званию, он стал обращаться преимущественно к нему. Горбатов слушал американца сдержанно, не поворачивая к нему головы, и подчеркнуто коротко отвечал. Обнаглевший хлыщ не без насмешки спросил:

— Вы не находите, что несколько поздновато взяли Берлин? Уже две недели мы с нетерпением ждем вас у этой унылой речушки Эльбы. Мы рассчитали, что вы возьмете Берлин раньше. Нехорошо так испытывать терпение союзников, нехорошо. Ведь мы...

— Не смейте так шутить!— оборвал вскипевший Горбатов распоясавшегося актеришку.— «Рассчитали»! А вы не рассчитали, какая разница между кровопролитными боями и маршевой прогулкой?! Поглядели бы на наши танки после сражений с фашистами! А ваши вот стоят без единой вмятины, даже без царапин. Такое впечатление, что вы с них не снимали чехлов...

---

[1] Как тут не сослаться на упоминание Маршала Советского Союза Г. К. Жукова о том, что «союзники уже вскоре после открытия второго фронта превосходили противника по числу людей в 2 раза, по танкам — в 4 раза, по самолетам — в 6 раз».

Продолжение. См. «Огонек» № 33.

на

Прошло двадцать семь лет. Олимпиада в Мюнхене. Первое воскресенье сентября. Близ Мюнхена, в Дахау, где в марте 1933 года фашисты начали массовые расправы в своем первом концентрационном лагере, проходит интернациональный антифашистский митинг олимпийской молодежи. До сих пор не могу без волнения вспоминать об этом митинге, который пытались сорвать западногерманские неонацисты, бандеровское отребье и молодые сионисты.

Один из норвежских спортсменов, приехавший на Олимпиаду туристом, сдерживая слезы, рассказывает журналистам:

— Если бы американские генералы поставили перед своими войсками задачу — захватить Дахау штурмом, мой отец, возможно, остался бы в живых. Я теперь точно знаю: отца вместе с шестью норвежцами убили за сорок шесть часов до прихода американцев.

Этот памятный эпизод, неотвратимо напоминающий о невинных жертвах маршевых прогулок, недавно предстал передо мной на еще более зловещем фоне. Посудите сами.

Оказывается, министр обороны США времен второй мировой войны Генри Стимсон решительно выступал против разрешения укрыться в Америке еврейским беженцам из охваченной пожаром фашистского нашествия Европы. Военно-воздушным силам США Стимсон прямо приказал не бомбить охранявшие лагеря смерти эсэсовские войска и железнодорожные ветки, по которым поезда с обреченными на смерть людьми направлялись в эти лагеря. Об этом вынуждены были мимоходом сообщить 5 апреля 1985 года некоторые израильские газеты со ссылкой на проведенное в США «исследование, посвященное проблеме отношения американского правительства к еврейским беженцам во время второй мировой войны».

Упомянутый руководитель Пентагона следовал своим антикоммунистическим и антисемитским принципам и после войны. Он, в частности, резко выступал против ареста нацистских преступников и суда над ними, утверждая, что это бросит Германию в объятия коммунизма.

Антисемитская линия Стимсона вполне соответствовала взглядам и делам многих видных деятелей вашингтонской администрации предвоенного и военного периодов. Убедительные доводы в подтверждение этого приводит американский писатель-публицист Ч. Хайэм в изданной в 1985 году книге «Американская свастика. Поразительная история нашего сотрудничества с нацистами с 1933 года по настоящее время». Чтобы хоть как-нибудь оправдать американо-нацистский альянс, политические деятели США стимсоновской модели твердили о «страхе» не только перед коммунизмом, но и перед... антисемитизмом. Ничего не скажешь, контакты с гитлеровцами, беспощадно уничтожавшими евреев,— весьма оригинальный способ борьбы с антисемитизмом.

Сколь чудовищны в свете этих фактов попытки сегодняшних «крестоносцев» из Пентагона умалить гигантскую роль Вооруженных Сил Советского Союза в разгроме вермахта и в освобождении узников гитлеризма!

Те же «крестоносцы» поощряют и стимулируют расистскую политику сионизма. И равнодушны к тому, что она направлена не только против арабского мира (это уже стало для них делом привычным!), но за последнее время все острее нарушает элементарные человеческие права многих... евреев.

ПРАВО НА БЕСПРАВИЕ

«Миф о том, что Израиль — это общество равных возможностей, опровергнут». Такое недвусмысленное признание влиятельной сионистской газеты «Джерузалем пост» избавляет меня от необходимости приводить здесь выдержки из полных отчаяния писем, адресуемых Антисионистскому комитету советской общественности бывшими советскими гражданами, изведавшими на собственном опыте цену пресловутых «равных возможностей». В сионистском «раю» им часто приходится выслушивать от чиновников, общественных деятелей и главным образом от сионистских функционеров такое назидание: «Соглашайтесь на неизбежные жертвы, не может быть жизни без «гезонде цорес!». Последние два слова означают «здоровые беды». Однако беды не перестают быть бедами, назови их не только здоровыми, но даже полезными. И олим, следуя примеру коренных израильтян, бегут из страны, где приходится на каждом шагу, ежедневно, ежечасно соглашаться с неизбежными жертвами.

Даже журналистка Ривка Рабинович, специализировавшаяся на злобных антисоветских пасквилях, вынуждена признать, что абсорбция проваливается. Вырастают, как грибы, и вскоре лопаются, как мыльные пузыри, куцые объединения работников искусств, фармацевтов и даже счетных работников, объединения олим из не чисто еврейских семей и тех, кто не в силах овладеть хотя бы в самой незначительной степени ивритом. Этим и им подобным «объединениям» не удается даже в самой малой степени защитить элементарные права своих членов.

Но истины ради следует сказать: кое-каких поблажек олим все-таки добиваются. Например, они будут на определенный период освобождаться от недавно введенного налога на... пособие за многодетность. Правда, расисты-старожилы получат новый повод вопить о безудержных затратах государства на льготы «для этих жадных олим».

Новоиспеченные израильтяне, измученные так называемыми «льготами», в отчаянии бегут из страны. Некоторым удается пробраться в Соединенные Штаты. При этом они, как говорится, «меняют шило на швайку».

А нью-йоркское «Новое русское слово» (эту газетенку редактирует под псевдонимом Андрея Седых сионист Яков Цвибак) продолжает фабриковать письма бывших советских граждан из числа несостоявшихся израильтян о том, как «прекрасно» живется им в Америке.

Как это ни парадоксально, лживые отчеты нью-йоркской газетенки зло высмеивает израильская пресса. Корень вот в чем: силясь хоть как-нибудь пресечь массовое бегство израильского населения из непрестанно воюющей страны в США, сионисты хотят, чтобы израильтяне побольше узнали о бесправном существовании еврейской бедноты в нью-йоркском районе Бронксе. Там ютятся бывшие советские граждане, намеренно «не доехавшие» до Израиля. Этот район в Нью-Йорке справедливо именуют новым гетто. Может быть, эта правда (в редких случаях сионисты вынуждены прибегать и к ней!) поможет им хотя бы частично задержать хроническое бегство израильтян в США и заставить призадуматься тех бывших граждан социалистических стран, кто не хочет использовать въездную визу в Израиль по прямому назначению.

В свое время в черте оседлости было в ходу выражение «Он имеет с дохлых лошадей подковы». Так определялся жалкий достаток бедняка. И вот эти горькие слова воскресли вновь на афишах бродячей театральной труппы, показывающей в Израиле спектакли не на официальном иврите, а на идиш. Артисты предприняли попытку показать на сцене беды, обрушившиеся в Нью-Йорке на еврейских беженцев. Трагикомедийный спектакль на эту невеселую тему красноречиво назван: «С дохлых лошадей подковы».

Мораль спектакля такова: и в заброшенном, «сугубо еврейском» Бронксе беженцам не укрыться от антисемитских выходок распоясавшихся в США расистов. Как бы в Бронксе не пришлось последовать примеру евреев из Балтимора и создать «национальную оборону» от расистских хулиганов.

А в самом Израиле между тем еврейскому населению приходится обороняться от... полиции. Подчеркиваю: еврейскому населению, ибо о полнейшем бесправии арабского говорить не приходится.

Чтобы у читателей не оставалось ни малейшего сомнения в том, что израильтянам действительно необходима защита от полиции, вынужден прибегнуть к пространной цитате из израильской газеты «Наша страна» от 17 мая 1985 года. В редакционном сообщении под заголовком «Годовой отчет государственного контролера» говорится:

«Отчет содержит суровую критику в адрес полиции[1]. В нем приводятся поразительные данные о количестве предварительных арестов вообще и напрасных арестов, в частности, осуществляемых израильской полицией ежегодно. В обозреваемый период... многие люди арестованы незаконно, иногда без веской причины. Аресты в большей части были неоправданными; оказывается, полиция во многих случаях прежде всего спешит арестовать, а потом выясняет». Из данных отчета видно, что из 116 734 человек, арестованных полицией с начала 1982 года до середины 1984 года, следственные дела были открыты только против 34 634 человек, то есть против 30 процентов от числа арестованных. Процент предъявленных обвинительных заключений еще ниже: 11,6 процента в 1982 году и 6,6 процента в 1983-м.

Под штормовым натиском неслыханно разбушевавшейся стихии преступности израильские полицейские хватают, как говорится, правого и виноватого. И затем полицию весьма балует суд. Это подтверждает газета «Наша страна» в том же сообщении:

«Были случаи, когда полиция получала от суда разрешение на продление предварительного ареста с целью завершения следствия, но на протяжении этого времени никакой следственной работы по делу задержанного не велась. После нескольких недель, напрасно проведенных в тюрьме, людей выпускали на свободу».

На «свободу», где доминирует коррупция, где людей толкает на преступления не только дороговизна, помноженная на безработицу и бездомность.

«ПРИНЦИПЫ» РАСОВЫЕ, ИНТЕРЕСЫ КЛАССОВЫЕ

Как всегда у сионистов, их расовые убеждения неразрывно связаны с классовыми интересами. Привилегированным сабрам — предпринимателям, торговцам, подрядчикам, выгодно «из милости» брать на работу со сниженной зарплатой бесправных, нищих темнокожих и даже обнищавших ашкеназийских олим. Особенно тяжело приходится тем новоприбывшим, чья «этническая неполноценность» помножена на незнание иврита, или, как принято выражаться в сионистских кругах, злостное нежелание овладеть языком предков. Это ощущают на себе очень многие олим из числа бывших граждан социалистических стран.

Среди них был и мой бывший земляк винничанин Юзеф Дюк. Случилось так, что я повстречал его, беглеца из Израиля, в Вене, а затем уже получил возможность познакомиться с его письмами и фотоснимками, присланными на покинутую Украину еще из Израиля.

Когда Юзеф Дюк надумал податься на «историческую родину», ему было 57 лет. За плечами — многолетний опыт высококвалифицированного маляра, специалиста по красочной росписи стен и потолков.

Хозяйчики из этнической элиты сабра брали его на временную работу с пониженной зар-

[1] Имеется в виду, конечно, полиция обычная, а не политическая, вроде «шинбета». В Вене мне рассказывал бывший одессит Владимир Матвеевич Рейзин: «Один олим из Грузии, всюду и везде доказывавший, что жить в Израиле невозможно, одновременно получил повестку из «шинбета» и обширный инфаркт миокарда».

платой и не по специальности — то грузчиком, то такелажником, то на низкооплачиваемую грубую малярную работу. У подрядчика Мануэля Рами ему приходилось по десять часов работать на солнцепеке. А когда Дюк получил серьезную производственную травму, никакой денежной компенсации ему не выплатили, и лечиться пришлось за собственный счет, вернее, в долг. Кое-как залечив рану, попросил прораба перевести его на более легкую работу. Тот с несвойственной ему кротостью согласился. Написал записку и мимоходом сказал Дюку, что он должен скрепить эту записку своей подписью. Сделав это, не чуя от счастья ног, бывший маляр помчался в бухгалтерию.

С трудом сдерживая смех, бухгалтер подшил бумажку к финансовым документам и издевательски вежливо сказал Дюку: «Мы твою просьбу удовлетворим и не будем выплачивать тебе отпускной компенсации. Ведь так именно об этом ты собственноручно подписал заявление, изложенное чистейшим ивритом».

Пользуясь незнанием Дюком иврита, маклер Аронсон заставил его подписать векселя на якобы полученные займы, уверив легковерного «чужака», что речь идет о представлении на райских условиях в кредит холодильника и прочей кухонной утвари, ибо единственное, за что Дюк смог расплатиться наличными,— это чадящая керосинка. Роль инкассатора у Аронсона выполнял здоровенный детина гангстерского типа по прозвищу Сеня. Дюк, естественно, не смог оплатить векселя, и тогда Сеня искровянил ему лицо и выбил почти все зубы. Полиция признала факт рукоприкладства, но заставить маклера оплатить стоимость зубных протезов не пожелала.

Сунулся было Юзеф Дюк в суд, но искового заявления так и не подал. «Дело ты проиграешь, а судебные издержки суд возложит на тебя — ведь ты подаешь заявление на сабра»,— посоветовал ему доброжелатель из полицейских.

Печальная судьба Дюка — еще одно убедительное подтверждение полнейшей беззащитности вновь прибывшего в страну израильтянина при любом столкновении с коренными жителями страны да еще с переселенцами из Америки, которые причисляются к высшей этнической группе. Словом, и в крупном и в мелочах расовые, точнее внутрирасовые, признаки влияют на судьбу израильтянина.

Ущемляя права простых тружеников, или отказывая безработным в пособии, или, наконец, откровенно дискриминируя «смешанную» семью, предприниматели и чиновники в избытке находят выгодные им «правила» и у ортодоксов, и у реформистов.

От ортодоксов несколько отстали, а к реформистам не пристали так называемые консервативные клерикалы. Но и они в полной мере реакционны. Особенно жестоки они к тем, кто не признает или просто ставит под сомнение «богоизбранность» и «исключительность» евреев. Вот почему презрительные, откровенно оскорбительные характеристики и клички поляков, украинцев, словаков как представителей «неполноценной» расы можно встретить на страницах контролируемых консерваторами сионистских газет, услышать в радиопередачах, на телевизионных экранах.

Стремясь всячески опорочить обличающие милитаризм сионистских правителей Израиля резолюции ООН, многие израильские средства информации все чаще стали недвусмысленно подчеркивать: эти резолюции принимаются, дескать, только потому, что право голоса в ООН имеют государства, населенные людьми враждебных «богоизбранному еврейству» рас.

Вмешательство раввинатов в действия правительственных учреждений, профсоюзов, судов приходится по нутру некоторым политическим партиям клерикального толка в Израиле. Назовем, к примеру, «Агудат Исраэл», имеющую мощные финансовые филиалы в некоторых западных странах. Еще в момент создания, в 1913 году, «Агудат Исраэл» считалась ультраортодоксальной, крайне религиозной партией. Это с годами во многом способствовало ее обогащению за счет субсидий националистически настроенных еврейских богачей из разных стран. Не лишено основания предположение, что заявление именитого нациста Ганса Хинкеля в 1935 году «Сионисты как «расовые евреи» дали нам по крайней мере официальную гарантию сотрудничать с нами в приемлемых формах» — в определенной мере связано с политикой ныне процветающей «Агудат Исраэл», и не только в Израиле.

Я мог убедиться, как эмиссары «Агудат Исраэл», поддерживаемые местными раввинатами и выполняющими роль карателей молодыми «маккабистами», запугивают далеких от националистических настроений евреев в Бельгии, Голландии, Англии, Франции, Западном Берлине. Не доказывает ли это, насколько глубоко проникают расистские тенденции в повседневную деятельность организаций международного сионизма вне Израиля.

ИХ ЛЕКАРСТВО ОТ БЕД — АНТИСОВЕТИЗМ

Беспросветно тяжкое экономическое положение с потрохами продавшегося Соединенным Штатам Израиля — оборотная сторона его внешней политики. Ошибочно полагать, что внешняя политика правящих сионистских кругов Израиля заключается в одном лишь стремлении заручиться американской поддержкой для аннексии захваченных территорий в обмен на обслуживание в ближневосточном регионе глобальной стратегии США.

Нет, у внешней политики сионистского руководства Израиля, как справедливо отмечают израильские коммунисты, «есть и идеологическая подоплека — классовая вражда к коммунизму, и прежде всего к бастиону мира и социализма — Советскому Союзу. Израильско-американское соглашение о «стратегическом сотрудничестве» официально определяет Советский Союз как врага Израиля. В стране постоянно проводятся антисоветские кампании, которые не прекращались даже накануне 40-летия Победы над нацистской Германией».

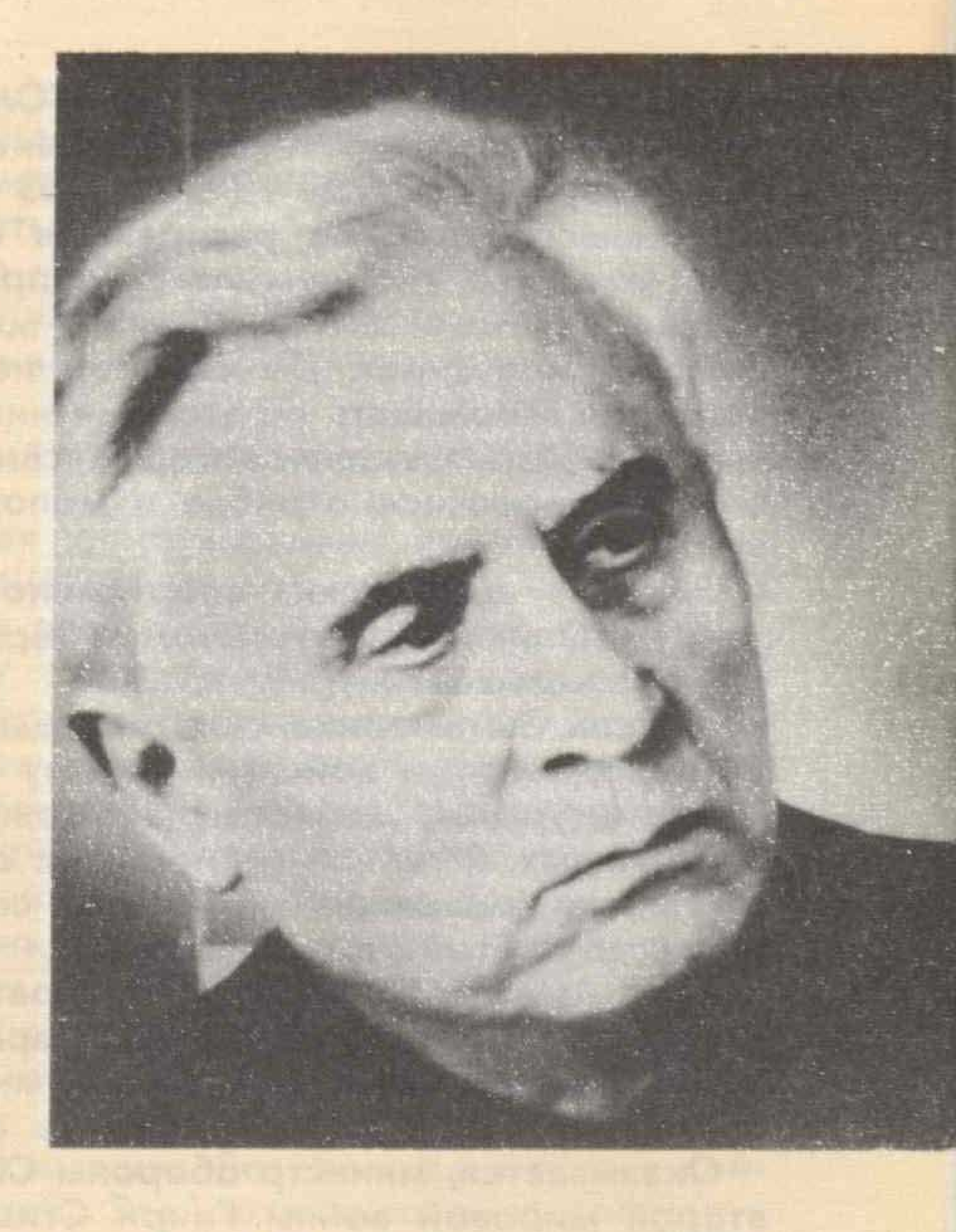
Усердно подпевают израильским антисоветчикам и «теоретики» из организаций международного сионизма, прежде всего — американских, французских, итальянских, канадских, западногерманских, в частности, им удалось вовлечь в антисоветские «изыскания на божественной основе» и некоторых нееврейских теологов, охотно сочиняющих заквашенную на расизме антисоветчину. Американские сочинители Т. Макколл и З. Левитт договорились до того, что Россия вот-вот... нападет на «святую землю» Израиль. Их сочинение без обиняков и называется: «Грядущее русское вторжение в Израиль». «Обоснования» такого нелепого «пророчества» комментирует советский исследователь иудаизма М. А. Гольденберг:

«Откуда это известно? Из Библии, разумеется. Ибо это нападение предвидел 2600 лет тому назад пророк Иезекииль. Заметим: фантастическое вторжение «русских» в Израиль «провидец» предсказать сумел, но предвосхитить реальное нашествие Бегина и Шарона на Ливан нет! На это «богодухновенного» пророческого дара ему не хватило. Где же в ветхозаветной книге Иезекииля говорится о «неминуемом вторжении России в Израиль»? Извольте, отвечают американские библиопоклонники: стих 2-й главы 38-й повествует о Гоге из земли Магоги, князе Мешеха из Тувала. Да, но при чем же здесь Советский Союз? А при том, вразумляет «библейский» тандем, что «серьезные исследователи Библии» отождествили Гог и Магог с Россией «задолго до установления ее нынешнего владычества, а ссылка на Мешех и Тувал (Москву и Тобольск) — ясный признак верности этого отождествления».

Советский исследователь метко замечает, что при желании в Мешехе и Тувале можно с таким же успехом видеть не Москву и Тобольск, а, скажем, Мадрид и Толедо. Вот это предположение можно действительно расширять без предела: Миннеаполис и Трентон, Милан и Турин, Марсель и Тулузу, Монреаль и Торонто, Мюнхен и Трир. Но к «изысканиям» в пунктах развитого антисемитизма у американских теологов желания нет и не предвидится. Их единственное желание: «библейски» подкрепить клеветнические измышления сионистских расистов.

Что ж, в пропагандистском хозяйстве сионизма и демагогия о Гоге и Магоге тоже годится. И сионистская пропаганда без стеснения пользуется таким идеологическим «подкреплением»!

Окончание следует.

верх по реке от Ростова до хутора Пухляковский, где вот уже сорок лет живет Анатолий Вениаминович Калинин, два часа пути на «Ракете». Достаточно, чтобы прикоснуться взглядом к резкой живописи донских берегов, к вехам их истории.

Некогда звучали здесь голоса Разина, Булавина, Пугачева, сюда приезжали Суворов и Пушкин, наведывался Суриков... Здесь прошло отрочество писателя.

«Ночами город на холме освещает отблески пожаров, бушующих в окрестных станицах и хуторах, а то донесется и эхо выстрела из кулацкого обреза. Коннонарочные сельсоветов, вырываясь из степи, процокав мимо бронзового Ермака, осаживают лошадей у здания бывшего атаманского дворца, где когда-то застрелился белоказачий генерал Каледин, а теперь помещается райком партии. Скрытые силы и страсти, разбуженные коллективизацией, разлились вокруг по степи, как донская вода весной, когда она подступает вплотную к этому Платовскому кургану». Так напишет спустя много лет А. Калинин в очерке «Бороздой «Поднятой целины». Навсегда запомнились ему кожанка отца, его наган, из которого однажды ночью мать на глазах вскочившего с постели мальчика стреляла через окно в тревожную тьму.

Семья учителей Калининых изведала хождение по мукам гражданской войны. Голодали, меняли в хуторах белье, ложки и вилки на муку. В школе, при которой одно время разместился тифозный госпиталь, ухаживали за больными и сами переболели тремя тифами — сыпным, брюшным и возвратным. Мальчиком будущий писатель видел горящие бараки с больными и ранеными, подожженные при отступлении белыми. Возможно, потому рано пришло к Калинину и осознание своего призвания. А начинал он традиционно — с работы литсотрудником районной газеты, получив там «прививку краткости», очень важную в пору первого проявившегося желания «связать себя с миром каким-то большим, идущим от сердца словом».

...С неудержимой казачьей конницей прошел фронтовыми дорогами военный корреспондент «Комсомольской правды» Анатолий Калинин, чтобы, как его боевой друг и коллега Виталий Закруткин, найти затем на берегах тихого Дона свой дом и героев своих книг.

Сам он говорил о них: «Я не верю во всевластие прототипов, но не узнай я председателя колхоза хутора Крымского Михаила Тихоновича Мерзликина, не был бы написан и очерк «На среднем уровне»... А без Клавдии Николаевны Чекуновой, которая и сейчас жива, не было бы Дарьи в «Суровом поле», Клавдии в «Цыгане»... С очерка «На среднем уровне» и последовавшего за ним очерка (повести?) «Лунные ночи» и начинаюсь я, в чем совершенно твердо уверен, как писатель. Предшествую-

Фото Ю. Новоселова

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. В. КАЛИНИНА

Юрий ОСИПОВ

слова, идущие от сердца

щее... это наитие, работа больше вслепую, ощупью, хотя и с влюбленностью в слово».

Публицистическое постижение Калининым жизни и проблем донской земли совпало с появлением «Районных будней» В. Овечкина, очерками-исследованиями С. Залыгина, Г. Троепольского, В. Тендрякова, Г. Радова. Всех этих писателей объединяло стремление не только дойти «до корня» острых противоречий и конфликтов тех лет, но и активно поддержать то новое, что властно ускоряло развитие нашего общества. Утверждению лучших начал общественного бытия и души человеческой, борьбе с пережитками прошлого в умах и поступках людей, в их хозяйствовании на земле А. Калинин посвятит также свои известные романы и повести, познакомившие нас с самобытными характерами его земляков.

Сейчас они окружали меня на палубе, прокаленные степным солнцем до черноты, некоторые, постарше, с казацкими усами «в стрелку». Они толковали о засухе, губящей нынче хлеба, о «зарегулированном» Цимлянской ГЭС Доне с нарушенным землечерпалками режимом дна, отчего перевелись кишмя кишевшие здесь издревле по осени раки, икру которых вдобавок пожирает расплодившийся «гибрид»— кривохвостое, малопривлекательное на вкус чудище в поистине железной чешуе.

Холмы пошли чаще. Сиротливо замелькали по пустошам волнистых склонов отдельные виноградники, невольно напомнившие строки из двадцатилетней давности очерка А. Калинина «Земля и гроздья»:

«Год от года обнажался между станицей Раздорской и хутором Пухляковским правобережный склон. Внизу истреблялись вербы и тополя, а вверху — виноградные чаши... На склонах, лучше которых нет для виноградарства на Дону, появляются новые хозяева... Не ведая, что под ногами у них не придонская глина, а само золото, они забивают в эту глину колья, пускают бульдозеры, роют траншеи, возводят здания... Между тем ежедневно налетают на донской берег батальоны браконьеров. Глушили толом и ловили — не только по ночам — сетками, черпаками, переметами рыбу: сазанов, чебаков, стерлядок, селедку, чехонь, рыбцов. Тех самых, что сегодня почти уже вывелись в Дону...

Летят в Дон и бьются на берегу бутылки... А по Дону, по чистому тихому Дону... радужными полями плывут керосин и мазут... Плывет и задохшаяся, отравленная рыба.

И наблюдая все это, браконьер думает о себе, что не такой уж он зловредный хищник, расхититель богатств природы. Он — сошка мелкая, есть покрупнее. Он чувствует, что за спиной у него если не прямые духовные наставники есть, то сообщники, а значит, и негласные покровители.

...Все это видят дети и тоже жгут вербы на берегу Дона... Хорошо знакомый мне хуторской мальчишка поехал на лодке снимать свои переметы... Он думает, что ничего в этом особенного, а тем более плохого нет. Иначе не бросила бы та школа, в которой он учился, не укрытым на зиму старый и прекрасный виноградный сад. Иначе не утюжили бы бульдозеры этот склон, снимая пласт за пластом ту самую плодородную землю, на которой и его отец, и его дед взращивали виноградную лозу».

Эти наблюдения писателя, увы, по-прежнему сверхзлободневны, хотя кое-что в этом плане за прошедшие годы и в особенности теперь, после съезда партии, постепенно начинает меняться к лучшему. Горькие эти раздумья — лишь часть тех будничных тревог и забот, что и сегодня отрывают писателя от начатого романа...

Замерзали учащиеся совхоза-техникума зимой в общежитии, и долго пришлось биться за отвод нитки газораспределительной станции, которая будет питать целый куст. На очереди — строительство поселкового универмага; надо, чтобы он был удобным, с кафе, хорошо снабжался. Здесь ведь, кроме техникума, и интернациональный лагерь, и всесоюзный дом отдыха, молодежи много. Значит, считает писатель, в столь густонаселенном, притягательном хуторе с разнообразным совхозным хозяйством пора переходить на особую систему кредитования жилых построек. Разве снимется вдаль человек, который сам возвел себе дом?!

А прозвучавший со страниц «Правды» призыв А. Калинина не забывать о крестьянской кормилице — буренке! Статья вызвала поток писем, и после ее публикации даже пухляковское стадо личных коров увеличилось в несколько раз. Это, конечно, неплохо, но и кормилицу тоже требуется кормить. «Вот и добиваемся,— сказывал мне Анатолий Вениаминович,— чтобы колхозы и совхозы почитали своим долгом обеспечение каждой крестьянской коровы кормом. Сейчас в нашем Усть-Донецком районе дело, похоже, сдвинулось с мертвой точки, хотя руководители хозяйств должны заранее предусматривать для этих нужд выпасы, посевы кормовых трав, подвоз сена».

Беседовали мы, надо сказать, урывками — больше в саду, под теми самыми двухметровыми кубами старинной казацкой лозы редких уже ныне местных сортов, что заботливо собрал, сохранил и, невзирая на возраст, продолжает ежегодно взращивать у себя хозяин дома, высокий, статный, гордо несущий свою побелевшую голову и ничуть не утративший пытливой зоркости глаз. Правда, все труднее становится ему выносить летний зной на степных холмах Придонья — на это бы время в среднюю полосу! Но нет, не любит, не привык надолго покидать хутор: как тут без него дела, люди... Они идут к нему и утром, и вечером со своими жалобами, проблемами. И о каждом из них он знает все, многих помнит босоногими ребятами, когда писал при свете керосиновой лампы первые рассказы.

Так же, наверно, шли станичники за помощью и защитой к Шолохову, старшему другу и учителю А. Калинина. «У меня мало близких друзей. Ты в их числе... хороший человек и хороший писатель. Жаль, что для тебя уже начался путь с ярмарки, где было много и хорошего, и веселого...» Это шолоховское письмо он получил на 60-летие, когда самому Михаилу Александровичу исполнилось семьдесят. Показывал мне Анатолий Вениаминович и другие столь же искренние и теплые письма Шолохова, к которому часто возвращался мыслями в разговоре, рассказывая о шолоховской отзывчивости, широте кругозора, оригинальности мировосприятия, припоминал доверительные встречи с ним, его напутствия, его советы.

И вот нет больше рядом Шолохова, нет и давнишнего товарища-соратника Виталия Закруткина. Старейшиной в донской литературе остался Анатолий Калинин. Громоздятся на его рабочем столе поверх корректур собственных книг рукописи молодых. «А какой мальчишка подрастает в Ростове!— Анатолий Вениаминович восхищенно разводит руками.— Настоящий поэт, о нем еще услышат».

Перемены в литературной жизни писатель воспринимает сквозь призму коренной перестройки в жизни страны, родного края.

— Очень хочется, чтобы наша опечаленная беспощадным потребительским отношением земля оправдала те надежды, которые мы на нее вновь возлагаем. И чтобы дорогая моему сердцу Донщина восстановила свой авторитет, который изрядно подрастеряла за последние годы.

Тяга к нравственной проблематике присуща большинству повестей и романов А. Калинина. Таковы «Суровое поле», «Эхо войны», «Гремите, колокола!». Таков и роман «Запретная зона», первая часть которого была написана свыше двадцати лет назад и вобрала в себя авторские впечатления от пребывания на строительстве Цимлянской ГЭС. Недавно писатель завершил работу над второй частью романа.

— Я вдруг обнаружил, что мои счеты с героями не кончены, а материал и идеи, положенные в основу вещи, по-прежнему актуальны. И меня захватило желание развернуть повествование дальше, в наши дни, ибо я разделяю убеждение: запретных зон у нас в обществе быть не должно. Все зависит от гражданской позиции.

Вообще случается, распростишься вроде с каким-нибудь героем, а тот вдруг снова постучит в твое окно, как цыган Будулай... Радуюсь этому и знаю: здесь, на хуторе, меня поджидают еще не написанные книги. Достало бы только сил...

Хутор Пухляковский — Москва.

«Огонек» не однажды публиковал интервью со Святославом Николаевичем Федоровым, директором Московского НИИ микрохирургии глаза, автором многих новаторских методов лечения, создателем первого в мире хирургического конвейера. В апреле 1986 года в жизни С. Н. Федорова произошло очень важное событие — он назначен генеральным директором межотраслевого научно-технического комплекса «Микрохирургия глаза» с двенадцатью филиалами: в Волгограде, Иркутске, Калуге, Краснодаре, Ленинграде, Новосибирске, Оренбурге, Свердловске, Ставрополе, Тамбове, Хабаровске и Чебоксарах.

...— Арсен, седлай! — весело кричит Федоров племяннику, выходя из машины и снимая на ходу пиджак.

Десятилетний Арсен, видно, ждал этой секунды целый день и потому пулей бросается за седлами. Несколько минут спустя два красавца жеребца уже бьют копытами у ворот, мотают мордами, нетерпеливо переминаются в ожидании скорой свободы.

Сменив модный костюм на тельняшку и бриджи с кожаными заплатами, Федоров спешит к своим гривастым любимцам, тискает их, как будто не видел целый год. На самом деле расстались они только вчера.

Арсен уже забрался на Шаха и гарцует по участку так ловко и естественно, словно родился в седле. Федоров садится на Грома, и они с веселым гиканьем скрываются за поворотом. Я остаюсь здесь, на даче. Долгий июльский день не спешит кончаться, и я рад тишине, покою, рад возможности побыть одному, подумать об этом удивительном человеке — Святославе Николаевиче Федорове, знаменитом глазном хирурге.

Сегодня у него был очень тяжелый день. Хотя мне это могло только показаться — обычный для него день. Бесконечным потоком шли тяжелые больные.

Мать привела двенадцатилетнего сына с выбитым глазом. Нашли ребята патрон, давай долбить его о бетонную плиту...

— Профессор, я вас умоляю, спасите сыну глаз! — просит женщина.— Можете у меня взять хоть оба, только мальчику моему верните зрение.

А как его вернешь, если это не глаз уже, а сплошное месиво из дроби и бетонной крошки...

Святослав Николаевич просит свою помощницу Наташу Евсееву вывести мальчика в приемную и объясняет его маме, что глаз надо срочно удалить, пока не произошло непоправимого — симпатического воспаления второго глаза, а это уже почти гарантия слепоты.

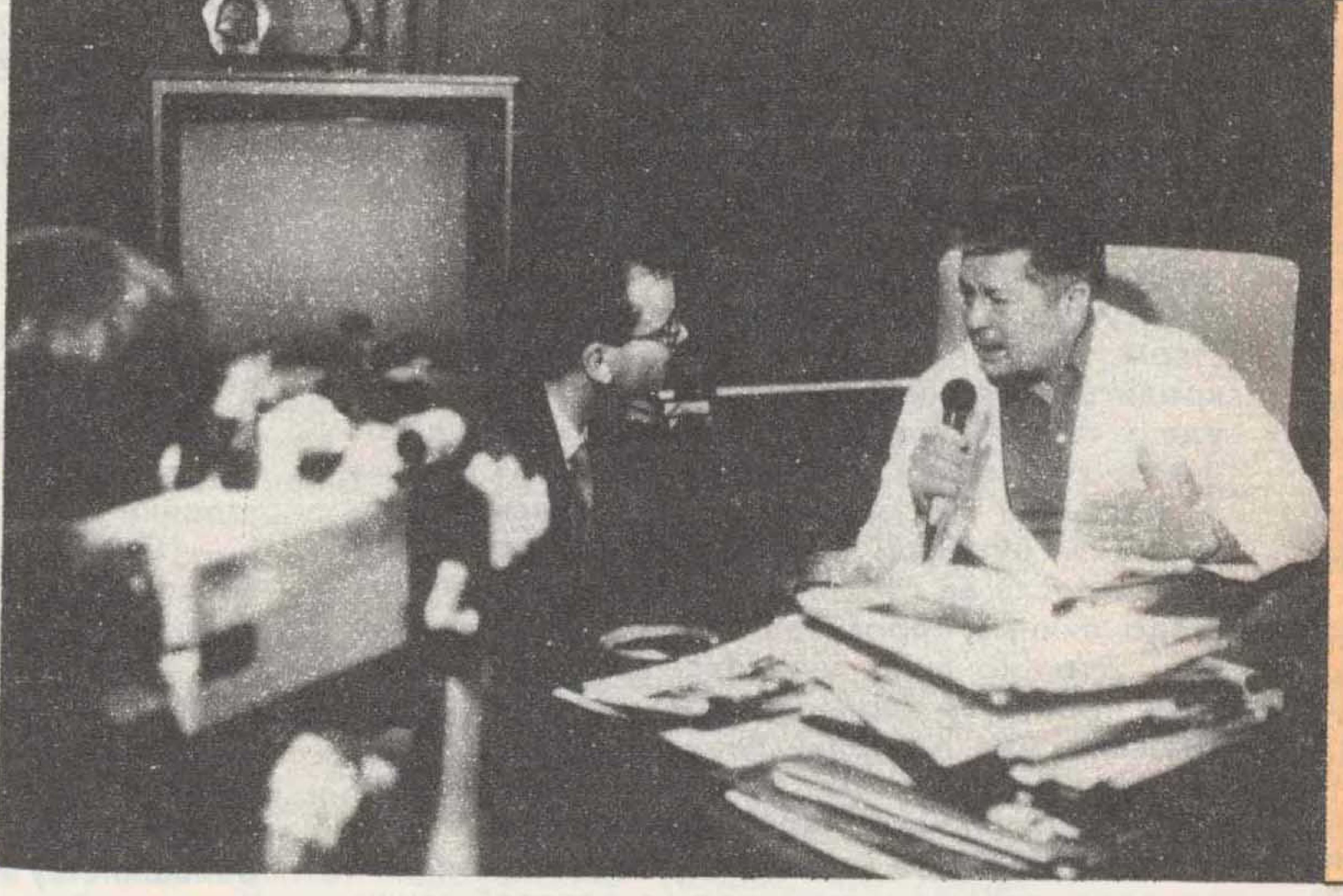
— Какой же вы поставите ему глаз, стеклянный? — спрашивает готовая разрыдаться женщина.

— Да, мы поставим ему очень красивый протез...

— Протез?! Моему мальчику протез? Нет, никогда! Эх вы! А говорят, что вы тут чудеса творите. Все врут, врут!

— Нет, чудеса мы делать не умеем,— Святослав Николаевич старается казаться спокойным,— мы делаем только то, что может нам позволить самая современнейшая глазная наука, но не больше того. Увы, мы не боги...

Еще долго пришлось успокаивать и уговаривать несчастную мать невезучего мальчишки. После одного такого визита уже хотелось оседлать табун лошадей сразу и мчаться куда глаза глядят,

лишь бы подальше от этих человеческих несчастий.

А они только начинались...

Вот входят, бережно друг друга поддерживая, два седых человека, муж и жена. Обоим давно за восемьдесят.

— Вы знаете, доктор,— говорит старик,— мы остались с женой совсем одни, дети умерли, внуков нет, ухаживать за нами некому. А у жены только один глаз и тот начал слепнуть. Спасите его. Иначе случится трагедия...

Федоров долго изучает больную с помощью хитроумных своих приборов.

— Ну, где же вы были раньше, где? — с трудом сдерживая негодование, говорит он мужу. У женщины глаукома в запущенном виде. Если б она пришла сюда хотя бы год назад, глаз еще можно было бы спасти, а сейчас...

Какое горячее сердце надо иметь, чтобы не остыло оно от бесконечного наплыва людских несчастий, чтобы не покрылось спасительной коркой равнодушия, чтобы всегда нашлось в нем место для чужого горя, думал я, глядя на Федорова. Его институт называют клиникой XXI века. Пакистанский профессор Кирмани, объехавший многие глазные больницы планеты, говорил мне: «Институт Федорова по уровню и интенсивности лечения не имеет в мире аналогов».

Да, Федоров оказался победителем. Хотя этого могло и не случиться, как не случилось со многими другими. «А при чем здесь Федоров?» — Эта фраза прошла рефреном через всю его жизнь. «При чем здесь Федоров? — говорили, когда он добился признания разработанного им с таким трудом метода имплантации искусственного хрусталика.— Первым сделал эту операцию англичанин Ридли».

«При чем здесь Федоров, первым был японский врач Сато!» — говорили, когда он разработал и внедрил хирургическое исправление близорукости.

«При чем здесь Федоров! Создатель витреотома — американец Махемер»,— говорили, когда он сделал первый отечественный прибор для замены стекловидного тела...

Говорят, победителей не судят. Но верно и то, что прежде всего судят как раз их, победителей.

Я не слышал, что говорят «доброжелатели» Федорова по поводу сверхострого ножа, созданного им у себя в институте, но уверен, что обязательно кто-нибудь скажет: «А при чем здесь Федоров! Нож известен еще со времен каменного века».

Конечно, раньше и на Луну из пушки летали, а все-таки основателем практического ракетостроения считается Сергей Павлович Королев. Я не провожу исторических параллелей. Я просто хочу сказать, что облако на небе — это вода и пар, вращающий турбину,— вода, но только не каждому из нас дано заставить воду из облака вертеть ротор турбины и давать людям свет...

«Операция Сато — это пройденный этап офтальмологии. Он показал нам, как делать не надо»,— писали о попытках японского хирурга лечить близорукость. И все верили этим словам. Но нашелся один, который спросил: «А почему?»

Спросил, увидел и победил.

В чем секрет его триумфа, в чем секрет его феноменального взлета — от провинциального врача до всемирно известного ученого, члена-корреспондента Академии медицинских наук СССР?

Причина, по-моему, в том, что у Федорова руководящей всегда была идея альтруизма, идея максимальной помощи максимальному количеству людей. И поэтому он так усердно подгоняет своих сотрудников. Пробирает их, распекает по одному и всех вместе, но в конце концов неизменно прорывается природная его доброжелательность к людям, и он по-отечески говорит:

НЕУГ
ЧЕЛО

— Вперед, ребята! Только вперед. Время не ждет. Зато ждут больные.

Да, больные ждут. Годами. В очередь на операцию в институте записывают сегодня **на 1992 год.** Чтобы исправить такое ненормальное положение, в апреле 1986 года Советским правительством и решено было создать межотраслевой комплекс. Ежегодно в двенадцати филиалах и в самом институте будут делать более двухсот тысяч операций — столько сегодня производят почти все глазные клиники Российской Федерации. Но главное в том, что качество этих операций будет таким же, как и в Московском институте микрохирургии. В этом и заключается главная идея создания комплекса — в широком тиражировании самых современных и эффективных методов лечения.

ОМОННЫЙ ВЕК

Сергей ВЛАСОВ

С апреля в жизни Святослава Николаевича начался новый отсчет. Да, это большая победа, но ответственность какая! Вместо одного института под его началом теперь будут тринадцать. Вместо одного конвейера — тринадцать. Вместо девятисот сотрудников — шесть тысяч! Одним словом, огромный современный медицинский завод!

Теперь я старался повнимательнее присмотреться к Федорову: изменят ли что-нибудь в нем его новые обязанности?.. Внешне вроде бы нет, такой же стремительный, словоохотливый, жизнерадостный, и все же... Смеется вроде бы так же искристо, но вдруг что-то затаенное мелькнет во взгляде и смажет улыбку. Ушел в себя, отключился от внешнего мира. О чем думает? Может быть, о вчерашнем разговоре в Министерстве финансов, где не очень-то спешат признать за ним право платить своим врачам в зависимости от качества, количества и степени сложности работы.

«Как это по два оклада?— удивляются в министерстве.— Что, у вас все академики, что ли?»

«А вы знаете, что быстрое и качественное лечение больных для государства выгоднее, чем добыча золота, и поэтому хорошие врачи — те же золотодобытчики, и платить им надо, судя по тому, кто сколько «золота намоет»,— развивает свою любимую идею Федоров. Давно он с ней носится, и вот теперь наконец-то появилась возможность воплотить ее в жизнь. Теперь оплата сотрудников его комплекса будет впрямую зависеть от конечных результатов лечения. Осталось только сломать привычный стереотип в головах администраторов, убедить их, что многие инструкции устарели и сдерживают наше развитие. Значит, надо искать аргументы для спора. Убедительные аргументы...

«Да что вы волнуетесь, дорогие товарищи, никаких основополагающих принципов мы не нарушим и даже, наоборот, приблизимся к основному принципу нашего социалистического строя: «От каждого — по способностям, каждому — по труду». А если вас все-таки беспокоит, что хорошие мои работники станут жить хорошо, а плохие — плохо, так учтите, что это ведь только эксперимент в нашем межотраслевом комплексе. Посмотрим, что получится.

И что еще очень важно — каждый врач будет настоящим хозяином той аппаратуры, с помощью которой он должен лечить: если она вышла из строя раньше определенного срока, то бригада медиков несет за это материальную ответственность, их зарплата будет урезана на сумму ремонта аппаратуры. То есть постепенно мы осуществим переход на кооперативную форму собственности».

...А может быть, он сейчас задумался о вчерашнем споре в Министерстве внешней торговли?

«Как это вы будете напрямую связаны с западными фирмами и станете сами заказывать то, что вам надо!» — удивляются сотрудники Внешторга.

А Федоров видит выгоды таких прямых связей. Соединился по телефону с фирмой «Филипс»: «Мне надо десять переговорных устройств для связи медсестры и больного. В вашем рекламном проспекте я видел, что они стоят пять тысяч долларов. Но аналогичную аппаратуру фирмы «Вольф» и «Метромобил» продают за три с половиной тысячи. Четыре тысячи было бы разумной ценой. Вы согласны?.. Какой номер вашего счета?..»

Кто-то может подумать, что Федоров собирается только «качать» валюту из государства. Это совсем не так. Ежегодно продавая лицензии на новую аппаратуру и инструменты, институт зарабатывает более миллиона долларов. В прошлом году лишь одна из американских фирм закупила у Федорова семь лицензий на три с половиной миллиона долларов. А добавьте сюда еще сотни операций для иностранцев на коммерческой основе! В институте создан экспортно-импортный отдел, сейчас в нем двенадцать человек, скоро будет двадцать восемь. Федоров планирует, что они смогут тратить около полутораста тысяч инвалютных рублей в год, а зарабатывать институт будет три-четыре миллиона долларов. Вот что такое хорошая медицинская технология!

Но главное даже не в этом. Главное в том, что такая торговля дает хирургам возможность вооружаться самым современным оружием и облегчает их войну с болезнями.

— Наша цель,— говорит Святослав Николаевич,— выигрывать каждый бой с болезнью. А прямые наши связи с фирмами освободят Внешторг лишь от мелких поставок, которые требуются нам срочно, в основном это запчасти к аппаратуре. И еще учтите, что наша зарубежная торговля без посредников — это тоже своего рода эксперимент, к тому же в ограниченном масштабе. На полмиллиона, не больше, нам дано право заключать контракты...

Полмиллиона — не очень-то разбежишься, придется быть расчетливым. Что в первую очередь закупить? А может, на своем заводе сами сумеем? Делаем же и компьютерные системы для обследования глаз, и коагуляторы для остановки кровотечения, и инфракрасные генераторы для лечения дальнозоркости... А скоро институтский завод переберется в новое здание, оно уже строится. Пять тысяч квадратных метров там будет. Пятьсот рабочих, сто инженеров. Появится цех литьевых машин, цех по созданию штампов. Это позволит хирургам перейти с металлического инструмента на пластмассовый. Сейчас пинцеты, например, мы покупаем за границей, платим двести долларов за штуку, а тот, что мы отштампуем в своем цехе, будет стоить пять рублей. Каждые три секунды — новый инструмент. На всех хватит, на все двенадцать филиалов. И еще иностранцам будем продавать.

— А почему же до сих пор вам не удалось добиться от медицинской промышленности инструментов необходимого качества? — спрашиваю я Святослава Николаевича.

— Наша беда в том, что два понятия, «качество» и «план», до сих пор, как это ни странно, существуют независимо друг от друга. Государство одинаково платит заводу и за плохие, негодные пинцеты, и за хорошие. Судить о качестве продукции должен потребитель, только он может определить, надо ли заводу выпускать ту или иную продукцию. Если хорошие пинцеты, если они нас устраивают, мы их берем, если нет, то пусть завод думает, как их сделать лучше, а не гонит план, который нужен только для бумажного отчета и не нужен ни одному живому человеку. Вот поэтому мы и вынуждены пока очень многое делать сами у себя на заводе, что, конечно, связано со многими трудностями.

Как видим, Федорову есть о чем всерьез подумать. Все чаще взгляд Святослава Николаевича стал обращаться внутрь себя, как будто открылась ему новая глубина. Нет, никогда он не был поверхностным, всегда эта глубина в нем чувствовалась и напряженная внутренняя работа тоже. Но тут словно еще одно измерение в старой системе координат появилось. Четвертое измерение...

Тысяча новых забот совершенно иного масштаба. И за ними нельзя утерять главную, не заботу даже, а конечную цель, сверхзадачу: как лучше наладить механизм доставки самой современной технологии лечения в самые далекие уголки державы. В институт больные едут со всей страны, загружая и без того перегруженные «транспортные артерии». В столичных гостиницах их встречают без цветов, и они нередко ночуют на вокзалах. Коллеги Федорова негодуют: зачем этот немыслимый ажиотаж! Люди должны лечиться по месту жительства...

Вот за это сейчас и ратоборствует Федоров — чтобы людей лечили по месту жительства. Но! Чтоб их лечили не вообще, а хорошо, качественно. Лучше всех в мире. И не только хорошо, но и много. Как у него в институте, где современнейшая техника врачевания соединена с мозговым центром, то есть с коллективом умных и работящих медиков. Они лечат много и хорошо, потому что они вооружены. И новая технология превращает их из одиночек во врачей-технологов с новым типом медицинского мышления...

Такова диалектика. И больше всего Федоров сегодня беспокоится, как бы революцию, которую доверили начать (мечта всей жизни!), не низвели до уровня некоей корректировки отдельных устаревших методов...

Для четырех филиалов уже готовы проекты. («Огонек» обещает читателям взять строительство под контроль и сообщать о его ходе.) За три месяца Федоров хочет сделать фундаменты всех четырех зданий, подвести к ним коммуникации. «Да нет, это невозможно,— говорят ему строители,— такие темпы для нас неприемлемы».

«А как же ускорение! — горячится он.— Вот мы и проверим на строительстве нашего комплекса ваши возможности. Вот и посмотрим, способны ли мы на перестройку».

Азартный он все-таки, неугомонный человек!..

...Неожиданно рано послышался стук лошадиных копыт. Из-за поворота появляется Арсен верхом на Шахе, перед ним трусит Гром. А где же его наездник? Где Святослав Николаевич?

Арсен соскакивает с коня и с плачем кидается к Ирэн, жене Федорова:

— Ты не бойся, мама Ириша, он в траву упал, там мягко, но он почему-то лежит и не встает и почему-то не шевелится...

— Где лежит? — тихо спрашивает побледневшая Ирэн.

— Я не помню, не помню,— всхлипывает мальчик.— Он сказал: давай погоняемся, давай, кто быстрее до стога доскачет,— и мы поскакали, а там такие ямы, канавы, наши лошади столкнулись, и он упал, прямо головой, но там трава, а Гром сразу куда-то помчался, я хотел его поймать и привести дяде Славе, но только здесь его догнал, ты не бойся, там земля мягкая...

— Но где же это, скажи, Арсен, вспомни!..

— Не помню, Гром так долго петлял, что совсем меня запутал.

Ну что ты будешь делать! Самые страшные мысли полезли в голову.

Только успели выбежать за ворота, навстречу идет Святослав Николаевич, мрачнее тучи. Увидев мальчика, он принялся его отчитывать:

— Ты куда же ускакал! Как ты мог, ты же меня предал!

Арсен стоит и трясется от беззвучных слез, руки по швам, глаза зажмурены.

— Я же хотел как лучше,— выдавливает он наконец.— Я думал вам Грома привести...

Видно, что Федорову жаль мальчишку, он уже готов его обнять, потрепать по голове, но он поворачивается и молча отходит. Эдак с полчаса он не замечает Арсена, что для того страшнее всякого наказания. Строгости Святославу Николаевичу, однако, хватает ненадолго.

— Арсенушка, а ты упряжку Грома не видел? — кричит он вдруг. У мальчика от радости вырастают крылья, он летит через двор, и от его сияющей улыбки тебе самому хочется быть лучше.

— Вот она, дядя Слава!—кричит он, стремглав несясь обратно.

— Ну, тогда, ребята, по коням!

МУЗЕЙ РОМАНС

Александр
БАСМАНОВ

Фото
В. КОРНЮШИНА

Ока петляла, светилась песчаными плесами, а за ней синели холмистые дали, долго и медленно уходя в сизую дымку; эти поленовские мотивы, этот шмель, запутавшийся мохнатыми лапами в лепестках ромашки, дачные чаепития на веранде и смолистое дыхание сосен, кусты одичавшей малины, этот сад после дождя и змеей — узкая тропа от аллеи вниз, в сырой лесок, к покосившейся замшелой баньке и дальше, через калитку, к рыжему откосцу, к теплой и розовой от заката реке.

ХУДОЖНИК

Река вдохновляла его на счастье и даже часто на восторг. Об этом свидетельствуют живопись, восклицания в письмах, то рвение, с которым он здесь строился без перерыва чуть ли не двадцать лет — заканчивает одно, приступает к другому, сотворяя уже не просто жилище, усадьбу, а некий художественный ансамбль: вслед за Большим домом — Аббатство, как называлась отдельно поставленная островерхая мастерская под черепицей; за Аббатством — Адмиралтейство, лодочный сарай и сарай фахверковый, больше похожий на ганзейский средневековый лабаз, с вживленным в стены охряным перекрестием мощных дубовых балок-фахверков; за Адмиралтейством — белоснежную церковь на холме старого Бёхова; под холмом зеркальный заворот Оки на Серпухов, потом поля, небо...

Такое впечатление, что сюжет лучшей, наверное, картины зрелого Поленова, сюжет «Золотой осени» взят именно отсюда, как бы от собственного крыльца: с высокого берега уходит к сахарному пятнышку бёховской церкви осенняя парча багрянца и злата, плавно рассеченная широкой и уже холодной рекой. «Золотая осень» написана в 1893 году, то есть почти сразу же после того, как Поленов поселился в своем новом, еще слезоточащем смолою, еще пахнущем сырым древесным распилом доме.

К этому времени ему было под пятьдесят, был он и весьма знаменит; Репин и Крамской, Шишкин и Ге, Суриков и Верещагин, Саврасов и Поленов — вершины тогдашнего русского художества. В чем выразились этапы, верстовые столбы его длинной дороги как живописца? Несколько исторических картин, грандиозная «Христос и грешница» и вообще дробная, множественная разработка этой темы (след через всю жизнь увлечения Александром Ивановым), потом принесшие великую популярность «Московский дворик», «Заросший пруд», «Больная» и «Бабушкин сад» и, наконец, десятки сравнимых по своей силе только с левитановскими пейзажей — подмосковных, северных, но, пожалуй, больше всего приокских.

В чем суть, своеобразие, прелесть его искусства? «Вспоминается Поленов — еще один замечательный поэт в живописи. Я бы сказал, дышишь и не надышишься на какую-нибудь его желтую лилию в озере. Этот незаурядный русский человек как-то сумел распределить себя между российским озером с лилией и суровыми холмами Иерусалима, горячими песками азиатской пустыни. Его библейские сцены, его первосвященники, его Христос — как мог он совместить в своей душе это острое и красочное величие с тишиной простого русского озера с карасями? Не потому ли, впрочем, и над его тихими озерами веет дух божества?» — отвечает Шаляпин.

По натуре, по генетически заложенному зерну Поленов был просветитель. Просветить хоть насколько простого лапотного крестьянина, создать для него музей — «длинная идея», с которой Поленов носился с молодости, именно для такого музея отказывая себе во многом и приобретая во время пребывания в Европе редкости — старинное оружие, мебель и картины; а года за три до затеянного дела писал жене впрямую: «Сегодня я мечтал о домике на берегу Оки. О том, как мы его устроим, сделаем большую комнату, где будет музей, галерея и библиотека».

Исполнение этой мечты стало обретать какие-то очертания, складно скроенные контуры начиная с 1887 года, а в 1889-м Василий Дмитриевич Поленов вместе со своим любимым учеником Константином Коровиным садится на пароход, идущий от Калуги вниз до Тарусы и дальше до Серпухова. Стояла ранняя весна. Ока, еще полноводная от разлива, только входила в свои берега, обнажая хоть и жидкую, но уже бирюзу заливных лугов. Тянуло сильным духом реки, земли, свежей березы. Проплывающие мимо чащи орешника, ивняка и черемухи были полны фиалок и пчел.

ДИНАСТИЯ

— У нас сегодня некое собранье в доме — столетие со дня рождения Дмитрия Васильевича, моего отца, первого директора музея. Приглашаю, если угодно, и вас, — сказал мне его преемник, директор нынешний, Федор Дмитриевич Поленов, человек несколько мрачноватый с виду, седобородый, одетый как-то по-сельски вольно в линялую рубаху и пыльные сандалии на босу ногу. Его, встреченного мной на музейном дворе, можно было принять, скажем, за садовника или пасечника, и действительно, как вскоре пришлось убедиться, тут директорство кабинетное неуместно, тут требуется деревенское, усадебное директорство, поскольку — то сенокос или заготовка дров, то надо перекрывать крышу у конюшни или заботиться об уборке овса.

Я добрался сюда к вечеру — сначала поездом, потом попутной, сбросившей меня на каком-то повороте, от поворота же — четыре с половиной версты пешком, вниз и вверх, через три холма, с одного из которых открылся вдруг удивительно красивый, будто с птичьей высоты вид: небесный купол лишь с одним трехцветным — серым, жемчужным, розовым — клубящимся облаком сливался на горизонте с туманной кромкой леса, туманная кромка, приближаясь, переходила уже в волнообразные фиолетовые кулисы леса более близкого, перед которым, в свою очередь, расстилались также падающие и взмывающие, скошенные в шахмат поля, и над ними винтообразно кружил одинокий ястреб — некий абсолютно русский, дохнувший вещей и вместе счастливой древностью пейзаж, теперь уж почти забытый, будто бы и виденный до того лишь в детстве, в сказочных билибинских фантазиях.

В назначенный час, искупавшись в Оке, я сидел в гостиной Федора Дмитриевича среди музейщиков и гостей, которые собрались помянуть первого директора. По рассказам, он представлялся рафинированно интеллигентным и чрезвычайно добрым человеком, судьба которого сложилась весьма замечательно.

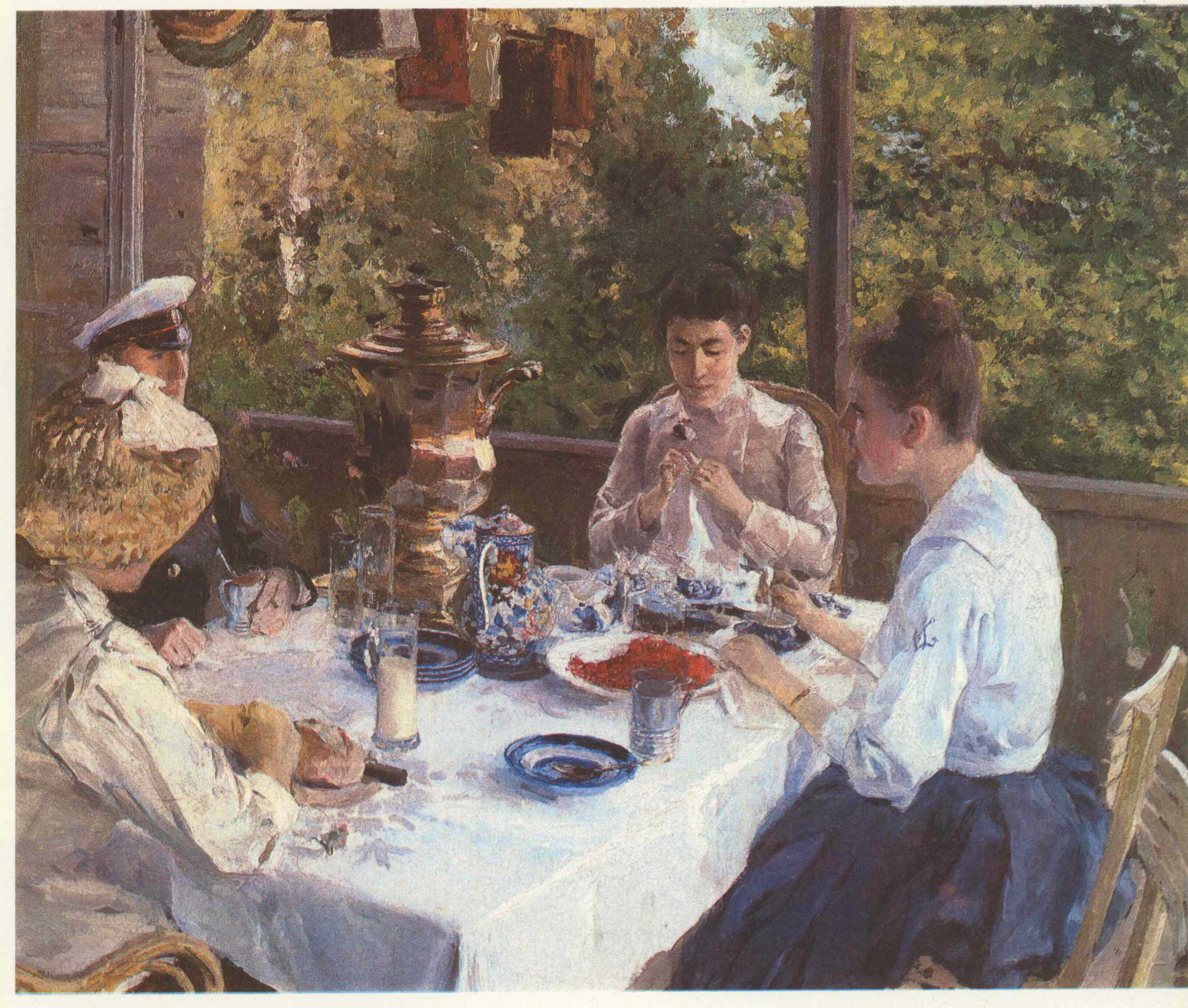
Дмитрий Васильевич Поленов, сын художника, был, наверное, таким сыном, каким может гордиться всякий отец. То есть талантливым. А еще — воплощением чести. Он очень хотел стать биологом и потому блестяще окончил естественный факультет Московского университета; свободное владение всеми европейскими языками, включая латынь и древнегреческий, открывало ему дорогу в большую науку, но пришел 1914 год, и Дмитрий Васильевич, отказавшись от кафедры, ушел добровольцем на фронт, откуда с полученным за храбрость солдатским Георгием вернулся не в университет, а домой, прямо на Оку. Это и был час его выбора.

Трезво осознанный и тщательно взвешенный поступок Поленова-сына явился, как сейчас понятно, единственно возможным путем спасения и окончательного утверждения музея. Есть свидетельства, что музей этот по важнейшему для нашего культурного наследия декрету восемнадцатого года признался первым мемориальным художественным музеем, на несколько даже месяцев раньше тютчевского Мураново. Что сделалось бы, если бы не приезд сюда Дмитрия Васильевича, — неизвестно, хотя поразителен и тот факт, что местные крестьяне еще до всех постановлений и декретов сами взяли под охрану усадьбу — факт, говорящий о том, что такое был для них Поленов и его дом, куда они совершенно свободно приходили и раньше, приобщаясь к искусству, книгам и музыке.

С 1920 года Дмитрий Васильевич стал официально первым директором, став также первым директором-крестьянином, то есть обрабатывал своими руками землю, сеял и снимал урожай, ибо, кроме пищи духовной, следовало заботиться и о хлебе насущном, и потому крестьянствовать для него было единственной возможностью жить и кормить семью.

Судьба этого, думается, сегодня одного из самых уютных наших музеев — весьма сложная судьба, не только с радостями, но и с бедами. Одна из них — дом отдыха «Поленово», к усадьбе имевший отношение только именем [1], со своими службами, кухнями, прачечной, клубом и даже танцплощадкой. Совсем недавно дом отдыха вольготно размещался прямо у музея, принимая в свои недра полторы сотни отдыхающих, которые в подавляющем боль-

[1] Помню, как поразил меня в свое время рядом с толстовскими местами поставленный ресторан-стекляшка «Ясная Поляна», где можно было отведать грибков, приготовленных якобы по рецепту Софьи Андреевны.

К. Коровин. 1861—1939. ЗА ЧАЙНЫМ СТОЛОМ. 1888.

Из собрания музея-заповедника В. Д. Поленова

В. Поленов. 1844—1927. РЕЧКА СВИНКА. 1900-е гг.

Из собрания музея-заповедника В. Д. Поленова

ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ. 1893.

Приокские дали.

Усадьба Поленово.

В. Д. Поленов на этюдах у могилы В. Э. Борисова-Мусатова (фото из архива музея-заповедника).

В заповеднике сенокос.

Эта лестница в Большом доме ведет на второй этаж.

Инструменты мастера.

А тут он работал.

Мастерская, в шутку названная «Аббатством».

Самодеятельный спектакль в музее.

Уголок поленовского дома.

Портретная. Персонажи из «Женитьбы Бальзаминова» вполне вписываются в интерьер.

Аллея в старом парке.

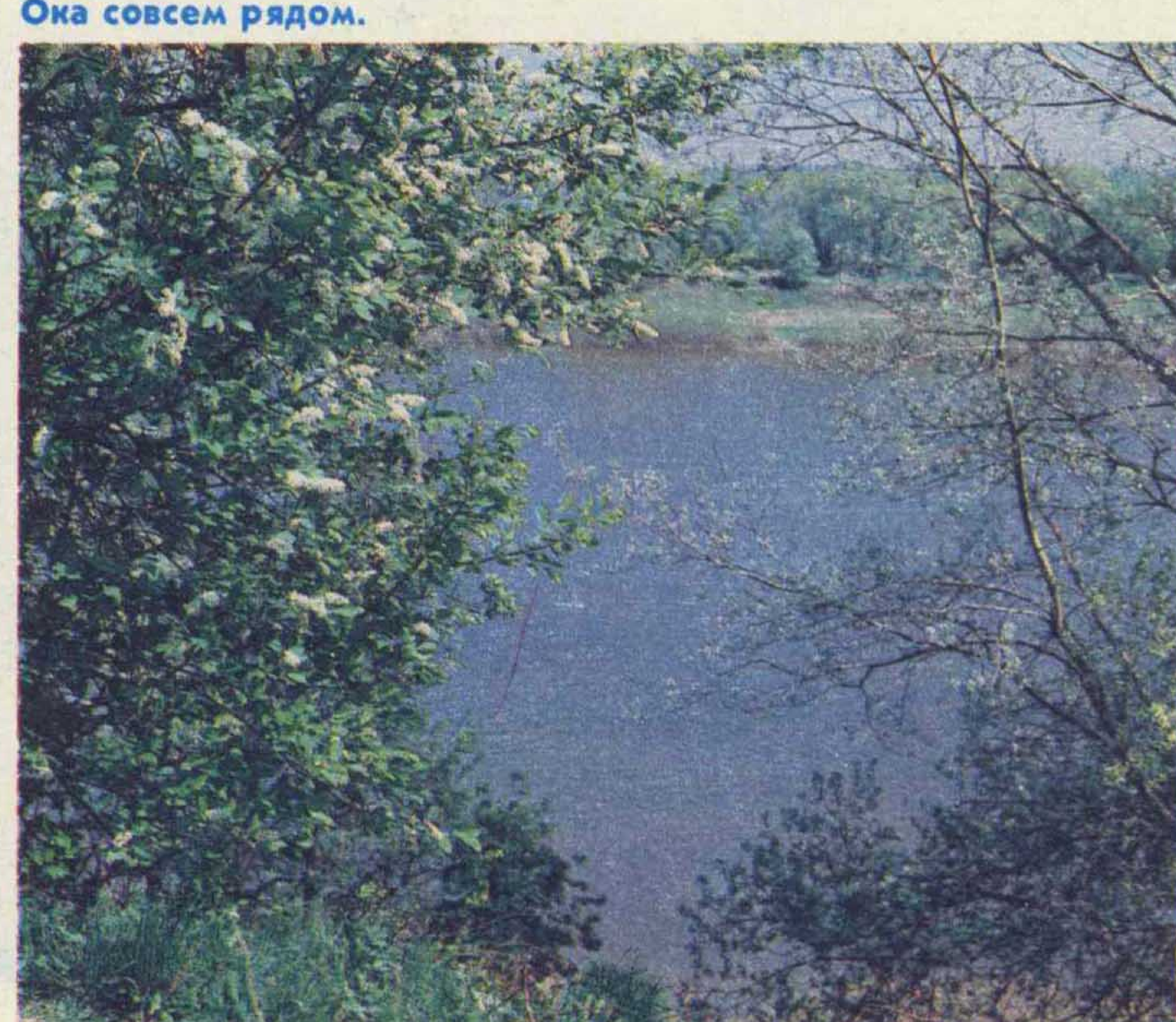

Троицкая церковь в Бёхове— филиал музея.

Библиотека — красивейшая комната в музее.

Ока совсем рядом.

Вход в мастерскую служил сценой для домашних спектаклей.

В.Васнецов. 1848—1926. АХТЫРКА. 1879.

Из собрания музея-заповедника В. Д. Поленова.

Н. Клодт. 1865—1918. ОСЕНЬ.

И. Левитан. 1860—1900. ЗАРОСШИЙ ПРУД. 1887.

Из собрания музея-заповедника В. Д. Поленова.

И. Остроухов. 1858—1929. ПОСЛЕДНИЙ СНЕГ. АБРАМЦЕВО. 1887.

шинстве хотели, естественно, взять от этого отдыха «все».

— Слышите,— улыбается Федор Дмитриевич,— соловей щелкает, вообще птицы вернулись и вьют гнезда, а ведь совсем недавно тут преобладали иные звуки, стоваттный репродуктор, и полновластной хозяйкой поленовских музыкальных настроений была почти исключительно «Машина времени». Странно слушалась работа этой «машины» здесь, на Оке, «над вечным покоем», в гостях у автора «Золотой осени». Однако мы победили, и у нас теперь не просто музей, а заповедник почти в сто гектаров, стали встречаться и косули, и кабаны. Хотя борьба шла многолетняя, не на жизнь, а на смерть — кто кого. В этом бою победили мы, в других пока, увы, нет...

Федор Дмитриевич Поленов, внук художника, повторил поступок отца, буквально. Кадровый моряк, капитан-лейтенант, он двадцать пять лет назад пришел сюда прямо с флота на смену уже престарелому и больному Дмитрию Васильевичу по его просьбе — взвалив на свои плечи все хозяйские заботы. Из морского офицера он превратился в музейщика высшего класса, в искусствоведа, собирателя, исследователя, крестьянина. Такая вот доля.

ДОМОВОЙ

Домовой, известно по старинному поверью,— божество домашнего очага, и домовой этот водится в Поленове. Еще около ста лет назад его встретили однажды в недостроенном Большом доме плотники всей своей артелью и, хоть почудился косматый как две капли воды похожим на хозяина, Василия Дмитриевича Поленова, наотрез с тех пор отказались в этом недостроенном доме ночевать и переселились в баньку у подножия холма, рядом с рекой. Но не тут-то было. Домовой перебрался за ними в баню, и баня по сей день числится его обиталищем — некоторые из тех, кто живал в ней, слышали по ночам возню и потрескивания на чердаке. И, опять же, слыхавших возню никак нельзя было переубедить в том, что нет на свете никаких домовых, даже после того, как обнаружили: чердак облюбовали себе куницы, свив там гнездо и регулярно плодя потомство.

Поленовская баня славится не только домовым, но и памятью о Сергее Сергеевиче Прокофьеве, несколько весен и лет жившем в ней, и не просто жившем, но создававшем как раз тут музыку к «Ромео и Джульетте». В покосившуюся избенку непостижимым образом было занесено фортепиано, и, думаю, фантастически и экзотично звучали среди шепота поспевающих трав, кашки и лютиков, среди мелькания этих наших, тарусских, бабочек и стрекоз пышные, трагедийные и мрачноторжественные мотивы бала во дворце у Капулетти.

Федор Дмитриевич помнит великого музыканта, его высокую худую фигуру, облаченную в суконное серое пальто, его чуть желчные цепкие глаза за стеклами круглых очков, то, как азартно он после утр работы играл в теннис или шахматы. По этому поводу Поленов-младший даже написал и опубликовал рассказ, который так и называется —«Дом Прокофьева», и одним из первых читателей рассказа был Юрий Казаков, также часто гостивший здесь, в баньке, и будто бы как раз тут сочинивший свой замечательный «Трали-вали».

В этом крохотном домике ночевал (он принадлежит по традиции гостям) в свой приезд и я. Сон долго не шел: висела глухая бархатная чернота, домовой проказил — кряхтел, поскрипывал и ворочался в старых бревенчатых стенах, в открытое окно веяло дурманом скошенного сена, теплой летней ночи, от реки доносился плеск и смех — кто-то вздумал купаться, но потом стихло все, даже перестали биться о стекла мотыльки и ночницы, прекратил свои скрипенья домовой, и в наступившей вдруг полной тишине остался и оттого возрос на целый тон, так сказать, восторжествовал один-единственный звук, тихий, но очень противный: будто на лебедку наматывали железную цепь.

КАРЬЕР

— Это драга,— сказал мне утром Федор Дмитриевич. И тут наступает минута, когда в нашем музейном романсе должны явиться минорные аккорды.

Драга за рекой звенит железом о железо неподалеку от Поленова вот уже двадцать пять лет: она забирает песок и щебенку, которые должны идти на строительные нужды. Для этих нужд прямо напротив усадьбы на другом берегу разработан большой карьер: если подняться на поленовский холм и глянуть туда, можно увидеть в зеленях поймы подобие зияющей рваной раны — довольно глубокий обрывистый котлован размером с крупное озеро, отгороженный от Оки лишь весьма узкой перемычкой. Она, перемычка, и есть опаснейшее место: река в один катастрофический день может дрогнуть, размыв ее, и уйти в новое русло, уйдя, таким образом, навсегда и от Поленова, оставив его наедине с огромной, сухой и мертвой балкой.

Кто дал команду устроить карьер? Насколько карьер и драга как раз з д е с ь нужны, необходимы для пользы дела в масштабах хотя бы области? Никто определенно сказать не может. Много есть мест на Оке, где можно было бы разжиться песком и щебенкой, однако чей-то палец (теперь уж трудно установить, чей) ткнул именно сюда, в Поленово. И тут уж начинают, вытесняя все остальные знаки препинания, роиться сплошные вопросы.

Нет, в самом деле, кто учинил все это? Организация, именуемая Моснерудпром при управлении Мосгорисполкома Главмоспромстройматериалы, которому нужно добыть каждый год столько-то тонн песку и щебенки и которое облюбовало для этих целей это место. А еще областные калужские власти, которые «карьеристов» (как называют их музейщики) сюда пустили. Почему же они пустили их именно сюда, а не на какой-либо другой участок? Потому, что им совершенно безразлично, тот «участок» или другой (какая разница?) отвести под разработку карьера, ибо убежден, эти люди полностью лишены того, что зовется этическим и эстетическим началом, историческим чувством и исторической совестью.

Мало того, что они безразличны к природе и к истории, они враждебны им, поскольку только принципиальный враг может так упорно держать оборону своих позиций: им объясняли, в чем дело, их просили, уговаривали, им, наконец, приказывали «свыше», но они стоически продолжают свое даже в обход приказам. Так, например, по документам этот карьер з а к р ы т уже более пятнадцати лет, и немудрено: ведь еще в марте 1968 года здесь введена охранная зона, относящаяся к заповеднику, где всякие земляные промышленные разработки запрещены самим законом. И карьер соответствующими, и очень серьезными и строгими, актами и подписями был безоговорочно и наглухо закрыт, но, клянусь, я видел в нем пыхтящие вовсю машины, а ночью мне не давала спать гремящая драга.

Карьер и драга — факт налицо, но есть и тучи, которые только наплывают, только начинают сгущаться над Поленовом. Я имею в виду ядовитую химию, завод по производству пестицидов и гербицидов, что собрались было строить в четырех километрах отсюда, в Тарусе. Нужны ли нашему сельскому хозяйству пестициды и гербициды? Допустим, нужны: они убивают всяческих вредителей. Но почему завод, химикаты производящий, должен стоять чуть ли не в мемориальном и природном заповеднике, в одном из поэтичнейших и красивейших уголков России, которых осталось так мало?

Завод, слава богу, отбили от Поленова. Всякие важные люди, всякие важные учреждения, наконец, Академия наук СССР согласились, что тут не стоит его строить. Отбили идею именно этого завода, но, как сообщил мне Федор Дмитриевич, думают возводить другой, тоже связанный с химической отравой, и опять же рядом с Тарусой: течение Оки за полчаса донесит от нее до Поленова любую щепку, не говоря уж о беде, грозящей самой Оке.

Поразительна все же эта вечная борьба культуры (в самом широком смысле слова, ибо ее носителем может быть простой бакенщик) и невежества (также в своем полном смысле, ибо его может олицетворять и высший чиновник-бюрократ, например, калужский, и иной доктор наук), эта смертная и непрекращающаяся битва, победа в которой весьма неблизка, хотя живы мы все счастливой надеждой, крепкой и старинной уверенностью в том, что мир спасает красота, а не песок и щебенка.

УСАДЬБА

Всякий музей обладает магией особого рода, всякий гипнотизирует по-своему, но механизм такого гипноза общий для всех музеев: он состоит в искусстве одушевления бездушных предметов. В принципе это очень просто: положи кусок битого кирпича, еще вчера валявшийся на дороге, под стеклянный колпак, и кирпич заговорит, превратится в источник откровений и мудрости: он расскажет и о дороге, где пролежал, быть может, очень долго, и о доме, чье основание он составлял, и о людях, которые в доме жили.

Но особенно обворожительны музейные превращения, если предметы, лежащие в витрине,— мемориальны, если они хранят в себе не только память о том или ином замечательном человеке, но и тайну о нем, не только повествуют, но и скрывают нечто: вот э т о кольцо носила на руке Марина Цветаева, вот э т о перо грыз, отыскивая какое-то единственное слово, Пушкин, вот э т и м и кистями и красками в мятых, словно изжеванных тюбиках работался поленовский «Заросший пруд».

В доме Поленова время, обстоятельства и люди не тронули, не сдвинули со своих мест почти ничего: портреты его предков повешены на свои крюки именно Поленовым, старый «Блютнер» в кабинете тот самый, за которым, будучи не только замечательным живописцем, но и одаренным композитором, он сочинял свои романсы, а в книжных шкапах библиотеки, называемой и в произношении до сих пор так, как при нем — с обязательным и неизменным ударением именно и только на третьем слоге,— стоят те самые, им читанные тома.

Сто лет назад над заливным лугом у слияния маленькой речки Скнижки и Оки и еще чуть дальше, над молодым березовым перелеском поднимался совершенно голый холм — заброшенное ржаное поле с одиноким и странно торчащим из него кустом можжевельника. Василий Дмитриевич Поленов, человек к природе очень чуткий, сохранил куст, назвав его хозяином здешнего места. Он обрубил нижние ветви, оставив ствол-проводник, и можжевельник быстро пошел в рост, превратившись через несколько десятилетий в высокое стройное дерево, напоминающее кипарис. С него и начался поленовский парк.

Теперь парк прекрасен: лиственницы, ели, березы, ветлы, дубы и пахучие липы. Он настолько разросся, этот парк, что закрыл, затенил полностью дом, и сын Поленова, первый директор, был вынужден прорубить от дома просеку к свету. А так как Дмитрий Васильевич был знаток природы и к ней не менее чуток, чем отец, то просека получилась очень живописна — она образует как бы узкую, диагональную, террасами спадающую перспективу к Тарусе, к дальней петле Оки, к облакам и небу. Быть может, со стороны дома это и есть самый красивый вид.

Дом, как уже известно, Поленов задумал музеем и потому свез сюда и собирал дальше превосходную библиотеку, насчитавшую в результате две с половиной тысячи томов — в основном по истории искусства и музыки, художественных увражей и нот. Скопилась здесь и обширная коллекция народных промыслов на манер абрамцевской, собралась и картинная галерея из работ его друзей, учеников, даривших свои произведения: Владимира Маковского и Малютина, Архипова и Репина, Виктора Васнецова и Остроухова, Левитана и Константина Коровина, и, конечно же, тут везде картины самого Поленова. Причем жизнь этого дома была уже тогда, при нем, музейной жизнью, и он сам утверждал, что «я несказанно радуюсь, когда вижу, как приходят посетители и разглядывают наши собрания».

Этот культ открытости, общедоступности — принцип и сегодняшнего поленовского дома-музея, который следовало бы, произведя элементарную, но очень существенную перестановку слов, назвать музеем-домом, так как вы не встретите здесь веревочных оцеплений вокруг экспонатов, но зато в каждой комнате увидите живые цветы. Их собирает и приносит сюда музейщица Надежда Васильевна Краснобаева, их собирают «французы» — ученики московской специальной французской школы имени Поленова, которые каждый год приезжают на все лето — чистить парк, косить, красить, помогать в поле, водить экскурсии, на что они оказались большие мастера. Я видел «французов» и должен сказать, что лица этих детей, их глаза вселяют надежду. Поленово очищает и воспитывает, оно заставляет присягнуть чему-то несказанно важному, основному, составляющему цельность человеческой души.

Хотя и люди, которые здесь живут и работа-

ют — такие, как Наталья Николаевна Грамолина, Екатерина Афанасьевна Герасимова, сам Федор Дмитриевич Поленов, да, пожалуй, и все остальные — преподают детям серьезнейшие уроки нравственности: как относиться к природе, как относиться к искусству, как относиться к памяти, как памяти служить,— и дети видят сами, что такое служение может образовывать не «коллектив», а семью, какой представляются мне все поленовцы. Редкий, даже редчайший случай внутримузейных отношений.

ПОГОСТ

Об этой семейственности, вообще о мировой идее семейственности и говорил мне по пути в Бёхово Александр Александрович Зюзиков, чернобородый сорокалетний человек, ради Поленова бросивший насовсем Москву и приводящий теперь в порядок, обустраивающий бёховскую церковь — музейный филиал.

Александр Александрович — определенно философ с очень стройной, пусть и несколько химерической, зато доброй системой мироощущения и мировоззрения: он считает, что тысячи и тысячи лет назад нашим первобытным предкам была известна некая формула духовной и материальной гармонии, и что, умея полностью «сливаться» с природой, они оставили следы этого своего великого знания в камнях, разбросанных теперь повсюду. Александр Александрович собирает такие камни, отличая мертвые от тех, к которым прикоснулась рука человека.

— Вы видите птицу? — Он показывает мне один из таких камней.— Это не ветер и солнце выточили ее, а изваял мастер: тут хорошо видны следы его резца. Знаете, какова главная мысль природы? Всеобщее сложение. Но сложение особое. Это и есть то, что мы стали называть генетикой. Один плюс один в таком счете будет не два, а снова один — принцип любви, принцип семьи. Образуя ее, образуют и некую общность. И так бесконечно. Потому-то и всех нас, людей, не множество, а единство.

Я помню, как еще с улыбкой недоверия взял этот камень с изображением древней птицы, как почувствовал в руке весомую его тяжесть. Мы стояли на деревенском погосте у могилы Поленова с простым двускатным олонецким крестом из дуба, сработанным по поленовскому же рисунку — «для себя»; он просил не ставить ему богатого памятника, во-первых, потому что презирал всякое богатство, во-вторых, потому что считал, что лучший памятник человеку — его дела на земле. А что успел сделать он? Написать сотни картин, оставить замечательных учеников, построить на свои средства музей, две школы и вот эту белую, удивительно нарядную церковь, возвышающуюся на холме, над лесами, и нет ни одного человека, кто, проходя по Оке, в туман или в слепящую синь, в рожденье утра или в пепельно-огненный закат, не любовался бы ею, похожей чем-то на драгоценные новгородские храмы.

Погост рядом с церковью, кладбище, где лежит Поленов, называют светлым погостом. И действительно: небо, березы, блеск реки, ковер полевых, волнующихся от малейшего ветерка цветов. Сюда, к обрыву, приходят по ночам влюбленные, и это на первый взгляд странное место для свиданий вовсе не покажется странным любому, кто тут побывал, потому что не напоминание о могильном мраке и хладе настигает здесь человека, а чувство того самого единства — единения настоящего и будущего с тем, что уже давно было, ощущение круговой разумности земного уклада.

Поразительно, как магнитно сходились сюда судьбы самых разных художников, приезжавших в эти места не только для того, чтобы жить, но и умереть: чистейший поэт в прозе Паустовский, который не мыслил своего последнего пристанища, кроме как здесь, гениальный автор меланхолических грез Борисов-Мусатов, обретший его на высоком окском берегу, революционер балета Касьян Голейзовский, смело обновлявший язык своего изящного ремесла. Голейзовский лежит неподалеку от Поленова: воплощение традиции и воплощение бунта в искусстве соединила и успокоила эта земля, этот светлый березовый погост.

На прощание, чтобы вдосталь налюбоваться Окой, я поднялся на колокольню. Под солнцем река напоминала огромную алмазную ленту в изумрудной оправе, совсем близко носились стрижи, и вольно пел ветер, летящий откуда-то с дальних полей.

Москва, 41-42-й...

См. стр. 4—5.

1

На телефонном столике слева от кресла слабо зашелестел звонок «кремлевки», и на белой полоске аппарата часто замигал крохотный огонек лампочки. Молотов неторопливо поднял трубку и услышал глуховатый голос Сталина:

— Вече, могу тебя обрадовать.— «Вече» значило — Вячеслав. Так Молотова называла его жена, Полина Семеновна Жемчужина, и Сталин позволял себе копировать ее, когда был иронично настроен.— Вчера миссия взяла курс из Скапа-Флоу через Северный Ледовитый океан на Архангельск,— продолжил Сталин.— Так что собирайся встречать.

— Мне Майский уже телеграфировал,— спокойно ответил Молотов.— Зря только упомянул в шифровке крейсер «Лондон». Немецкие дешифровщики работают сейчас со зверской силой.

— Да, неосмотрительно со стороны Майского... Впрочем, сегодня берлинское радио протрубило, что британская и американская делегации уже прилетели из Лондона в Москву. Знают даже, что на двух бомбардировщиках Б-24 и что с ними — наш посол в США Уманский.

— Это хорошо. Значит, клюнули на английскую уловку.

— Что, так было задумано в Лондоне? — удивился Сталин.

— Да. Уманский сообщил мне об этом: они отвлекали внимание немцев от путешествия Гарримана и Бивербрука по морю.

— Но зачем американцы привезли еще и своего журналиста? Не помню, как там его...

— Квентин Райнольдс,— сказал Молотов, взглянув в лежавший на краю стола список американской делегации.— Представитель «Дейли экспресс».

— Наши переговоры для журналистов должны быть абсолютно закрытыми.—В голосе Сталина прозвучало раздражение.

— Уманский пояснил,— успокаивающе сказал Молотов,—что у Райнольдса какие-то поручения к американским корреспондентам в Москве. А утечки информации о переговорах действительно надо остерегаться. Это понимают и главы делегаций Гарриман и Бивербрук. Уманскому даже дали понять, что, возможно, и их послы в Москве не будут приглашены на наши встречи.

— Намерение вполне разумное! — Голос Сталина в телефонной трубке чуть возвысился.— Я давно не верю в добрые чувства к нам, особенно американского посла Штейнгардта, как и большинства дипломатов его посольства.

— Полагаешь, что решением о своих послах они нам хотят угодить?

— Нет, догадываюсь, что Гарриман и Бивербрук желают откровенного разговора без свидетелей. И, наверное, наша сдержанность к послам США и Англии им известна и дает повод для размышлений.

— В Вашингтоне к нашему Уманскому тоже не очень приветливы.

— Знаю. Поэтому и его не надо звать на переговоры. И, видно, придется заменить Уманского Литвиновым.

— Да, есть над чем хрустеть мыслями,— согласился Молотов.— Главное, как постигнуть совокупность интересов США и Англии, учитывая, что Америка еще не воюющая сторона и формально пока не является нашим союзником?

— Ищешь ответы на эти вопросы? — Сталин будто не спрашивал, а утверждал.— Внимательно всмотрись и в разработки соответствующих отделов нашего ЦК.

— Голова кругом идет.— Молотов вздохнул, окинув взглядом стол, на котором аккуратно были разложены папки с документами.— Будто бегу со спутанными ногами.

— А ты особенно не беги. В межгосударственные загадки надо вторгаться спокойно и последовательно, памятуя, что узлы внешней политики вяжутся не только искусством дипломатии, а главным образом экономической, военной и политической силой, на которую опирается дипломатия.

— Вот именно, силой! — Молотов скупо улыбнулся и горестно покачал головой.— Но ведь нас-то немцы пока что колотят на всех фронтах!

— Это тоже важный аргумент в переговорах с посланцами Черчилля и Рузвельта.— Голос Сталина вновь посуровел и будто сделался глуше.— Не надо забывать, что они очень страшатся победы Гитлера над нами, и в то же время не жаждут нашей победы над немцами.

— Именно в последнем — главный корень проблем,— согласился Молотов.— Но надо ли их убеждать, что мы все-таки разгромим Германию даже при столь катастрофическом для нас положении на фронтах?

— Ладно, работай, Вече... Мы еще продолжим сегодня разговор.— И Сталин положил трубку.

Как скульптор ударами молотка по резцу откалывает от мрамора ненужные осколки, медленно и упоенно освобождая из-под них свое творение, так сквозь нагромождения военно-политических событий, дипломатических обстоятельств и таинственностей вновь и вновь пробивался к истине народный комиссар иностранных дел СССР Вячеслав Михайлович Молотов. Истина межгосударственных отношений сегодняшнего дня пока виделась ему издалека — еще не просветленная, во многом загадочная, в предположениях и умозаключениях, под которыми не ощущалось прочного фундамента. Он напрягал ищущую мысль, опираясь не только на лежавшие перед ним документы, но и на интуицию, опыт, на знания и даже на неведение. Трудностей и необъяснимостей бескрайнее море...

Всматриваясь в многоликость происходящего, можно было только в общих чертах рождать в себе ощущения, догадки и заряжаться мыслительной энергией для новых поисков и выводов. Этот мучительный процесс познания, особенно когда казалось, что ты уже близок к какому-то открытию, даже увлекал Молотова, будто своего рода творчество. И тогда еще напряженнее перекидывал мостки логических суждений между многими событиями, личностями, политическими партиями буржуазных государств, воссоздавая в воображении широкопанорамную картину закулисных интриг и тайных упований сил, ведших политическую битву, полыхавшую на всех континентах, словно лесной пожар при свирепом, часто меняющем направление ветре.

Поднимали головы ярые враги Советского Союза в США и в Великобритании, явно и тайно возлагая свои надежды на фашистскую Германию и ее сателлитов. Это мешало объединению военных и экономических усилий трех самых могущественных в мире государств в борьбе с нацистскими претендентами на мировое господство. А объединение надо было осуществить во что бы то ни стало, и советское руководство делало для этого все возможное. Кое-чего уже удалось достигнуть. Реализована договоренность Советского Союза и Англии о временном вводе войск в Иран, где готовился при участии немецких агентов фашистский переворот. Право на такую военную акцию давал Советскому Союзу договор с Ираном, заключенный еще в 1921 году и

предусматривавший подобную ситуацию. Сейчас в Иране, после ввода на его территорию советских и английских войск, сформировано новое правительство во главе с премьер-министром Форуги вместо подавшего в отставку кабинета Али Мансура. Иранский меджлис одобрил закрытие в Тегеране германской, итальянской, венгерской и румынской миссий и передачу в руки Советского и английского правительств многочисленных германских резидентов, за исключением лиц, пользовавшихся дипломатической неприкосновенностью. В итоге всего этого союзники еще и приобрели дополнительные коммуникации для снабжения СССР — сквозной путь от Персидского залива до Каспийского моря — и, что немаловажно, осуществленная акция отрезвляюще повлияла на правительства тех невоюющих стран, которые враждебно относились к Советскому Союзу.

Но в последнее время чаще всего обращался Молотов мысленно к декларации[1] Черчилля и Рузвельта, подписанной ими 14 августа на борту военных кораблей в Атлантическом океане, близ Ньюфаундленда. Он воспринимал ее как результат посещения Москвы Гарри Гопкинсом — личным представителем президента Рузвельта. Видимо, не зря Сталин и он, Молотов, уделили беседам с Гопкинсом столько внимания и времени, со всей искренностью и всесторонне объяснив ему опасную и сложную остроту военно-экономического положения, в котором оказался Советский Союз в связи с навязанной ему Германией войной. Недавно послы США Штейнгардт и Великобритании Криппс вручили Сталину послание от руководителей своих стран, в котором они обещают максимальное экономическое содействие Советскому Союзу в борьбе против гитлеровского нашествия, а также предлагают созвать в Москве совещание представителей трех великих держав для выработки программы наиболее целесообразного использования всех имеющихся у них ресурсов для борьбы с Германией, невероятно окрепшей за счет ограбления Европы.

Декларация излагала также общие задачи демократического характера в войне против фашистских государств, но, затрагивая проблемы послевоенного устройства мира, не принимала в расчет интересы Советского Союза. Да и не являлась декларация официальным договором, ибо Рузвельт не представил ее для ратификации своему сенату. Что же она сулит на самом деле? Ведь пресса США и Англии так и не перестает вопить о том, что СССР на грани гибели. Черчилль неизменно отклоняет предложения Сталина об открытии второго фронта, не уставая при этом восхищаться «великолепным сопротивлением русских армий в защите родной земли»... Конечно же, в Лондоне и Вашингтоне рассматривают войну между Германией и СССР как передышку для себя, и это было очевидным, хотя можно предполагать и худшее: в Великобритании, как и в США, немало сторонников точки зрения американского сенатора Гарри Трумэна, который на второй же день после вторжения германских войск в пределы Советского Союза печатно заявил: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше». А «газетный король» Уильям Хэрст открыто заявил, что он приветствует нападение Германии на Советский Союз, и выразил уверенность, что вся Европа объединится против коммунизма. Сенаторы-изоляционисты Джон Уиллер и Геральд Най размахнулись в своей ненависти к СССР еще шире, опубликовав заявление с призывом заключить соглашение с Германией. К ним присоединились видные американские дельцы от политики Чарльз Линдберг и Роберт Вуд... Тревожило также то, что многие, подобные им, держали в своих руках рычаги управления не только политикой, но и экономикой. Как все это отразится на результатах предстоящих переговоров?

Нарком раскрыл папку с телеграммами советского полпреда в Англии и скользнул взглядом по строчкам машинописного текста на желтоватом бланке. Они со всей категоричностью подтверждали его тревоги. В телеграмме от 6 сентября приводилась выдержка из выступления на конгрессе тред-юнионов министра авиационной промышленности Англии Джона Мур-Брабазона. Вот его слова:

«Пусть Германия и СССР истощают друг друга. В конце войны Англия станет хозяином положения в Европе...»

Как на такое заявление отреагировал Черчилль? Как отнесся к нему? Можно ли надеяться, что министр такого умонастроения будет способствовать поставкам боевых самолетов в СССР из Англии, как было обусловлено в июльском соглашении и о чем более конкретно должен вестись разговор на предстоящем совещании?

Вся противоречиво-неустойчивая атмосфера в Англии и США, конечно же, беспокоила советских руководителей, мешала обнажить истинные позиции и чаяния правительств этих могущественных государств, определить степень их готовности оказывать помощь Советскому Союзу в его невиданном кровавом единоборстве с фашистской Германией, учитывая, что высшее военное командование обеих западных держав, как и реакционная пресса, с постоянной убежденностью внушают своим парламентам мысль о скором, неизбежном и полном поражении Красной Армии.

На недавнем заседании Политбюро Сталин сказал по этому поводу:

«Ненависть к нам буржуазных фанатиков, открытых врагов и дураков делает нам честь. На переговорах противопоставим их пророчествам тяжкую для нас правду, пусть и подольем этим масла в огонь. Не будем ничего опровергать, не станем особенно убеждать наших союзников, что мы и без них выстоим, пусть нам обойдется победа дороже. Но они без нас не выстоят против Германии — Черчилль и Рузвельт хорошо это понимают. И в переписке с Черчиллем я откровенен до предела!»

Молотов взял папку с посланиями Сталина английскому премьеру и, открывая ее, вспомнил суждения Бонапарта, что возвышение или унижение государств зависит от смелости ума их правителей... Слабый государь есть бедствие для своего народа. Затем стал перечитывать письмо Сталина от 3 сентября, адресованное Черчиллю:

«Относительная стабилизация на фронте, которой удалось добиться недели три назад, в последние недели потерпела крушение вследствие переброски на Восточный фронт свежих 30—34 немецких пехотных дивизий и громадного количества танков и самолетов, а также вследствие большой активизации 20 финских дивизий и 26 румынских дивизий. Немцы считают опасность на Западе блефом и безнаказанно перебрасывают с Запада все свои силы на Восток, будучи убеждены, что никакого второго фронта на Западе нет и не будет. Немцы считают вполне возможным бить своих противников поодиночке: сначала русских, потом англичан.

В итоге мы потеряли больше половины Украины и, кроме того, враг оказался у ворот Ленинграда.

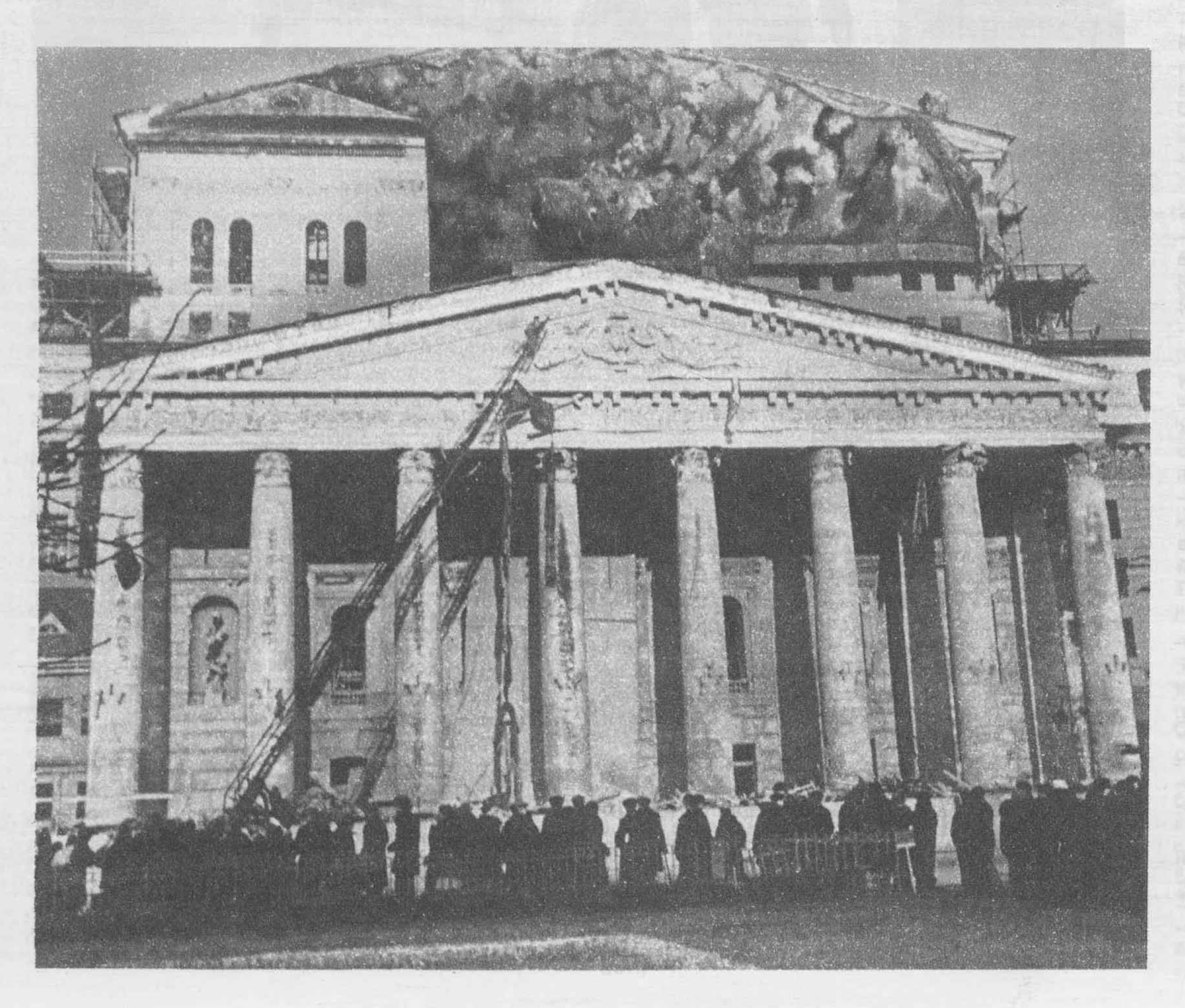
Эти обстоятельства привели к тому, что мы потеряли Криворожский железорудный бассейн и ряд металлургических заводов на Украине, эвакуировали один алюминиевый завод на Днепре и другой алюминиевый завод в Тихвине, один моторный и два самолетных завода на Украине, два моторных и два самолетных завода в Ленинграде, причем эти заводы могут быть приведены в действие на новых местах не ранее как через семь-восемь месяцев.

Все это привело к ослаблению нашей обороноспособности и поставило Советский Союз перед смертельной угрозой».

Далее Сталин писал, что он видит выход из такого положения в немедленном создании второго фронта на Западе, а также в поставках Советскому Союзу алюминия, самолетов и танков.

Советский посол в Лондоне Иван Майский, получив из Москвы это очередное послание Сталина Черчиллю, позвонил министру иностранных дел Великобритании Антони Идену, и они тут же поехали в резиденцию премьера. Вручая Черчиллю документы особой важности, советский посол с присущим ему красноречием обрисовал в полуторачасовой беседе степень опасности, нависшей над Советским Союзом.

Черчилль с сочувствием слушал Майского. Когда же посол риторично поставил перед Черчиллем вопрос: «Если Советская Россия будет побеждена, каким образом вы сможете выиграть войну против немцев?» — тот, ощутив всю глубину смысла, содержавшегося в словах Майского, вдруг вспылил и, как сообщалось Майским в шифрограмме из Лондона,

[1] Позднее она получит наименование «Атлантическая хартия». **(Прим. автора.)**

раздраженно стал излагать военные соображения, по которым Англия не может немедленно высадить свои войска на побережье Франции или Нидерландов.

6 сентября Молотов пришел в кабинет Сталина с шифрограммой Майского и адресованным Сталину ответным посланием Черчилля, в котором английский премьер в обтекаемых формулировках высказывал предположение, что британские армии будут, возможно, готовы вторгнуться на Европейский континент в 1942 году, однако все будет зависеть от событий, которые трудно предвидеть.

Сталин тогда неторопливо и внимательно вчитывался в письмо премьер-министра Великобритании, затем придвинул к себе бланк с шифрограммой Майского, прочитал ее с не меньшим интересом и поднял грустный и будто укоряющий взгляд на Молотова:

«Мы должны быть готовы к тому, что они и впредь будут расставлять нам подобные дипломатические ловушки».

«Несомненно,— согласился Молотов.— Мы в наркомате копим убедительные контраргументы».

«Не надо только мудрствовать и растекаться мыслью по древу.— В словах Сталина прозвучали строгость и сосредоточенность.— Кошка всегда знает, чье сало съела. Надо при каждом случае напоминать им об участии Англии в мюнхенском сговоре, о том, как правительства Чемберлена и Даладье предали Чехословакию и Польшу, да и нас предали, сорвав московские переговоры в тридцать девятом».

«Они все сейчас ставят с ног на голову,— уточнил Молотов.—Доказывают, что не Англия и Франция сорвали переговоры, а мы, подписав с Германией пакт о ненападении, хотя, как ты знаешь, мы решились на это после того, как были отозваны из Москвы их миссии».

«Они могли заключить с нами договор о взаимопомощи и после отъезда Риббентропа из Москвы, ибо мы подписали с Германией не договор о союзе, а пакт о ненападении. Ан нет! Надеялись уладить свои отношения с Германией, надеялись на всеобщий «крестовый поход» против нас».

Итак, теперь надо быть готовыми к совещанию в Москве по экономическим вопросам. 18 сентября он, Молотов Вячеслав Михайлович, решением Политбюро ЦК был назначен главой советской стороны на этом совещании.

Делегации США и Англии тоже назначены. Первую из них возглавлял Аверелл Гарриман, специальный представитель Рузвельта, вторую — лорд Уильям Бивербрук, один из руководящих деятелей английской консервативной партии. Несколько дней назад британская и американская делегации, как сообщало из Лондона советское посольство, были приглашены в Букингемский дворец, где король Георг VI и королева Елизавета оказали им сердечный прием и дали добрые напутствия.

Главы делегаций вначале колебались, лететь ли им в Москву самолетами или отплыть в Архангельск на борту крейсера. Оба варианта были небезопасными. Сегодня стало известно, что Гарриман и Бивербрук сели на крейсер; значит, Молотову придется лететь в Архангельск встречать их.

Все-таки надо будет опираться в оценках и выводах на те шаги правительств США и Англии, которые наиболее точно определяют их политику нынешнего дня и подсказывают, по каким направлениям она может развиваться.

Стояла третья декада сентября сорок первого. Погода была прохладной, пасмурной. Сегодня утром из окна своего кабинета Молотов видел на крышах кремлевских зданий белесый налет заморозков. А как в Архангельске? Впрочем, это не имеет значения.

Над Москвой опускалась ночь. Скоро вокруг города начнется пальба зенитных орудий, в небе оживет сверкающая взрывами огневая завеса против немецких бомбардировщиков. Ударят зенитки и счетверенные пулеметы с огневых позиций на скверах, площадях, на крышах высоких зданий столицы. Все это уже стало привычным, почти не отвлекавшим от текущих дел.

Молотов окинул невидящим взглядом свой кабинет с потушенной люстрой и плотно зашторенными окнами. Горела только настольная лампа с зеленым абажуром, освещая зеленое сукно стола и разложенные на нем бумаги и папки. Снял пенсне и, достав из бокового ящика стола квадратик шевровой кожи, тщательно протер им стекла. Затем вновь окунулся в чтение бумаг, стремясь замкнуть главное в логический круг понимания и угадать в нем истинную подспудную сущность происходящего.

В кабинете Молотова появился Сталин, держа в руке зеленую папочку. Вячеслав Михайлович не слышал, как открылась дверь и увидел его уже приблизившимся к столу. Понял, что Верховный пришел с какой-то важной новостью. Обычно Сталин редко покидал свой рабочий кабинет, только когда становилось ему там невмоготу от тяжких забот и дурных вестей. Попыхивая трубкой и не поднимая глаз, он вернулся к дверям и щелкнул электрическим выключателем. Вспыхнула под высоким потолком люстра, и Сталин неторопливо и неслышно стал прохаживаться по ковру, зажав зеленую папочку под мышкой.

Молотов ни о чем не спрашивал, напряженно всматриваясь в кряжистую фигуру Сталина, в его темное и словно окаменевшее лицо. Молчание становилось нестерпимым, и казалось, что нараставшая в Молотове тревога сейчас мимовольно поднимет его из кресла. Но не встал, а тихо произнес:

— Догадываюсь, Коба,— еще какая-то беда свалилась на нас...

— Кругом терпим поражения,— на удивление спокойно ответил Сталин.— Пятьдесят четвертая отдельная армия Кулика так и не может деблокировать с востока Ленинград... Придется командующего смещать, а армию вливать в состав Ленинградского фронта.

— Может, пусть Жуков сам решает о Кулике? — В голосе Молотова сквозило сомнение.

— Жуков и выразил эту мысль,— глухо ответил Сталин.— Он сейчас там смещает всех нерешительных и неспособных. Держит Ленинградский фронт изо всех сил, наращивая эти силы за счет рабочего класса и Балтийского флота... Эх, нам бы, кроме войсковых резервов, еще хотя бы трех-четырех таких Жуковых... Может, избежали б зреющей катастрофы на Украине.

— Жуков, конечно же, был прав в своем июльском прогнозировании событий на Юго-Западном... Следовало б...— Молотов осекся под хмурым, коротко-острым взглядом Сталина.

— Прогнозировать легче! А где брать свежие дивизии?! — Досада и гнев явственно клокотали в груди Сталина.— Жуков предлагал на время ослабить Московское направление! А сейчас разведка доносит, что после оставления нами Киева на Москву вновь повернуты танковые группы Гудериана — с Украины, а Гота — из-под Ленинграда. Гитлер полагает, что с Ленинградом уже покончено и к зиме ему удастся сломить Москву.

Гнетущая тишина, наступившая в кабинете, казалось, изолировала их друг от друга, хотя оба они томились в одних и тех же тревогах. Каждый испытывал душевную боль в одиночестве и по-своему. Молотов тоскливо вдумывался в то, как объединить решения военно-стратегических ситуаций с внешнеполитическими, а Сталин гневно размышлял над тем, что сделал он не так, как надо было сделать, искал оправдания допущенным просчетам, мысленно высматривал их причины, негодовал на военачальников, не оправдавших его надежд, выискивал в памяти людей, на которых можно будет положиться в грядущих и, видимо, неисчислимых трудностях.

Молотов знал, что внутреннее состояние Сталина всегда слагается из взвешиваний вариантов, сомнений, размышлений над главным... Все это предшествует принятию каких-то важных решений, вселяющих надежды. Но сейчас что-то было непонятным в нем...

— Коба, у тебя в папке новости? — спросил Молотов.

— Не знаю — новости или новая провокация немцев. Наша разведка перехватила их радиопередачу на Северную и Южную Америку. Послание Рузвельта дорогому другу Сталину.— В голосе Сталина прозвучала недобрая ирония.

— Дорогому другу?! — с притушенной веселостью изумился Молотов.

— Именно дорогому... И даже с выражением искренней дружбы!— Сталин прихлопнул зеленой папочкой по столу Молотова, а затем придвинул ее к нему.

Вячеслав Михайлович открыл папку, увидел в ней страничку убористого машинописного текста на бланке разведывательного управления Генерального штаба. Начал читать:

«Мой дорогой друг Сталин!

Это письмо будет вручено Вам моим другом Авереллом Гарриманом, которого я просил быть главой нашей делегации, посылаемой в Москву.

Г-ну Гарриману хорошо известно стратегическое значение Вашего фронта, и он сделает, я уверен, все, что сможет, для успешного завершения переговоров в Москве.

Гарри Гопкинс сообщил мне подробно о своих обнадеживающих и удовлетворительных встречах с Вами. Я не могу передать Вам, насколько мы все восхищены доблестной оборонительной борьбой советских армий.

Я уверен, что будут найдены пути для того, чтобы выделить материалы и снабжение, необходимые для борьбы с Гитлером на всех фронтах, включая Ваш собственный.

Я хочу воспользоваться этим случаем в особенности для того, чтобы выразить твердую уверенность в том, что Ваши армии в конце концов одержат победу над Гитлером, и для того, чтобы заверить Вас в нашей твердой решимости оказывать всю возможную материальную помощь.

С выражением искренней дружбы,
Франклин Д. Рузвельт».

Пока Молотов читал текст радиоперехвата, Сталин неотрывно всматривался в его лицо, пытаясь угадать реакцию наркома иностранных дел на прочитанное. Но лицо Молотова оставалось непроницаемым. Он, наконец, закрыл папочку и поднял на Сталина задумчивые глаза.

— Ну, что ты мыслишь на сей счет? — с чувством нетерпения спросил Сталин.

— Загадка, умноженная на загадку,— с озадаченностью ответил Молотов.— Ведь это письмо должен вручить тебе Гарриман. Он сейчас на крейсере где-то приближается к Шпицбергену. Как же мог попасть к немцам текст письма?.. Если он соответствует подлиннику, то чего они хотят достигнуть его обнародованием?

— В этом и вся главная сущность вопроса.— Сталин опять зашагал по кабинету.

На телефонном столике слева звякнул аппарат внутренней связи. Молотов поднял трубку и услышал голос дежурного по приемной наркомата:

— Вячеслав Михайлович, у меня на проводе переводчик американского посла Лоуренса Штейнгардта. Посол просит немедленного приема, чтобы вручить товарищу Сталину срочный документ особой важности. Какие будут указания?

— Минуточку,— ответил в трубку Молотов и тут же пересказал Сталину услышанное от дежурного.

— Пусть Штейнгардт приезжает сейчас. Я повремению у тебя,— ответил Сталин...

Американское посольство находилось примерно в семи минутах езды от Кремля, и ждать приезда посла оставалось недолго. Оба, Сталин и Молотов, подумали о том, что звонок Штейнгардта и его просьба о срочном приеме могли иметь прямое отношение к документу, который покоился сейчас в зеленой папочке.

— Не будем ломать голову над загадками. Дождемся американского посла. А пока давай еще раз уточним для себя главную нашу платформу в предстоящих переговорах с Гарриманом и Бивербруком.— Сталин присел в кресло у приставного стола и придвинул к себе хрустальную пепельницу.— Давай еще раз вспомним, что ни одна отдельно взятая капиталистическая страна не смогла до сих пор противостоять фашистскому агрессору. Только Советский Союз! Более того: западные страны даже не смогли образовать без нас свою действенную коалицию. У каждой из них собственные цели в войне... И Ленин бы очень похвалил нас, что мы, коммунисты, и вдруг так настойчиво ищем пути сплочения западных держав вокруг себя... На что не пойдешь ради победы над фашизмом... Все западные державы должны понять: сейчас оборонная мощь СССР — главная их гарантия в сохранении своей суверенности... Мы внушим им логикой наших неоспоримых доказательств, что в борьбе с фашизмом мы нужны Англии и США не меньше, чем они нам, а больше! Германия, а затем и Япония — их главная, абсолютно реальная и неотвратимая угроза [1].

— Полагаю, что Черчилль пришел к такому заключению раньше нас с тобой.— Молотов горько усмехнулся.— Наверное, грызет локти, что не решился на военный союз с нами против Гитлера летом тридцать девятого.

— Черчилль все-таки надеялся на англо-французский союз...

— Рухнул их союз в дюнкеркской катастрофе.— Сталин имел в виду крупное поражение английских, части французских и бельгийских войск на западном побережье Франции в районе Дюнкерка весной 1940 года.— И, между прочим, англичане тогда скоропалительно сумели собрать в кулак свой военный флот, добиться также превосходства в воздухе и эвакуировать в Англию зажатые немцами в «клещи» союзные войска. А сейчас, видите ли, Черчилль не находит возможным мобилизоваться и нанести удар по французскому побережью, чтобы хоть часть немецких сил отвлечь на себя...

В кабинет вошел помощник Молотова, и Сталин умолк.

— Прибыл посол Штейнгардт,— тихо сообщил он, по-военному одернув на себе темный пиджак.

— Приглашайте,— сказал Молотов, вопросительно взглянув на Сталина, который тут же в знак согласия кивнул головой.

Лоуренс Штейнгардт появился в проеме двери — рослый, розоволикий, в темном, наутюженном костюме с жилеткой и при черной бабочке над белоснежной манишкой. Лицо его светилось чувством собственного достоинства. Сделав несколько энергичных, уверенных шагов по ковру, он вдруг увидел в кресле Сталина и будто наткнулся на невидимую стену. Шедший сзади него тощий, в полосатой тройке переводчик от неожиданности почти ткнулся ему в спину, затем сделал полшага в сторону.

Сталин и Молотов поднялись, подошли к Штейнгардту и учтиво пожали ему, а потом переводчику руки. Обменялись обычными приветствиями, после чего американский посол заговорил:

— Господин Председатель Совета Народных Комиссаров,— он чуть поклонился Сталину,— господин народный комиссар иностранных дел,— такой же легкий поклон Молотову.— Я имею честь передать адресованное господину Сталину послание моего президента господина Рузвельта.

Переводчик торопливо переводил на русский слова посла, хотя они были пока понятны без перевода Сталину и особенно Молотову.

Штейнгардт протянул Сталину коричневую, тисненную под крокодиловую кожу папку с позолоченной застежкой и пояснил:

— Здесь полученная нами по телеграфу шифрограмма президента и ее идентичная копия на русском языке.

Молотов пригласил посла и переводчика сесть за длинный стол для заседаний, за который напротив дипломатов уселся рядом со Сталиным и сам. Начали внимательно читать послание Рузвельта, убеждаясь, что оно почти слово в слово, кроме первой и двух последних строчек, совпадает с переданным из Берлина по радио.

— Господин посол,— неторопливо, будто с трудом сосредоточивая мысль, заговорил Сталин.— Ваш президент пишет, что это письмо будет вручено мне его другом Авереллом Гарриманом...

— Я вас понял, господин премьер.— Штейнгардт воспользовался паузой, которую сделал Сталин.— Письмо президента Рузвельта поступило в Лондон уже после того, как господин Гарриман был за пределами берегов Великобритании. Не успело письмо...

— Почему же не передали его через нашего посла Уманского, который вчера прилетел на одном из ваших самолетов? — Сталин придвинулся ближе к столу, пристально вглядываясь в глаза Штейнгардта.

— Я вас понял,— повторил Штейнгардт.— Точно не могу утверждать, но полагаю, что наши офицеры разведки не решились отправлять письмо самолетом, опасаясь, что его могут сбить над территорией, занятой немцами. Видимо, советовались с президентом Рузвельтом. Именно он через государственный департамент передал текст письма по телеграфу в посольство, которое я имею честь возглавлять.

Наступила пауза, весьма озадачившая Штейнгардта. Сталин коротко взглянул на Молотова, и тот, поняв значение его взгляда, поднялся со стула, подошел к своему рабочему столу, взял зеленую папочку и вернулся на прежнее место. Сталин придвинул папочку к коричневой папке, открыл ее и, всматриваясь в тексты послания, с чувством недоумения заговорил:

— Господин Штейнгардт, Гитлер с Геббельсом вас опередили. Письмо президента Рузвельта товарищу Сталину мы уже получили по берлинскому радио! Вот полюбуйтесь.— Сталин прихлопнул тыльной стороной кисти по машинописному тексту в зеленой папочке.

Захлебываясь от волнения, переводчик пересказывал Штейнгардту слова Сталина.

Розовое лицо Штейнгардта стало пунцовым. Его правая рука нервно прикоснулась к черной бабочке на воротнике, будто бабочка сдавила ему горло, затем он пригладил ладонью вдруг взмокшие, аккуратно причесанные волосы на голове.

— Господин Сталин... господин Молотов... Я вас не совсем понимаю... Хотя догадываюсь... Немцы, наверное, перехватили и расшифровали телеграмму нашего президента... Но это ужасно! А вдруг им стало известно и то, что господа Гарриман и Бивербрук отплыли к вам на крейсере?!. Такого случая немецкие подводные лодки и бомбардировщики не упустят... Может случиться непоправимое.

Теперь настал черед встревожиться Сталину и Молотову. До этой минуты они в своих мыслях не соединяли перехваченную советской разведкой немецкую радиопередачу на американский континент с тем, что на английском крейсере «Лондон» плывут к устью Двины в радиусе действий воздушных сил Германии, базирующихся в Норвегии, главы делегаций США и Великобритании, от которых будет многое, если не все, зависеть в расширении и укреплении антигитлеровской коалиции крупнейших государств мира.

— Я вас на минуту оставлю... Дам некоторые распоряжения на сей счет.— Сталин неторопливо поднялся со стула и вышел из кабинета.

Молотов догадывался, что Сталин из его приемной звонит начальнику Генерального штаба Шапошникову и советуется с ним, в какой мере и на какой параллели возможно прикрыть нашими истребителями и подводными лодками английский крейсер «Лондон». И он не ошибся...

Сталин вернулся в кабинет в тот момент, когда Молотов вместе со Штейнгардтом сопоставляли подлинный текст послания Рузвельта с тем, который передали по радио немцы. Главное различие в них состояло в том, что Рузвельт начинал свое письмо словами: «Уважаемый господин Сталин» и кончал подписью: «Искренне Ваш Франклин Д. Рузвельт». В немецкой трактовке утверждалось, что президент начал письмо словами: «Мой дорогой друг Сталин» и закончил его: «С выражением искренней дружбы».

— Мы в общем-то понимаем смысл этих будто бы безобидных искажений,— сказал Сталин, присаживаясь к столу.— Гитлер хочет поссорить Рузвельта с теми влиятельными лицами в США, которые ненавидят Сталина... Верно я говорю?

Штейнгардт не находил слов для ответа. Он достал из кармана платок и начал старательно вытирать им вспотевшее холеное лицо.

[1] Со временем эту точку зрения разделят все реально мыслящие государственные и политические деятели Запада. Э. Стеттиниус, будущий государственный секретарь США (1944 г.), заявит: «Если бы Советский Союз не удержал свой фронт, немцы получили бы возможность покорить Великобританию. Они были бы в состоянии захватить Африку, а затем создать плацдарм в Латинской Америке». **(Прим. авт.)**

Платон ВОРОНЬКО

Вечерний свет

Как полем ржаным,
Я по жизни иду —
И что мы с тропинкой моею ни встретим,
Лишь новый простор у нее на виду:
К нему она рвется — и счастлива этим.
Зачем про осеннюю знать ей тоску,
Про то, что листва нас укроет сырая?..
Уже не снопами, а по колоску
Свой хлеб я несу, урожай добирая.
Но я на дожинках
И колосу рад,
Когда он зерном полновесным богат.

НА СТРАЖЕ

Белые барашки к ряду ряд,
Знай, бегут отарой через море.
На бортах локаторы блестят —
Это пограничники в дозоре.
Мир... Орудия зачехлены.
Мир... В торпедном пусто аппарате.
Мир...
Но тень безумья, тень войны —
Сверху, снизу, на любом квадрате...

Нет! Не оживешь над синевой,
Черный призрак
Третьей мировой!

ВЫЙДУТ ЛЮДИ...

«После нас,— бросил некий король,—
хоть потоп!..»
Эх, работки величеству дать бы
пусть малой:
Вбил бы сваю одну или сжал в поле сноп —
Не бросался б такими словами, пожалуй.
«Предначертан финал!» — так, себе на уме,
Мир стращают веками пророки и папы.
Вслед библейским угрозам,
фашистской чуме
Термоядерные подымаются лапы.
«После нас — хоть потоп!» — до сих пор
не утих
Бизнесменский пароль,
воцарясь в Белом доме...
Только дом на земле не один,
есть и кроме —
С миллиардами жизней и судеб людских.
Выйдут люди — бороться, а не уповать
На ковчег, на какого-то нового Ноя.
Выйдут пахарь, строитель,
с детьми выйдет мать —
В них начало начал, в них бессмертье
земное.

•

Мать что ни лето полотна белила —
Била вальком, все-то била, все била
В гулкую кладку, в четыре осины,
Невдалеке, у заросшей плотины.
Спать я ложился под стук,
Просыпался,
Стук тот шагами рассвета казался...
Часто под вечер,
А утром все реже
Нынче удары мне слышатся те же:
Видно, добаливать в сердце осталась
Мамы моей вековая усталость.

ПУЧОК ПОЛЫНИ

Полынь в дыму мне снова снится.
Война...
Конца ей не видать...
Легли в пожарах рожь, пшеница,
И лишь полынь бойцам под стать
Стоит в одежде опаленной,
Средь гари кажется зеленой,
Седая, желтая — и к ней
Летит бездомный воробей.
В свои края фашист проклятый
Погнал рабынь
Через Волынь.
И что ж берут с собой девчата?
Не лист, не цветик, а полынь.
Не горше ты, пучок бесценный,
Чем эта страшная страда!
Горит земля в грозе военной,
Сгорают девичьи года...
Полынь на память — не загадка:
В воспоминаньях то, что сладко,
Всегда — поверх, волна к волне,
А горечь — в глубине,
На дне.

•

В промерзшем Киеве, на темной Прорезной,
Среди руин увидел я рояль —
Безмолвный, покалеченный войной.
Коснулся клавиш я, нажал и на педаль,
Но он не отозвался мне струной:
Не уцелело ни одной.
И все-таки фашисты на рояле
Исполнили свой варварский мотив:
На крышке поднятой мишени очертив,
По ним из парабеллумов стреляли.
Что им Бетховен, Бах!..
И под луной,
Под скорбною ее сонатой многострунной,
Лишь гильз отстрелянных
Зловещий блеск латунный
Мерцал в тиши на мертвой Прорезной.

ПАВОДОК

Идут-бредут прибрежным лугом
Семейки ив
В воде по пояс, друг за другом,
Через разлив.
Вступают и дубы толпою
В голубизну.
Калину кличут за собою
Встречать весну:
«Здесь мелко! К нам спускайся смело,
Мы обождем!»
А уж трава зазеленела,
Теплынь кругом.
Кричит и мне, блестя небесно,
Вся ширь Днепра:
«Беги сюда!..» А я ни с места:
Крута гора.

И ОТВЕТИЛА ПТИЦА

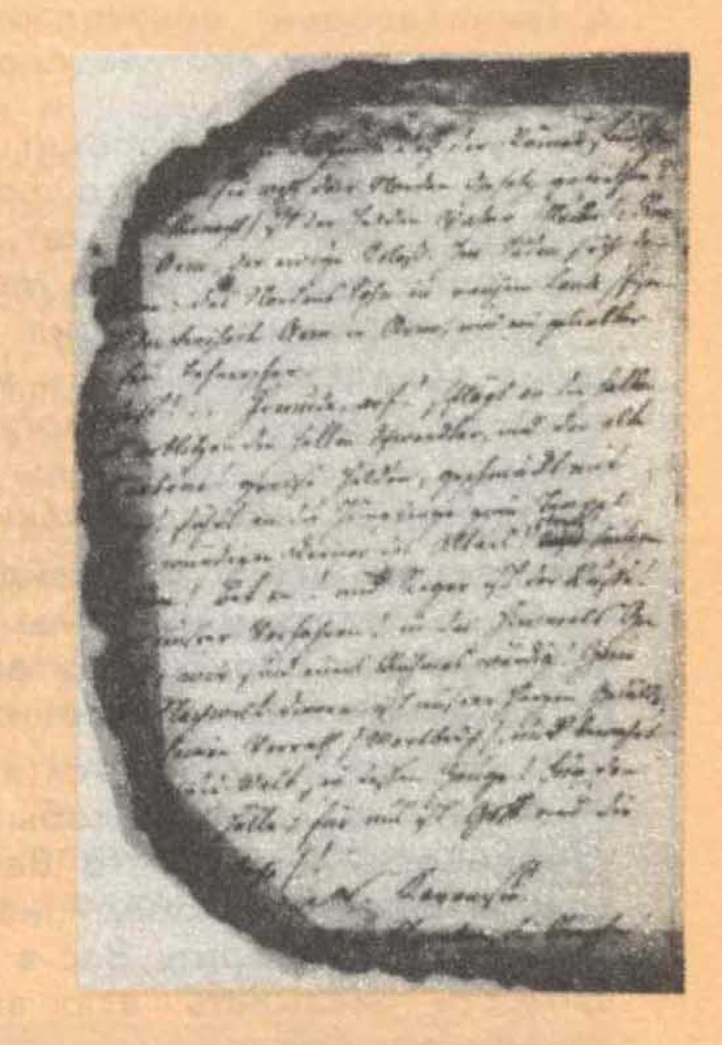
— Долго ж, синяя птица, я шел за тобою
С полной выкладкой —
С болью, с нелегкой судьбою,
Нес осколки в костях, шел по кручам,
пустыням...
Опустись, рассветись оперением синим! —
И ответила птица, на землю слетая:
— Я не синяя. Время ушло.
Я седая.

•

В окне моем горит вечерний свет.
Входите попросту, друзья,
Без приглашений,
Под кров, где слышу отзвуки сражений,
Хоть прожито и в мире много лет.
Все, чем богат, я предложить вам рад —
Всем поделюсь, что выберете сами!
Свои сокровища
Не прячу под замками,
Им ржавчина и плесень не грозят.
Взгляните, книгу дней моих открыв:
Вот путь мой — пройден честно он и чисто,
Есть память воина,
Есть совесть коммуниста
И с ними — слово, к истине порыв.

Перевел с украинского
Валентин КОРЧАГИН.

«Военная песнь» Карамзина

короткое интервью

СРАЖАТЬСЯ ЗА ТАЛАНТ

— Кажется мне, что чрезмерное прославление одних пагубно влияет на безвестность остальных... Талантливых остальных. Я с уважением отношусь ко многим писателям моего поколения,— говорит Гарий Леонтьевич НЕМЧЕНКО,— но все равно атмосфера паточного фимиама, окружавшая последнее время те или иные обоймы «писательских звезд», дурно повлияла на развитие молодых, и в особенности нестоличных литераторов...

Живет, к примеру, в Новокузнецке поэтесса Любовь Никонова. Очень интересная поэтесса. Я просто убежден, что одна из лучших у нас. Но о ней никто не знает. А ведь кто-то должен заботиться о молодых, о тех, кто придет на смену.

— По долгу службы на посту заведующего редакцией русской советской прозы в издательстве «Советский писатель» вы, Гарий Леонтьевич, этим, наверное, и занимаетесь?

— Серый поток литературы остановить нелегко. А порой и невозможно, потому

«КАК ОТДЕЛАЛИ ДЯДЮ ТОГО ЖЕ ПУШКИНА...»

Михаил Булгаков, писатель большого таланта, показал образец такта в пьесе «Последние дни», посвященной Пушкину, где сам Пушкин не произносит ни одного слова, сочиненного драматургом. Указывать другим литераторам на булгаковский талант было бы, конечно, и неделикатно, и бессмысленно. Но напомнить о такте, когда современный драматург делает героями пьесы Гоголя и Жуковского, дума-

публикуется впервые

Такое произведение знаменитого историка и писателя неизвестно. И тем не менее «Военная песнь» существует, она написана рукой Карамзина на двух страницах перегнутого пополам, посеревшего от времени листа с водяными знаками. Вообще автографы Карамзина в частных собраниях редки чрезвычайно. Этот — написанный по-немецки — хранится в семейной коллекции потомков русского поэта П. Козлова. Он был выхвачен когда-то из огня и обгорел по краям. К сожалению, текст сохранился не полностью, утраты автографа невосполнимы, но определенная ритмика чувствуется в дефектном немецком тексте. Сохранилась она и в русском переводе.

ВОЕННАЯ ПЕСНЬ

Славы, Закона,
Отчизны (призыв)
Раздается!.. Сыны
русской земли!
Час пробил: это наш час!..
Боритесь против врагов
Отечества; будучи сынами
Борея, победим мы
мужественной рукой
(властолюбивого)
Тирана и, свергнув,
подарим миру (свободу)...

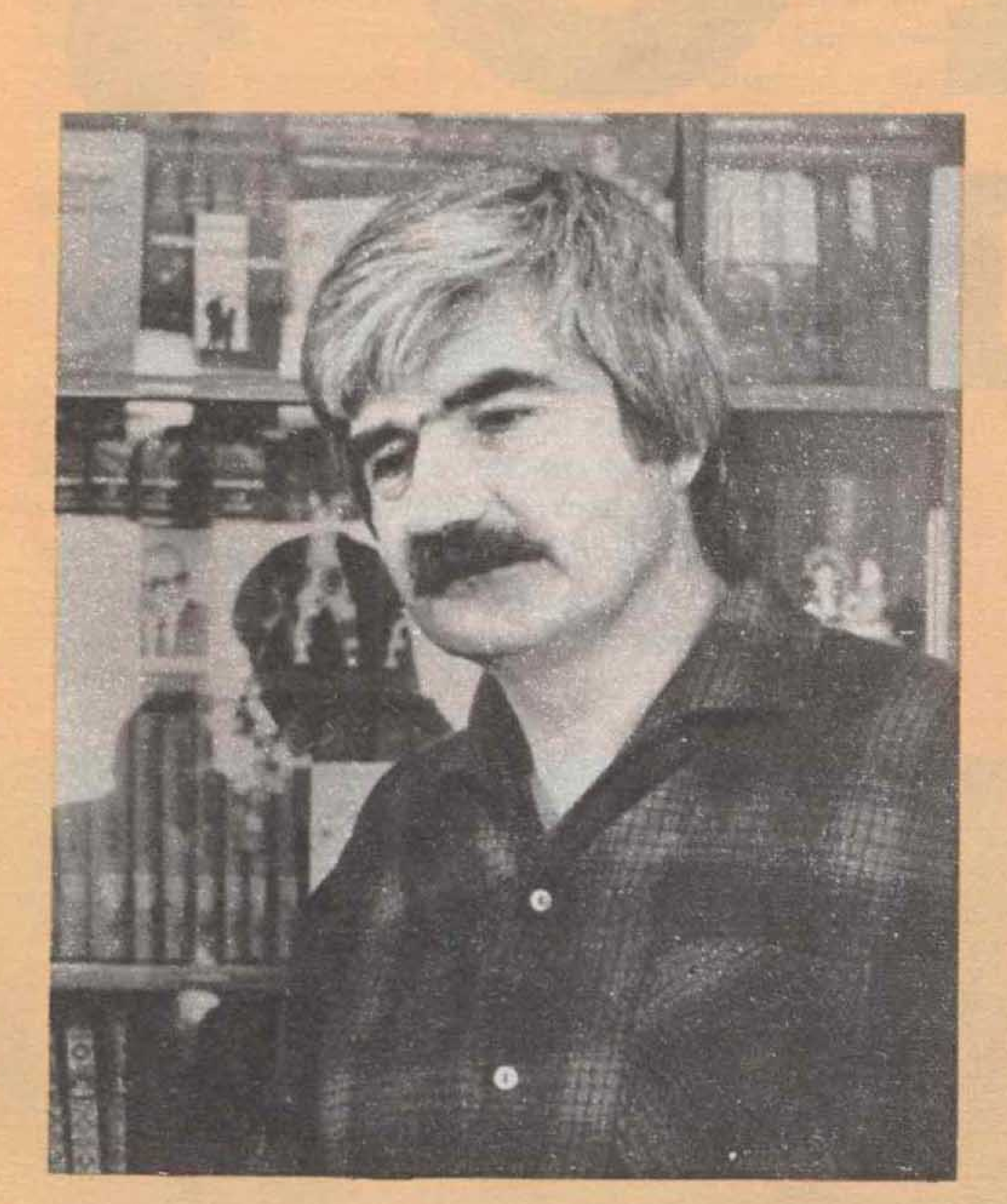
(Здесь приведено начало стихотворения в переводе Л. Товалевой, М. Березиной, Ю. Новикова.)

«Военная песнь» — несколько неожиданное произведение. Оно едва ли могло быть написано до Бородинского сражения; все ждали главной битвы, которая, как считали, должна решить исход войны. И совсем ни к чему было писать подобную вещь после «Березины», то есть в ноябре 1812 года, когда «великой армии» уже не существовало.

По-видимому, Н. М. Карамзин работал над «Военной песней» в октябре 1812 года. Здесь нельзя обойтись без другого значительного имени, близкого Пушкину и Карамзину, — Василия Андреевича Жуковского, написавшего в это время своего знаменитого «Певца во стане русских воинов».

(Существует и другое мнение. Карамзин выполнил подстрочник на немецком со своего стиха или произведения своего соотечественника для окончательной отделки его каким-либо немецким либо австрийским поэтом. На это прямо указывают сообщаемые Карамзиным размер оригинала в ямбах и характер рифмы. Судя по содержанию, стихотворение написано сразу после получения известия о начале вторжения наполеоновских войск в пределы России, причем название для немецкого издания поэт мог выбрать другое, произвольное, поэтому найти оригинал ныне вряд ли возможно.) Но как бы там ни было, в стихах Жуковского и «Военной песне» — общая тема: патриотический призыв к сплочению русских людей перед грозным противником. В «Военной песне» ощутим искренний порыв благородных чувств историка, который был гражданином, всем существом своим переживавшим за судьбы Отечества.

В. КОЗЛОВ

что ему сопутствует включение множества рычагов пробивания, проталкивания, завоевания жизненного пространства. И здесь чувствуешь свою беззащитность и свою... ненужность. Но редактор должен сражаться за талант.

— Часто вас радует издательская деятельность?

— Конечно, когда встречаешь рукописи по-настоящему одаренных и видишь, как много их по России, — это придает работе радость, какой-то высший смысл. Три года назад попала мне рукопись Владимира Карнаухова из Иркутска со странным названием «Не умирайте с секретаршей, Танечка!». Взял читать домой, да так и не заснул до четырех ночи. Издаем мы ее в этом году.

— Я знаю, что у вас тоже есть роман с необычной судьбой: «Тихая музыка победы». Сильно сокращенный, он был напечатан в «Новом мире» в 1972 году. И вот после переработки вы вновь намереваетесь его публиковать. В чем тут дело?

— Он вышел в искаженном виде по той причине, что в нем воспевался дух бескорыстия, товарищества, новизны по отношению к явлениям нашей жизни, с одной стороны, и отвергались чиновничество, бюрократизм, показушничество, — с другой. Мой герой борется с халтурой, расточительством, нравственной деградацией. Я рад, что могу вернуться к первоначальному варианту своего романа.

— О чем вам думалось в дни работы VIII съезда советских писателей?

— На съезде мне думалось, как соотнести то, что на нем происходило со всем тем, что происходит сейчас в стране. Совпадают ли наши писательские замыслы и задачи со всеобщими, народными? Я думал об этом, как бы сверяя часы, которые, как мне кажется, пока заметно отстают.

С Гарием Немченко, в связи с его 50-летием, беседовал Ф. Покровский.

МУЗЕЙ РЫЦАРЯ ПОЭЗИИ

«Честнейшим рыцарем в нашей поэтической борьбе» назвал Велимира Хлебникова Маяковский. Его поэмы «Ночь перед Советами», «Хаджи-Тархан», «Уструг Разина» обогатили русскую словесность, вошли в нее неотъемлемой частью.

Интерес к Хлебникову, его творчеству и личности сегодня чрезвычайно возрос — это творчество как бы развернуто в будущее.

Недавно в Новгородской области, в деревне Ручьи, в местах, где поэт прожил последние дни своей короткой жизни (1885—1922), открылся небольшой музей, рассказывающий о судьбе одного из зачинателей советской поэзии. Ручьи находятся поблизости от другой деревеньки — Санталово, там В. Хлебников умер и был похоронен. Позже его прах перенесли в Москву, на Новодевичье кладбище.

А. ЕФИМОВ
Фото ТАСС

ется, необходимо. Меня всегда вообще поражает психология литератора, который осмеливается своим слогом заставлять изъясняться великих наших классиков. Даже попытка вложить им в уста их собственные раскавыченные цитаты (из писем, воспоминаний, статей), как правило, обречена на провал: говорили не так, как писали, и разымать цельный текст на диалоги — дело не созидания, а разрушения.

В пьесе В. Клименко «Капитан Копейкин» * все действующие лица — реально существовавшие люди. И странная получается вещь: даже если драматург кое-где вставляет в свой текст подлинные слова, скажем, Гоголя, то происходит то, что случается, если в бочку дегтя опустить ложку с медом, — тот же деготь.

Не будем сейчас говорить об анахронизмах, хотя невозможно согласиться с такой вольностью, когда в пьесе, действие которой происходит в 1829—1836 годах, исполняется песня Ив. Аксакова, родившегося в 1823 году, или Гоголь беседует со Смирновой в Петербурге в 1836 году, в то время, как Смирнова уехала за границу в марте 1835-го и вернулась лишь в 1837 году; не станем останавливаться на психологической недостоверности характеров и сцен — они в изобилии. И классики способны постоять за себя сами. Остановимся лишь на одном образе, малоизвестном читателю (зрителю), а потому особенно нуждающемся в защите. Это Александра Осиповна Смирнова (урожденная Россети). «Женщина эта, — писал Гоголь, — почтена была короткою дружбой Пушкина и Жуковского, которые любили ее именно за здравый рассудок и за добрую душу... С ней мы были издавна как брат и сестра». Известна большая и серьезная переписка Гоголя и Смирновой, ее переписка с Вяземским, Жуковским, Плетневым, Аксаковыми, Самариным, известны, наконец, ее «Записки», которые побудил ее написать Пушкин; Клименко до этого дела нет. Он делает из Смирновой кокетку дурного тона, прозрачно намекающую на свою интимную связь с царем, называющую царицу «одна женщина»...

Вяземский, характеризуя Смирнову, писал, что она способна была понимать «плоскости и пошлости... разумеется, когда они были не плоско-плоски и не пошло-пошлы». Клименко заставляет ее выслушивать именно плоско-плоские и пошло-пошлые каламбуры, сочиненные им за Гоголя, которому она так же пошло отвечает: «Шалун! Сегодня вы совсем несносны!» Впрочем, и Жуковский тоже «шалун».

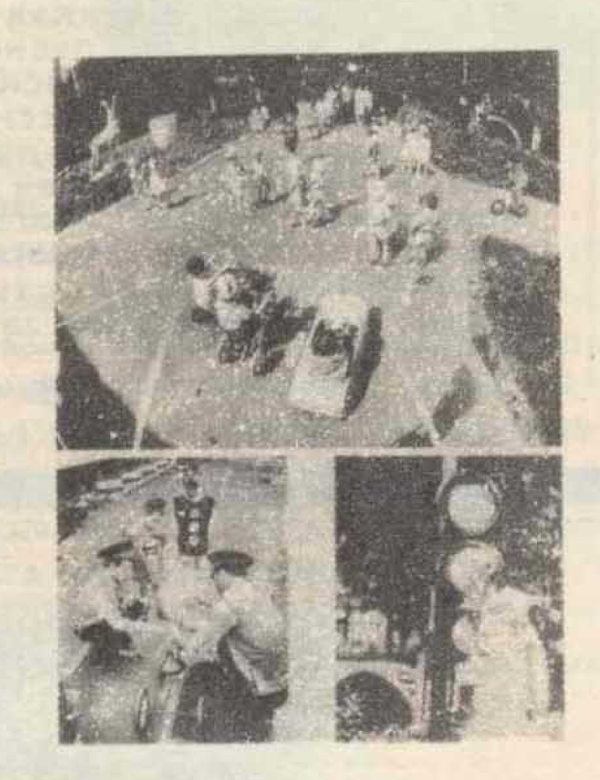
Плохо не знать, еще хуже — намеренно искажать. Вот эпизод из воспоминаний Смирновой о Гоголе: «Я начала утверждать, что он не был в Испании, что это не может быть, потому что там все в смутах, дерутся на всех перекрестках». А вот как Гоголю говорит Смирнова в пьесе Клименко: «А я слыхала, в Испании все так романтично! Там мужчины дерутся из-за женщин на каждом перекрестке!» И так далее, и тому подобное.

Слов нет, трудно писать о давно минувшей эпохе. Люди, жившие тогда, и даже люди знаменитые, могли и шутить рискованно, и вольности в разговоре позволять, однако даже в этих случаях их лексика, обороты речи существенно отличались от тех, которыми пользуемся мы в XX веке. Опасны обе крайности — и стилизация под XIX век, и беззаботное навязывание людям образованного круга другой эпохи строя речи современных обывателей. Гоголь, например, так говорит в пьесе Смирновой: «А вы, я вижу, путешествуя, мужем обзавестись успели». Жуковский же, вспоминая проказы арзамасцев, заявляет: «Вы еще не знаете... как отделали дядю т о г о ж е (выделено мной. — Н. Б.) Пушкина». И в подобном стиле написана вся пьеса.

Н. БЕЛОВА

* «Современная драматургия» № 1, 1986.

Мы играем в «дорогу»

«Выхожу один я на дорогу...» — сказал в прошлом веке поэт. А в нынешнем это почти нереально. Рядом всегда кто-то идет, бежит или едет. Хорошо если рядом, а не на тебя. Да, дорог стало больше, они стали шире, но и жестче, суровей. Медики, работники ГАИ и Госстраха, пожалуй, лучше других знают, как сложна эта проблема. А психологи добавят, что решать ее лучше «с пеленок», с того нежного возраста, когда человек наиболее серьезно относится к серьезным вещам и крепко усваивает уроки.

— Уже через год-два занятий мальчики и девочки начинают соблюдать правила дорожного движения, не нарушают их,— рассказывает Надежда Васильевна Борисова, заведующая детским комбинатом № 7 г. Климовска Московской области.

По-соседству с садиком — Симферопольское шоссе. Оно-то и натолкнуло на мысль обучать детишек правилам дорожного движения. Занялись этим всерьез: соорудили на территории садика мини-дорогу со всяческими поворотами и настоящими дорожными знаками, обзавелись, пусть маленькими, но настоящими педальными автомобилями, взяли в помощники родителей, а в учителя — сотрудников ГАИ, в частности, такого энтузиаста, как Виктор Михайлович Хохлов.

Двадцать лет назад ребята впервые одели милицейские формы. И началась игра в «дорогу». Сегодня в садике даже два настоящих светофора действуют — подарок ГАИ за победу в областных конкурсах «Зеленый огонек». И хоть родители порой жалуются Надежде Васильевне, что дети «замучили» их всякими правилами, шагу ступить не дают; но взрослые довольны. За многие годы ни один выпускник садика не попадал ни в одно дорожное происшествие. У ребят, кроме полигона, есть специальный дорожный класс, в центре которого установлен макет родного города. Ребятишки изучают его. А перед выпуском особенно тщательно изучают свой будущий маршрут в школу. И потому малышам детского комбината № 7 совсем необязательно держаться за ручку.

Е. ЛОБОДА

На «Мосфильме» идут съемки нового телевизионного трехсерийного приключенческого музыкального фильма «Гардемарины, вперед!». Наш корреспондент Феликс Медведев беседовал с одним из создателей картины писателем Юрием Нагибиным.

Что взамен?

— Юрий Маркович, вы впервые в жанре приключенческой ленты обращаетесь к материалу XVIII столетия русской истории. Это интересно и заманчиво. Хочется, чтобы вы представили не только фильм, но и других его создателей — писательницу Н. Соротокину и режиссера-постановщика С. Дружинину.

— Да, да, во всей истории с этой картиной как раз главное действующее лицо — Нина Соротокина. Наше знакомство произошло на совещании молодых писателей в Монино, где я вел один из семинаров. С тех пор Н. Соротокина написала много рассказов и большой интересный исторический роман из времен начала царствования дочери Петра I Елизаветы. Трое молодых людей, курсанты Навигацкой школы, оказываются вовлеченными, а точнее, привязанными к заговору Лопухиной. Ребята удалые, находчивые, у них прекрасно работает голова, они великолепно владеют шпагой, скачут на коне. В чем-то их похождения похожи на похождения героев Дюма, только курсанты наши — русские патриоты, русские натуры. Не буду пересказывать сюжета, иначе зрителю будет смотреть неинтересно. Скажу о другом.

Прежнее руководство издательства «Детская литература» ни за что не хотело издавать этот роман и было озабочено лишь одним: как бы от него избавиться. Для этого его без числа рецензировали, но так и не дождались разгромного отзыва. Тогда Н. Соротокиной предложили сократить его в два раза. Конечно, она отказалась, и воз-

Через минуту Михаил Боярский будет готов к съемкам.

Фото А. Соркина

никла мысль сделать из романа сценарий, чтобы таким образом, если получится фильм, найти путь к изданию книги. Хочу заметить, что Н. Соротокина — автор отличного сборника рассказов «Майский жук», изданного «Советским писателем».

Режиссер фильма Светлана Дружинина задумала сделать фильм еще и музыкальным. Она уже ставила с успехом музыкальные фильмы. Музыку написал композитор В. Лебедев, стихи — поэт Ю. Ряшенцев. В фильме снимаются популярные актеры Е. Евстигнеев, В. Стржельчик, Р. Маркова, М. Боярский, а в центральной женской роли выступает дебютантка кино — выпускница ВГИКа Т. Лютаева.

— Фильм «Гардемарины, вперед!» — далеко не первая ваша работа на телевидении. Я помню телеленту «Поздняя встреча», поставленную режиссером В. Шределем по вашему рассказу «Срочно требуются седые человеческие волосы».

— Действительно, мой «роман» с телевидением начинался на самой заре телевизионной эры. Первый сценарий, «Ночной гость», я написал в 1957 году. Фильм этот показывают до сих пор. Режиссером был тот же В. Шредель. Я оказался первым прозаиком, появившимся в популярных нынче «Останкинских вечерах». Помимо работы над фильмами, участвовал во многих передачах о Москве, а также в программе симфонического оркестра Федосеева, посвященной Рахманинову, Скрябину, Стравинскому. Особенно важным для себя считаю участие в учебных программах. С талантливым режиссером Людмилой Хмельницкой мы сделали передачи о Лескове (снимали на Орловщине), о Лермонтове (в Тарханах), об Иннокентии Анненском (в Царском Селе), о Бахе (в Риге) и об Аксакове (в Абрамцеве). Вообще считаю свою работу на ТВ не менее важной, чем литературную, писательскую.

Татьяна Лютаева в роли Ягужинской.

— Именно поэтому было бы интересно узнать, что вы принимаете в сегодняшнем телевидении и что отвергаете. Предмет разговора не риторический — телевидение обладает огромной силой воздействия на массы, на умы, но все ли ладно в этом королевстве?

— Многое до сих пор меня в нем тревожит. Действительно, телевидение — мощнейшее оружие, и потому надо пользоваться им с большой ответственностью. Оно потеснило литературу, подрезало крылья кино, ослабило увлечение театром... Но что дало взамен?

Хватит уже показывать старые, к тому же далеко не первосортные фильмы. Кинокартины вообще не обладают долголетием. Не надо обольщаться, что хорошие, но старые фильмы, иногда даже классика советского кино, производит на современных зрителей такое же ошеломляющее впечатление, как полвека назад. И уж подавно ничего не могут дать зрителям фильмы, которые и в пору своего появления казались устаревшими. Иногда мне кажется, что составители программ из завала старья выбирают самое бездарное и скучное. Это в полной мере относится и к ряду моих старых фильмов, от встречи с которыми я рад был бы уклониться.

Плохо поставлена и реклама передач. В ней, как мне кажется, не хватает продуманности, любви к телезрителям. Это прежде всего относится к еженедельнику «Говорит и показывает Москва». Рекламируется зачастую то, что в рекламе начисто не нуждается, то, что телезритель все равно будет смотреть. Неужели нуждаются в рекламе такие популярные артисты, как Зыкина, Магомаев, Пугачева, Кобзон? Но еженедельник с ненужной щедростью расходует на них свою скудную площадь. А, скажем, о передаче, посвященной Иннокентию Анненскому, сообщается без всякой расшифровки. А ведь этот тонкий, изысканный, удивительный поэт до сих пор малоизвестен, и еженедельник просто обязан был предпослать передаче хоть несколько слов о нем, чтобы привлечь телезрителей. А в анонсе музыкальной передачи, посвященной Иоганну Себастьяну Баху, даже не было указано, что среди ее участников Караян, Рихтер, Спиваков.

— Юрий Маркович, мне показалось, что в последнее время улучшилось качество развлекательных программ. В частности, всем запомнилась передача «Веселые ребята», в которой студенты, непрофессионалы, пародировали ведущих телевизионные программы.

— Вы знаете, я тоже запомнил эту передачу. Но слышал, что это старая запись, ее долго не хотели показывать, чтобы не обидеть известных ведущих. А вообще развлекательные передачи редко остаются в памяти. Даже такому умному и тонкому режиссеру и ведущему, как Эльдар Рязанов, изменил вкус, когда он превратил свой творческий вечер в слащавое и неуклюжее чествование с бесконечными поцелуями и объятиями. Только Андрей Миронов да Григорий Горин из всех участников соблюли достоинство.

На мой взгляд, наше телевидение сильно в его серьезной части: политические программы, экономические, программа «Время». Хорошо, что сейчас все чаще и чаще дают возможность высказывать свои взгляды и суждения рабочим, колхозникам, интеллигенции, которые смело и открыто говорят о своих проблемах. О наболевшем. Говорят без патоки, без пустого многословия — серьезно, требовательно и откровенно.

— И все-таки мало или много времени вы уделяете телевидению?

— Тогда скажу о своих пристрастиях: смотрю передачи «В мире животных», «Клуб путешественников», «Очевидное — невероятное». Фильмы и передачи, посвященные известным актерам, например, с удовольствием смотрел передачу об Анне Маньяни, о великих тенорах Лемешеве, дель Монако, Паваротти. Смотрю учебные программы, особенно охотно те, в которых принимают участие режиссер и актер Михаил Козаков, ученые Юрий Лотман, Ираклий Андроников. Смотрю спорт: чемпионаты мира, кубковые встречи, олимпийские соревнования. Кстати, мы вовсе не умеем показывать теннисные матчи, плохо показываем волейбол. Выдохлись и некоторые комментаторы футбольных программ.

— А все-таки телевидение движется к чему-то лучшему. Вспомнив название вашего нового фильма, не хочется ли воскликнуть: «Телевидение, вперед!»?

— Не только хочется. Мы все жаждем этого!

СТРОЙ

«Делай, не как я сказал, а делай, как я!» – таков девиз молодых лейтенантов из Алма-Аты.

Б. СОПЕЛЬНЯК,
фото С. Петрухина,
специальные корреспонденты
«Огонька»

Рукопашный бой.

Марш-бросок был изнурительный: несколько десятков километров по горам, выжженной степи и раскаленной пустыне, да еще с полной выкладкой. Часа через полтора все курсанты стали на одно лицо: пепельно-серые пыльные маски с влажным пятном на месте рта, голубые, карие и черные глаза превратились в красновато-воспаленные белки с горящими точками зрачков. Но дыхание у всех ровное, шаг спорый, никто не отстал, не захромал, не передал оружие другу.

Командиры взводов рядом. Они поглядывают на часы, прикидывают, где лучше устроить короткий привал, выбирают самый неудобный путь. Почему самый неудобный? Да потому, что в Алма-Атинском высшем общевойсковом командном училище имени Маршала Советского Союза И. С. Конева идут государственные экзамены. Позади волнения в аудиториях и классах, когда и отличники, и середнячки молили судьбу, чтобы она ниспослала счастливый билет. Теперь билет на всех один: испытание боем, хоть и учебным, но все же боем, где рвутся гранаты, свистят пули, падает сраженный меткой очередью «противник».

Алма-Атинское училище — одно из самых молодых, ему всего шестнадцать лет, но его выпускники уже зарекомендовали себя как грамотные, храбрые, не боящиеся никаких трудностей офицеры. Недаром более двухсот из них стали орденоносцами, а Н. М. Акрамов удостоен звания Героя Советского Союза. Конечно же, он кумир курсантов, конечно же, все хотят походить на него, и, видимо, поэтому многие выпускники подали рапорты с просьбой о разрешении прийти на помощь народу Афганистана, выполнить свой интернациональный долг.

Через несколько дней, когда и марш-бросок, и все остальные экзамены будут позади, когда перед парадным строем всего училища командующий войсками Средне-Азиатского военного округа генерал-полковник В. Н. Лобов вручит диплом и единственную в этом году золотую медаль Рамилю Гиндуллину, когда со слезами на глазах его поздравит молодая жена и что-то пролепечет крохотная дочка, я спрошу Рамиля, почему он, имеющий право выбора, тоже попросил направить его в Афганистан.

— Именно потому, что имел право выбора,— ответил лейтенант Гиндуллин.— В аудиториях и на полигонах я был лучшим. Поверьте, это непросто, ребята у нас один лучше другого. И хотя я пришел из Свердловского суворовского военного училища и к службе привычен, все равно ни разу не оступиться до уровня «четверки» было трудно. Так что же мне так и оставаться «героем полигонов»? Не имею права! Я должен быть там, где всего труднее: пойду я, пойдут и другие.

— А как же дочь, жена? Ведь на душманских тропах отнюдь не учебные бои.

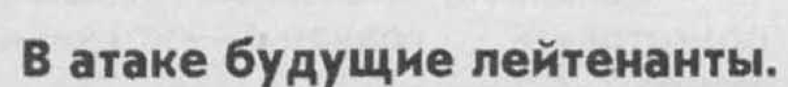

Мотострелкам и горы не помеха.

— Подождем. Мы терпеливые. Правда, доня? — тормошит дочку жена Рамиля.— А папка будет приезжать в отпуск и удивляться, как хорошо мы растем.

— Видите, какой у меня тыл! — гордо улыбается Рамиль.— Так что ничего со мной не случится. К тому же я знал, какую выбирал профессию.

Как я уже упоминал, эта беседа

В атаке будущие лейтенанты.

происходила через несколько дней после марш-броска, а сейчас курсантов ждало серьезное испытание — переправа через реку. К тому же разведка донесла, что на противоположном берегу «противник». Всего четверть часа дали командиры на подготовку к переправе. Ребята наломали толстых веток, связали плот и установили на нем пулемет. Потом нарвали сухой травы, набили ею вещмешки и надели эти поплавки за спину. Вода ледяная, течение сильное, но взвод дружно шагнул в реку. На противоположном берегу засверкали вспышки автоматов. Тогда пулеметчик прямо на плаву начал поливать «противника» длинными очередями.

— Курсант Максаков!— дает вводную экзаменатор.— Вы ранены в плечо.

Максаков поплыл на боку.

— Задета вторая рука!

Максаков перевернулся на спину.

— Курсант Шидловский, ранение в голову!

Тут же два соседа подхватили его под руки и поплыли к плоту.

А потом был рукопашный бой. Бой жесткий, яростный, когда в ход идут штыки, приклады, зажатые в кулак гранаты: экзамен сдавали и наступающие, и обороняющиеся. Ничего не скажешь, курсанты крепко усвоили суворовский завет, написанный в одной из аудиторий: «Бей неприятеля, не щадя ни его, ни себя самого; дерись зло, дерись до смерти; побеждает тот, кто меньше себя жалеет». Да, никому бы я не посоветовал встречаться один на один с этими парнями, будучи их врагом.

«Противник» выбит с позиций, рассеян, бежит... А тут подоспели БМП — боевые машины пехоты. Перед нами бугристая, в ямах и оврагах степь. Кто ни разу не сидел в десантном отделении БМП, тот не знает, что такое настоящая качка. Я знаю зыбь Атлантики и Тихого океана, крутые волны Балтики и ярость Бискайского залива, но БМП не идет ни в какое сравнение. Никогда не забыть, когда впервые проехал в этой машине каких-то десять километров: из десантного отделения я не выпрыгнул, не выбросился, а позорно выпал. А ведь отлеживаться некогда, надо атаковать, бежать, вести огонь, схватиться врукопашную. Вспомнив свой невеселый опыт, я спросил у ленинского стипендиата Александра Кияна, не укачивался ли он.

— Было дело,— сверкнул зубами Саша.— Потом привык.

— А почему так трудно дышится?

— Так здесь же среднегорье. Кто здесь родился и вырос, тем легче. А приезжие не один месяц тратят на акклиматизацию. Мы-то за четыре года пообвыкли. Поэтому и в горном бою будет легче. Там ведь все решают секунды: бросок — и ты за камнем. А будешь плестись — попадешь на мушку снайпера.

— Все верно. А откуда тебе это известно?

— Так у нас же есть преподаватели и командиры, прошедшие школу Афганистана. Они учат нас, а мы будем учить солдат... Извините, надо надевать «кошки» и готовить веревку: впереди скалы,— метнулся в сторону Саша.

Я знал, что горная подготовка поставлена в училище прекрасно: почти все выпускники — спортсмены-разрядники. Но одно дело — покорять вершины, и совсем другое — покоряя, воевать. За каждым камнем, в каждой расщелине может быть враг, поэтому надо одинаково хорошо владеть и ледорубом, и автоматом.

Перед броском на скалы — короткий привал. Кавалер ордена Красного Знамени и Красной Звезды старший лейтенант Сержан Казакпаев проверил экипировку курсантов и строго сказал:

— В настоящем бою некоторым из нас было бы невесело. Сидим кучно, значит, уничтожить нас можно одной очередью или двумя гранатами. Это раз. Не надеты бронежилеты — это два. Я был трижды ранен. Будь на мне бронежилет, осколки до тела бы не дошли. Запомните это, ребята. Так что не ленитесь и не пижоньте: кому придется уходить в бой, носите бронежилет сами и требуйте этого от подчиненных. Об идеальном владении оружием, в том числе и трофейным, я не говорю: без этого там вообще делать нечего. И еще одна заповедь: не ходите по тропам и дорогам — они, как правило, заминированы... Какой из всего этого делаем вывод? Правильно, курсант Безладный, на скалы полезем не тем маршрутом, который указан на карте. Само собой, у нас будут «потери», но атаку не прекращать. И вообще не отчаиваться и не унывать! Никогда и ни при каких обстоятельствах! Помните, что ваше настроение тут же скажется на настроении и боевом духе солдат. Однажды мы попали в засаду. Нас трое, я ранен в ногу, живот и спину, воды ни капли, «духи» предлагают сдаться в плен, но мы отбивались, отбивались двое суток. Время от времени я терял сознание. Когда чувствовал, что вот-вот отключусь, говорил, что устал и малость прикорну, если начнется атака, разбудите. Меня будили, мы отстреливались, и солдаты ни на миг не почувствовали, что остались без командира и инициатива боя упущена. А это очень и очень важно!

Ребята слушали как завороженные. С каким восхищением смотрели они на Сержана, ведь он немногим старше их, а уже орденоносец, уже прошел самое страшное испытание, которое выдерживает не каждый,— испытание кровью, испытание смертью.

— А что потом? — спросил кто-то.

— Потом подошла наша артиллерия, сделала свое дело, и мы выбрались к своим.

Сержан помолчал, как-то неловко поднялся — давала себя знать рана — и приказал:

— Внимательно осмотреть друг друга, проверить снаряжение, приготовить оружие.

Бой в горах — это особый бой. «Равнинникам» здесь делать нечего. Ведь надо уметь летать по скалам и вверх, и вниз, чтобы неожиданно свалиться противнику на голову. А попал под огонь — сумей вжаться в едва заметную щель или слиться с камнем. Потом мгновенный бросок, выстрел, удар — и ты на гребне. В горах хозяин положения тот, кто выше, поэтому бой идет за каждую высотку, каждый бугорок.

В самый разгар «боя» один курсант сорвался со скалы. Сорвался не в кавычках, а по-настоящему. Тут-то и сказалась взаимовыручка и умелая страховка. Оказывается, все так мудро продумано, что упасть практически невозможно: двое всегда поддерживают третьего.

Кавалер ордена Красной Звезды старший лейтенант Нуртай Исмагулов, когда все было позади, сказал:

— Поняли, что значит страховка? А вот я ровно три года назад об этом забыл: взрывной волной сбросило со скалы, и я получил компрессионный перелом позвоночника.

— Это же очень серьезно! Как же вы не только ходите, но и бегаете? — удивился кто-то.

— Согласен, повреждение серьезное. Но до этого у меня были и другие, так что терпеть и бороться я уже умел. Лечился, ходил в корсете, много плавал, и все равно врачи признали негодным к строевой службе. Но я взялся за себя еще злее! Как видите, врачи отступили, служу и не отстаю от вас, необстрелянных.

— Пока не обстрелянных,— заметил один из курсантов.

— Правильно! — жестко сказал Исмагулов.— Наша профессия предполагает все: и ранения, и смерть не в постели. Но многое зависит от нас: чем лучше ты подготовлен, чем выше боевой дух, тем больше шансов дожить до седин... Теперь вот что,— помолчав, продолжал Исмагулов,— нас ждут боевые стрельбы. Там экзаменаторы строгие, так что надо успокоиться, собраться и, главное, какую бы задачу ни поставили, не тушеваться.

Поднимая клубы пыли, взвод двинулся дальше. По-прежнему никто не хромал и не жаловался, все бодры и, я бы сказал, по-спортивному злы. Наконец, показалась высота Юрта. На ней доты, дзоты, траншеи, полуразрушенные здания. За каждым углом, в каждой ячейке — «противник».

Взвод приготовился к атаке. И вдруг новая вводная: командир взвода старший лейтенант Исмагулов убит, командование передать курсанту Федоренко. Игорь — один из претендентов на «красный» диплом, так что от того, возьмет ли он высоту, зависит судьба диплома. Взвилась ракета, и взвод поднялся в атаку! Игорь приказывал, где залечь, где сделать рывок, где обойти «противника» с фланга... Все шло нормально, до траншеи «противника» рукой подать, осталось забросать его гранатами — и врукопашную!

— Семенюк, Максаков, Лихач, приготовить гранаты! — крикнул Игорь.

Пальцы в кольце. Осталось выдернуть чеку и... И в этот момент неведомо откуда появилась высоченная фигура председателя государственной экзаменационной комиссии генерала армии Н. Г. Лященко. Училище — его любимое детище, именно он создавал его, когда был командующим САВО.

— Курсант Лихач, вы ранены в правую руку! — раздался голос Лященко.— Ваши действия?

Сергей перехватил гранату в левую руку, выдернул чеку зубами и на бегу бросил гранату. До «противника» метров тридцать, если граната не попадет точно в траншею, от осколков можно пострадать и самому. Но граната летит точно в цель.

— Молодец!— похвалил Лященко.— Курсант Семенюк, вы ранены в ноги и в правую руку!

Валерий схватил гранату левой, перекатился на спину, зубами выдернул чеку и с резким разворотом из положения лежа метко бросил гранату.

— Отлично, цель поражена!

А потом был стремительный бросок, яростная схватка в окопах и на развалинах дома. Виктория, как когда-то говорили, полная! Высота наша! Так что прав был генералиссимус Суворов, утверждая, что победа зависит от ног, а руки только орудие победы. Но Н. Г. Лященко не успокоился. Сам мастер спорта по стрельбе, он устроил курсантам еще один экзамен: заставил стрелять из пистолета с правой и левой руки. Как же счастливы были В. Михайлов, Д. Давлятов и А. Алексанян, когда генерал армии подписал изрешеченные пулями мишени и вручил ребятам! Отличную оценку получил и И. Федоренко, так что цвет диплома определился окончательно.

Генерал Лященко поздравил Игоря и спросил:

— Я знаю, что вы наизусть выучили все заветы Суворова. А есть ли у вас свой если не завет, то хотя бы девиз?

— Есть,— не задумываясь ответил Игорь.— Но он не только мой, это девиз всего нашего курса: «Делай, не как я сказал, а делай, как я!»

— Делай, как я... Что ж, для командира взвода лучшего девиза не может и быть! Поздравляю с окончанием училища!

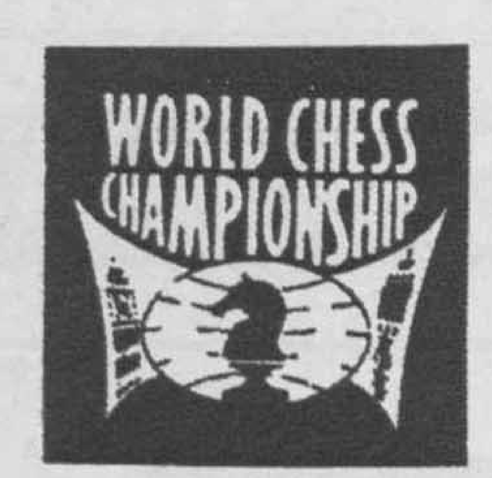
— Ура-а-а! — грянул взвод и с песней двинулся к палаточному городку.

У палаток без пяти минут офицеров ждала неожиданная встреча. На тщательно подметенном плацу стояла ломаная шеренга разношерстно одетых, но старательно демонстрирующих выправку абитуриентов. Семнадцатилетние парнишки стояли в своем первом в жизни военном строю. Одни из этого строя шагнут в училище, а потом в офицерскую семью, другие, не пройдя по конкурсу, на вокзал.

Выпускники внимательно вглядывались в глаза тех, кто пришел им на смену. Вот изо всех сил тянет руки по швам явно испуганный парнишка: он только что из-под излишне заботливого материнского крыла, растерян, но и горд собой — сумел победить маму и подал документы в училище. Этот поступит, настырные ребята здесь нужны. А вот глаза другие — напряженно-строгие, вызывающе-лихие, и лишь на самом дне зрачков мечется боязливый вопрос: «Сдам — не сдам? Сочинение бы написать, а там...» Руки у парня крепкие, рабочие, да и стоит он как-то основательно. Ничего, проветрится, из таких получаются толковые офицеры. Рядом — ребята постарше, они смотрят уверенно да и стоят не так напряженно: это бывшие солдаты, пришедшие в училище после демобилизации. Эти парни — будущий костяк курса, они поведут за собой остальных.

Строй... Короткое и емкое слово, но как много оно значит, ведь строй — это установленное уставом размещение военнослужащих для их совместных действий.

Нет слов, если придет година, то все наши парни возьмут в руки оружие и станут в строй. Но поведут их в бой и первыми поднимутся в атаку взводные. Так было, так есть и так будет. Уверен, что за теми лейтенантами, которых я видел в Алма-Ате, каким бы ни был огонь, поднимутся все!

ПО ЗАКОНАМ КЛАССИЧЕСКОЙ ДРАМЫ

Ю. АВЕРБАХ,
международный гроссмейстер

Третий год подряд мы все с волнением наблюдаем за единоборством Каспарова и Карпова, двух самых выдающихся шахматистов современности. Вот уже в третий раз они сходятся в поединке, чтобы решить, кто же из них первый, а кто — второй шахматист нашей планеты. Кстати, у меня и сейчас нет уверенности, что матч-реванш окончательно ответит на этот вопрос. Весьма вероятно, что нам придется быть свидетелями еще нескольких поединков между ними.

Поскольку встречи Каспарова и Карпова стали носить как бы перманентный характер и в то же время привлекают огромное внимание публики, причем не только шахматной, все большее число спортивных журналистов рискует включиться в их освещение. Это приводит к тому, что в шахматы широким потоком входит спортивная терминология. С чем только матчи на первенство мира не сравнивают: с марафонским бегом и с поединками боксеров, с соревнованиями по теннису и даже с восхождением на горные вершины.

Согласен, в какой-то мере эти сравнения имеют право на существование, но не кажется ли вам, что с ними упускается главное, что действительно характерно для поединков на высшем уровне? Что это в первую очередь театр, театр двух актеров, играющих увлекательный драматический спектакль.

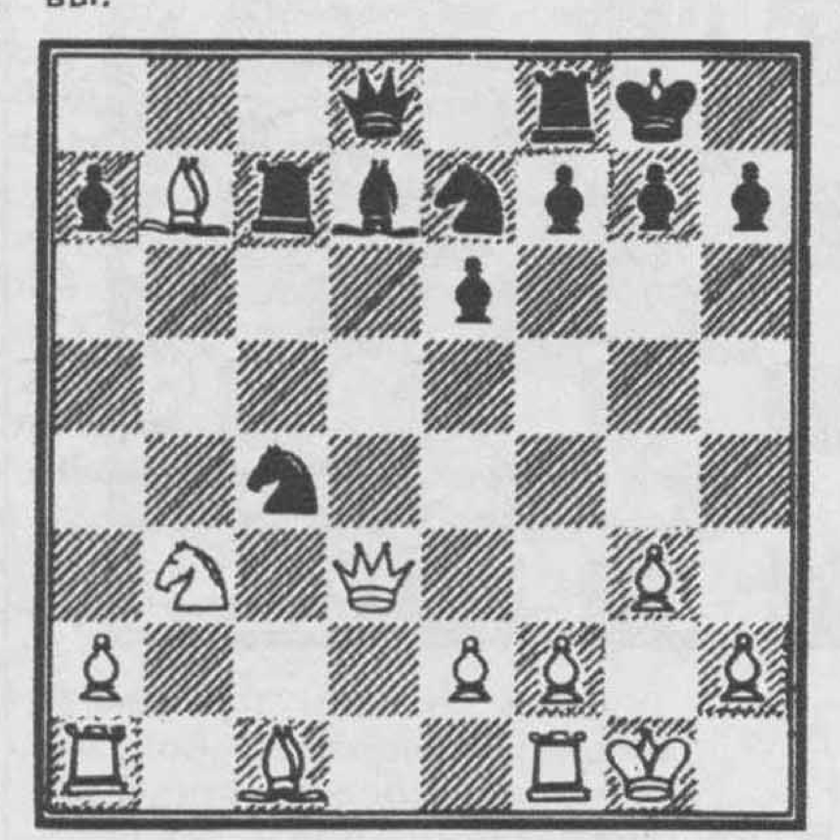
Давайте вспомним прошлый матч Каспарова и Карпова. Разве события в нем не развивались по законам классической драмы? Сначала завязка конфликта со спокойным, внешне неторопливым развитием действия, затем постепенное нарастание напряжения, особенно во второй половине поединка, и, наконец, кульминация и развязка в самом последнем акте.

Мне воочию пришлось наблюдать почти дюжину поединков на высшем уровне. Как очевидец могу подтвердить, что все виденные мной матчи на мировое первенство за самым редким исключением были напряженными драматическими спектаклями.

С такими же мерками нужно подходить и к начавшемуся матчу-реваншу. Да, если в первых трех партиях и был конфликт, то он выглядел не слишком ярким, внешне эти партии протекали спокойно. Однако они способствовали нарастанию напряжения, увеличению накала борьбы, что привело к взрыву в четвертой и пятой партиях. И следующие две встречи отличались высочайшим накалом борьбы, хотя и закончились ничейным результатом.

Итак, обратимся к четвертой партии.

Начатый соперниками еще в прошлом матче принципиальный спор о достоинствах и недостатках защиты Нимцовича был продолжен. Как и во второй партии, Карпов черными разыграл защиту Нимцовича, однако сам уже на пятом ходу уклонился от повторения пройденного, а предпочел двинуться по пути, который за год до этого избрал с ним известный венгерский шахматист Лайош Портиш, славящийся весьма основательной дебютной подготовкой. Таким образом, Карпов играл «по Портишу». А Каспаров? Восемь ходов он играл «по Карпову», точно следуя партии Карпов — Портиш. В той встрече, кстати, состоявшейся на первом командном первенстве мира в Люцерне, в котором сборная СССР одержала блестящую победу, Карпов белыми получил хорошую игру. Здесь же, играя черными, он сыграл иначе, завязав теоретическую дискуссию. Готов ли был к такому развитию событий Каспаров? Создается впечатление, что готов. Продумав свыше получаса над своим тринадцатым ходом, он нашел оригинальный путь развития инициативы.

17. Ca6!

Пример конкретного мышления. Из общих соображений слона следовало бы оставить на главной диагонали, но здесь важно согнать коня черных с поля c4, чтобы дать чернопольному слону выход на a3.

17. ...Ke5 18. Фe3 Kc4

Черные готовы расстаться с пешкой, чтобы получить контригру, но белые последовательно проводят свой план.

19. Фe4 Kd6 20. Фd3

«Протанцевав» ферзем треугольник, белые оттеснили коня с c4.

20. ...Лc6 21. Ca3 Cc8

На 21. ...Фb6 у белых в распоряжении был простой ответ: 22. Kd4, поэтому черные стремятся ослабить давление, разменяв одного из слонов.

22. C : c8 Kd : c8 23. Лfd1 Ф : d3 24. Л : d3 Лe8 25. Лad1 f6 26. Kd4

Расположенные активно белые фигуры постепенно начинают проникать в лагерь соперника.

26. ...Лb6 27. Cc5 Лa6 28. Kb5 Лc6 приводит к потере пешки. Однако трудно посоветовать что-либо лучшее. На 28. ...Л : a2, например, очень сильно 29. Kc7 Лf8 30. K : e6 Лe8 31. Kc7 Лf8 32. Лe3 Kf5 33. Лe4. Этот вариант указан в газете «Советский спорт» гроссмейстером Ю. Разуваевым.

29. C : e7! K : e7 30. Лd7 Kg6 31. Л : a7 Kf8 32. a4 Лb8 33. e3 h5

Возникла техническая позиция. У белых лишняя пешка и лучшая позиция. Этого вполне достаточно для победы.

34. Kpg2 e5 35. Лd3 Kph7 36. Лc3 Лbc8 37. Л:c6 Л:c6 38. Kc7 Ke6 39. Kd5 Kph6 40. a5 e4.

Здесь партия была отложена, и Каспаров записал свой 41-й ход. После 41. a6 Kc5 42. Лc7 белые легко выигрывают, поэтому Карпов сдался, не приступая к игре.

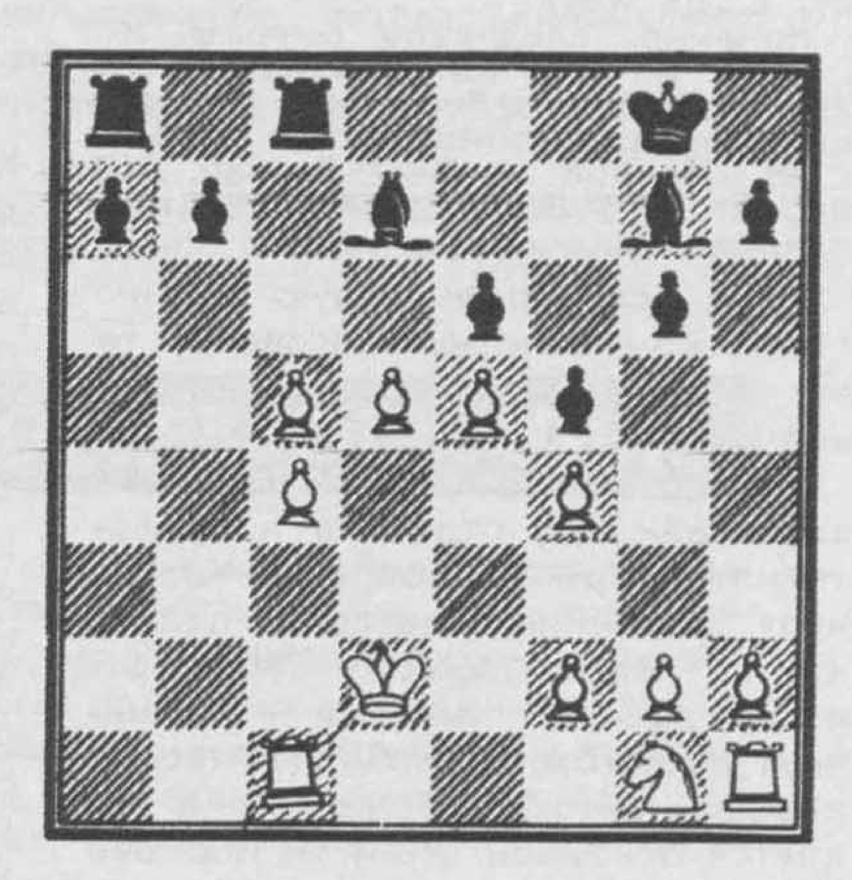
Мощный нажим белых в этой партии производит большое впечатление.

Однако удержать перевес в счете Каспарову не удалось. Уже в следующей, пятой встрече Карпов сравнял счет.

В этой партии защита Грюнфельда встретилась уже в третий раз. Таким образом, старт матча выявил два направления творческого спора выдающихся шахматистов. Один — в защите Нимцовича, другой — в защите Грюнфельда. Весьма знаменательно, что дискуссия идет в началах, разработанных уже в наше время, в двадцатых годах XX века. Именно в этих дебютах, пожалуй, наиболее ярко просматривается современное понимание шахмат.

Карпов разыграл вариант, который в свое время применял Капабланка (неплохая рекомендация!). До десятого хода соперники шли по стопам знаменитой партии Петросян — Фишер (Буэнос-Айрес, 1971 г.), блестяще выигранной советским гроссмейстером. Первым сошел с накатанного пути Каспаров. Впрочем, избранное им продолжение уже встречалось в соревнованиях последнего времени. Не приходилось сомневаться, что соперники подвергли его предварительному изучению.

Самостоятельная игра началась лишь на пятнадцатом ходу, и Каспаров сразу шагнул в неизвестность, создав ситуацию с резко нарушенным равновесием.

Вот позиция, к которой стремился чемпион мира. До этого момента он играл быстро, лишь совсем недолго задумываясь над ходами. Однако в распоряжении белых находится сильный ответ: 17. c6! bc 18. d6 c5.

Таким путем черные открывают дорогу своему белопольному слону, но зато выключается чернопольный. Может быть, меньшим злом было 18. ...g5 19. C : g5 C : e5 20. c5 Cg7 21. f4, хотя здесь из игры выключен белопольный слон.

19. h4 h6 20. Kh3!!

Проблема этой позиции в том, смогут ли белые не выпустить чернопольного слона партнера из заточения или он вырвется на свободу. Неприметный ход конем на край доски и решает эту проблему. С ним связаны две идеи: одна, очевидная, — воспрепятствовать прорыву g6—g5 и другая, пока невидимая невооруженным глазом, — после f2—f3 перевести коня с h3 на d3, где он отлично совмещает атакующие и защитительные функции. Не исключено, что при домашнем анализе эта тонкая возможность выпала из поля зрения чемпиона мира.

20. ...a5

Были ли здесь у черных лучшие возможности? Заслуживало, например, внимания 20. ...Лcb8. Однако

только тщательное изучение этой позиции может дать ответ на подобный вопрос.

21. f3 a4 22. Лhe1!

Еще один гроссмейстерский ход. После 22. Кf2 g5 черные могли рассчитывать на контригру.

22. ...a3 23. Кf2 a2 24. Кd3!

План белых завершен. Позиция черных стала безнадежной: они фактически играют без слона.

24. ...Лa3 25. Лa1 g5 26. hg hg 27. С : g5 Крf7.

Конечно, следовало сыграть 27. ...Лcb8, но и в этом случае после 28. Крe2! белые без труда отражали атаку соперника.

28. Сf4 Лb8 29. Леc1 Сc6 30. Лc3 Лa5 31. Лc2 Лba8 32. Кc1. Черные сдались.

Итак, если предыдущую партию с блеском выиграл Каспаров, то эту с неменьшим эффектом провел Карпов.

Перед шестой партией Каспаров взял тайм-аут, отдохнул и приготовил сопернику сюрприз — начал игру ходом королевской пешки, что он делает нечасто. Карпов ответил русской партией — старинным дебютом, который сейчас переживает второе рождение и является основной защитой Карпова в ответ на ход 1. e2 — e4. Вспомним, что в прошлом матче Каспаров один раз сыграл 1. e2 — e4, встретился с русской партией, ничего по дебюту не добился и больше с королевской пешки игру не начинал.

Сейчас же было ясно: если Каспаров идет на русскую партию, значит, он что-то подготовил.

И действительно, он пожертвовал пешку, взамен чего получил перевес в развитии и двух слонов.

Должен сказать, что спор о том, что весомее — лишняя пешка или инициатива,— так же стар, как стара игра в шахматы. Своеобразная философская дискуссия на тему, что важнее: «материя» или «дух»,— в шахматах не прекращается и до сих пор, причем Карпов в определенной степени сторонник первого направления, а Каспаров — второго. В настоящей партии это и стало лейтмотивом конфликта.

Внешне позиция белых выглядела очень грозно, но Карпов умело защищался и, вовремя введя в игру ферзя, получил достаточные контршансы. Короткая тактическая схватка привела к многочисленным разменам и разрядке напряжения. Хотя партия была отложена, соперники согласились на ничью, не приступая к доигрыванию.

Да, в этой партии защита сумела противостоять атаке, хотя я не поручусь, что Карпов сыграет этот вариант еще раз.

И в седьмой партии появился новый дебют — ферзевый гамбит. На этот раз Каспаров черными отказался от защиты Грюнфельда, и соперники разыграли систему, которая четыре раза встретилась на финише прошлого матча, причем два раза черными играл Каспаров, а два — Карпов.

Стратегия ограничения. Так может быть названа генеральная линия, проводимая Карповым при игре белыми фигурами в этом матче. Он не стремится в дебюте к развитию инициативы и обострению игры. В первую очередь он ставит своей задачей ограничить возможности соперника, не дать его фигурам занять активные позиции. Эта линия ярко проявилась в пятой партии, она же стала лейтмотивом седьмой.

Когда Каспаров развил своего ферзевого слона, казалось, что трудности у него позади. Однако после того, как белым удалось продвинуть центральную пешку на e5, захватив пространство и отняв поля у королевского коня, выяснилось, что они только начинаются.

В поисках лучших продолжений Каспаров подолгу задумывался над каждым ходом, но все проблемы ему решить не удалось, и перед ним стала маячить угроза пешечной атаки на королевском фланге. Возможностей контригры пока видно не было, а назревал цейтнот.

И здесь неожиданно помог соперник. Стремясь упредить ход c6—c5, Карпов неосторожно двинул пешку на ферзевом фланге, после чего завязались осложнения. Черные не только провели c6—c5, но и активизировали свои фигуры. Пытаясь удержать ускользающий позиционный перевес, Карпов постепенно утратил перевес во времени и тоже попал в цейтнот.

Игра в острых позициях, когда на часах остались считанные минуты,— большое искусство. В этой партии его в равной степени проявили оба участника. Когда казалось, что Карпов наконец-то создал угрозы на королевском фланге, Каспаров нашел остроумный выход. Он пожертвовал качество, но получил за него две пешки.

И эта партия была отложена, но после домашнего анализа, как и в предыдущей встрече, соперники согласились на ничью, не приступая к доигрыванию.

Оценивая в целом итоги этих четырех встреч, следует сказать, что соперники доставили болельщикам не только немало волнений, но и большое удовольствие, которое мы получили, разыгрывая эти интересные, напряженные партии, наполненные тонкими маневрами и красивыми тактическими ударами.

Можно было думать, что и следующие партии будут на таком же высоком творческом уровне. И вот восьмая партия явилась волнующим драматическим спектаклем, все пять часов державшим в напряжении всех, кто следил за развитием этой партии.

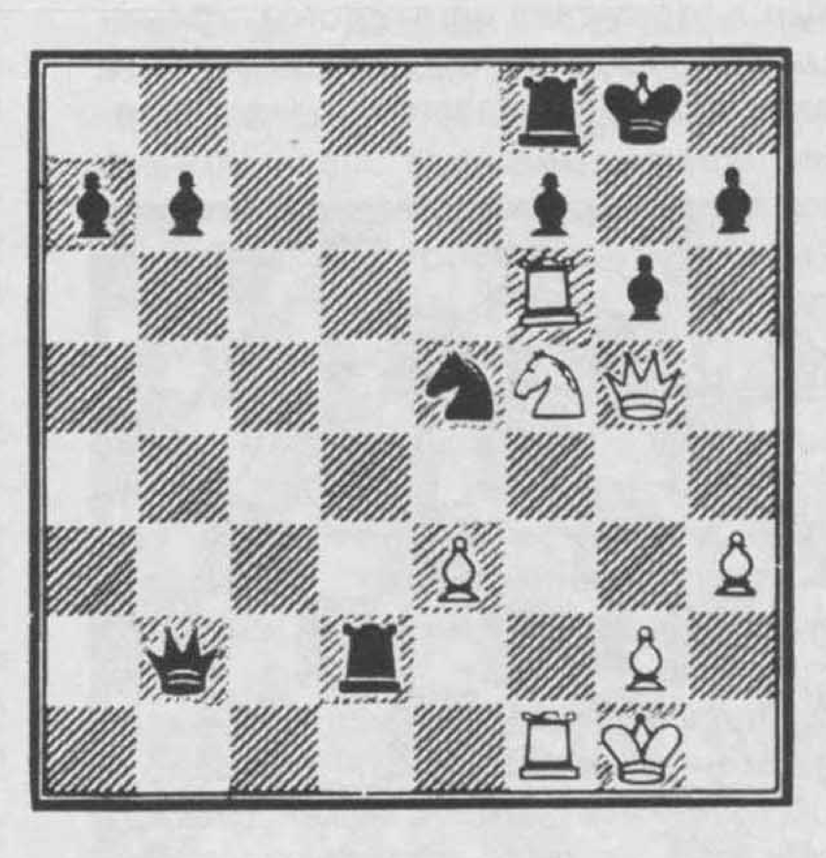
А началась она неторопливо, сначала соперники повторяли ходы предыдущей встречи, только поменявшись ролями,— Каспаров играл по Карпову, а Карпов — по Каспарову. Затем экс-чемпион мира первым уклонился от повторения пройденного, но по-прежнему шел по стопам своего соперника (в двадцатой и двадцать второй партии предыдущего матча).

Позиция, которая возникла в партии после десяти дебютных ходов, считается в теории примерно равной, но у Каспарова, видимо, было другое мнение. Он позволил Карпову ликвидировать изолированную пешку ходом d5 — d4, но его фигуры заняли активные позиции. С этого момента игра стала обостряться, а накал борьбы возрастать.

Сначала Каспаров пожертвовал пешку, чтобы выиграть время для атаки на короля соперника. Затем одна за другой его фигуры устремились в неприятельский лагерь. Соперники подолгу раздумывали над каждым ходом, ведь в подобных острых, богатых комбинационными возможностями ситуациях малейшая оплошность может стать роковой. В поисках защиты Карпов, в свою очередь, пожертвовал качество, однако чемпион мира жертву отклонил, решив продолжать атаку. Как мне кажется, до определенного момента атака и защита уравновешивали друг друга, но затем в борьбу вмешался еще один важный фактор — время. Времени на обдумывание, особенно у Карпова, оставалось мало. Флажок на его часах начал подниматься, когда до контроля оставалось не менее 15 ходов.

Лишь скрупулезный анализ может ответить на вопрос, была ли у экс-чемпиона мира лучшая защита. Во всяком, случае, в условиях жесточайшего цейтнота он ее не нашел.

После 28-го хода черных на доске возникла следующая позиция:

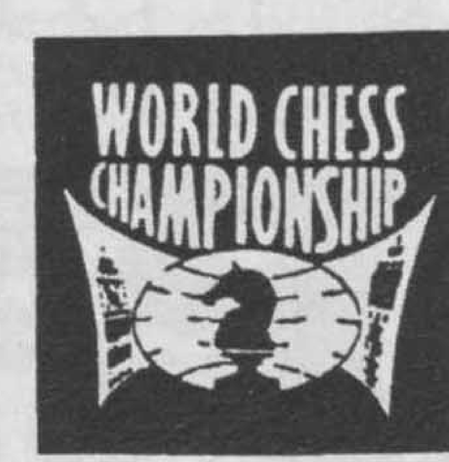

Белые сыграли 29. Крh1, освобождая ферзя от защиты пешки.

Черные ответили 29... Крh8. Видимо, это уже решающая ошибка. Обороняться можно было ходом 29... Лd7 30. Кd4! Таким путем, отсекая ферзя черных от защиты коня e5, белые разрушают бастионы черных 30... Л : d4 31. Ф : e5

В этот момент флажок на часах Карпова упал. Главный судья Лотар Шмид зафиксировал просрочку времени и поражение черных. Впрочем, анализ показывает, что их позиция уже безнадежна. После форсированного 31... Лd2 32. Фe7 Л2d8 33. Л : f7 Л : f7 34. Л : f7 Крg8 к победе ведет тихий ход королем 35. Крh2!, указанный гроссмейстером Е. Васюковым. После этого хода черные беззащитны от движения пешки e3—e4—e5 с непредотвратимой решающей атакой.

Итак, чемпион мира вышел вперед, счет после восьми партий — 4,5:3,5 в пользу Г. Каспарова.

КАЛЕЙД

ЗЛОЙ ДУХ

Лион ИЗМАЙЛОВ, писатель-сатирик, Геннадий ХАЗАНОВ, артист Москонцерта

Конечно, после Указа, введенного 1 июня прошлого года, пить стали меньше. Одни, возможно, поняли, что себе во вред, другие, наверное, осознали, что трудно купить. То есть с пьянством сейчас дело становится все лучше и лучше, в смысле все хуже и хуже. По официальным данным, количество пьяных сильно уменьшилось. Соответственно уменьшилось и количество преступлений. Но появились новые проблемы. Милиция преступников находит быстро, а вот с пострадавшими прямо беда...

Тут у нас гражданина одного обокрали. Ну, выпил он в гостях. Однако шел он самостоятельно. И вдруг захотелось ему прилечь. Может, он давно на свежем воздухе не спал, а может, вообразил себя на лугу среди трав и цветов. Одним словом, он у забора и прилег. Прямо так. Даже постель разбирать не стал. Прямо не раздеваясь на асфальт и лег. Ботинки о край асфальта вытер и улегся.

Вот тут-то его и обокрали. Может, решили, что у него документы какие секретные и чтобы врагу не достались. А может, человек попался, который видеть не может, если что плохо лежит. А он, Степанов Аркадий Васильевич, лежал, прямо скажем, не очень хорошо — головой в луже.

Через некоторое время воришку этого поймали. Он у Степанова вытащил бумажник с деньгами и паспортом, часы снял и один ботинок типа «Саламандра». Второй оставил, может, его спугнули, а может, у него второй уже был.

Короче, стали этого Степанова искать. А чего его искать, когда в паспорте адрес написан. Вызвали его в милицию, пожал ему капитан руку и говорит:

— Дорогой товарищ Степанов, поздравляем вас, нашли мы ваши вещички.

— Спасибо,— говорит,— что нашли, не ожидал.

— Да,— говорит капитан,— нашли мы того человека, который вас обокрал. Во всем он признался. Вот деньги, 64 рубля 43 копейки, паспорт, часы и туфля типа «Саламандра» — ваши?

— Мои,— говорит Степанов,— вот уж не думал, что найдете.

— Вот,— говорит капитан,— протокольчик подпишите и забирайте

странная история

свои вещички. Тут все изложено: «Гражданин Степанов лежал на Пятницкой улице под забором у дома номер пять в ночь с 25 на 26 октября 1985 года...»

А Степанов говорит:

— В жизни там не лежал. Вот где не лежал, так это на Пятницкой улице у дома номер пять, особенно в ночь с двадцать пятого на двадцать шестое.

— Как это так?

— Да так, у меня и привычки такой нет — лежать под забором, тем более на Пятницкой, тем более в ночь с двадцать пятого на двадцать шестое, тем более восемьдесят пятого года.

Капитан говорит:

— Ну как же, вы там пьяный лежали.

А Степанов говорит:

— Да вы что — пьяным, я и трезвым там никогда не лежал. Да я капли в рот не беру после Указа от первого июня восемьдесят пятого года... Зачем мне нужно с работы за пьянку вылетать? Да мне мое реноме дороже.

Капитан говорит:

— Чего, чего?

Степанов говорит:

— Реноме.

Капитан говорит:

— А реноме с вас никто не снимал. Вы безо всякого реноме лежали. Просто пьяным.

А Степанов:

— Капли в рот не беру после Указа.

— Ах так,— говорит капитан и вызывает воришку.

— Узнаете,— спрашивает,— Степанова Аркадия Васильевича?

— Так точно,— отвечает воришка,— узнаю. Это Степанов Аркадий Васильевич.

А Степанов:

— В первый раз этого гражданина вижу.

Воришка кричит:

— Еще бы, он пьяный был в доску!

А Степанов:

— Доски помню, гражданина нет.

Воришка кричит:

— Да точно, этот Степанов пьяный и лежал. Я еще когда бумажник у него вынимал, он спросил спросонья: «Надь, это ты?»

Я ему говорю: «А кто же еще-то. Конечно, я, твоя Надя».

А он говорит: «Киска, сними ботинки». Я один ботинок снял, а второй он не дает, кричит: «Щекотно!» Вы спросите, как жену его зовут.

Степанов говорит:

— Жену зовут Киска, но она, как и я, капли в рот не берет после Указа.

Тут уж капитан начинает кричать:

— А паспорт тоже не ваш?

— Не мой,— говорит Степанов.

— Выходит,— говорит капитан,— по адресу Смоленская, пять, квартира шесть, с Надеждой Семеновной живет другой Степанов.

— Спасибо,— говорит Степанов,— я давно подозревал, что она меня обманывает.

Тут капитан багровеет и кричит:

— А ваш паспорт где?

— Потерял, тот тип нашел, напился, его и обокрали.

— Слушайте, вы! — кричит капитан.— Мне дело надо закрывать. Вот преступник, а вы пострадавший...

— Капли в рот не беру после Указа.

Капитан говорит:

— Послушайте, я вам на работу ничего писать не буду, обещаю, поняли?

— Понял.

— Ну, наконец-то,— говорит капитан,— значит, обокрали вас?

— Обокрали.

— Значит, вы лежали пьяным?

— Нет! — кричит Степанов.— Капли в рот не беру после Указа.

И сколько капитан с ним ни бился, он все равно свое твердил: «Капли в рот не беру...»

ВОЗВРАЩАЯСЬ В ПРОШЛОЕ

Сегодня кафе «Ленинград» одно из самых популярных в Риге. После реконструкции здесь появились новые интерьеры, они сделаны в стиле русского классицизма. Посетить кафе — это значит оказаться в XIX веке. По специальному заказу здесь приготовляются блюда старинной русской кухни. Рижане уже знают, что такое боярский борщ, суп по-деревенски, мясо по-преображенски, говядина по-стрелецки, зразы покровские. Вкусно? Очень вкусно. Об этом свидетельствует книга отзывов, в которой благодарностям нет числа...

Здесь можно попробовать настоящий сбитень, узнать, что такое чай боярский, кисель застольный, отведать пироги, приготовленные по рецептам минувшего века.

Рижское эстрадно-концертное объединение создало специально для «Ленинграда» оригинальный оркестр старинных русских народных инструментов. Его музыка сопровождает русские народные песни...

Кафе безалкогольное, но рижан это не смущает, попасть сюда не так-то просто, ибо желающих предостаточно. А в дискобаре широкий выбор коктейлей и соков...

ИСПУГАЛА КУПЦА РЕВОЛЮЦИЯ...

Гостям Йошкар-Олы этот дом на центральной улице города всегда показывали как одну из самых интересных местных достопримечательностей. И вдруг выяснилось, что под фундаментом этого действительно необыкновенно красивого дома находится... огромный клад.

Золотые и серебряные кольца, золотые часы, драгоценные медальоны, предметы религиозного культа, бриллианты. Здесь же большое количество монет 1910—1917 годов. Собственно говоря, благодаря им и удалось установить дату захоронения клада. До революции этот дом принадлежал богатейшему во всем крае купцу Корепову. Перед самой революцией он и замуровал все свое состояние до лучших времен. И лучшие времена действительно наступили. Только не для Корепова. Вот и открылся клад. Он представляет собой не только большую материальную, но и историческую ценность. Найденные предметы внимательно исследуются учеными. Некоторые из них уже переданы в краеведческий музей...

СПУСТЯ ПЯТЬ ВЕКОВ...

Почти пять веков цветоводы Голландии проводили опыты по выращиванию черного тюльпана. О черном тюльпане писались стихи, появлялись приключенческие романы, в которых черный тюльпан фигурировал в качестве одного из самых невероятных чудес света. Но увы! В действительности этого цветка все еще не было. Опыты оказывались безрезультатными. Но совсем недавно в официальном объявлении, сделанном в Гааге Фризским институтом цветоводства, было сообщено, что черный тюльпан все-таки выведен путем многолетнего последовательного скрещивания двух сортов тюльпанов — «Царица ночи» и «Венский вальс». В этой работе принимали участие шесть голландских научно-исследовательских центров.

У цветка еще нет имени. Он пока что так и называется: черный тюльпан. Идеальный по своим размерам, цветок имеет крепкий стебель, красивые листья. Его производство будет налажено, очевидно, еще не скоро, но уже сегодня черный тюльпан стал предметом зависти многих зарубежных туристов, наводняющих в это время года Голландию. За букетик черных тюльпанов предлагаются немалые деньги...

ФИРМА ГАРАНТИРУЕТ

Представьте, что вы потеряли часы и вам нужно купить новые. Не спешите это делать по крайней мере до тех пор, пока не узнаете историю, которую на страницах смоленской газеты «Рабочий путь» рассказал рабочий совхоза «Катынский» А. Рябченков.

А было так. Четыре года назад, возделывая свой огород, А. Рябченков обронил часы: они выпали из кармана его куртки. Обронил, да не нашел: часы словно сквозь землю провалились...

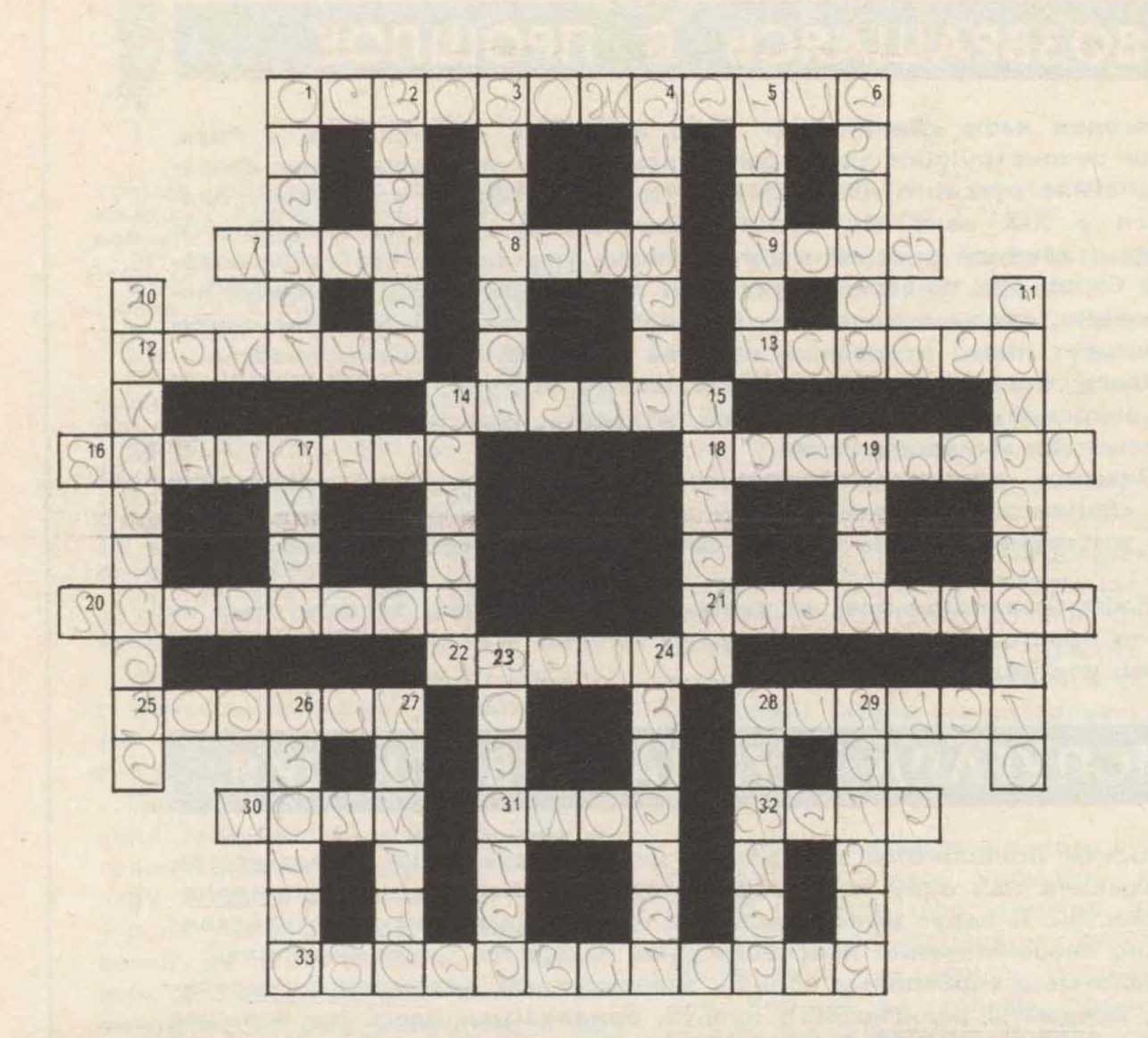
А в этом году, когда земля снова перекапывалась, на поверхность выкатился комочек, сразу привлекший внимание своим золотистым блеском. Не без волнения поднял его А. Рябченков, размял пальцами. И что же? Часы! Стекло и циферблат в порядке, только браслет разорван. Попробовал А. Рябченков часы завести — идут. И как идут! С небывалой точностью!

Все это похоже на сказку, однако это быль. Ни влага, ни мороз, ни мельчайшие частицы земли, забившиеся под стекло,— ничего не повредило механизм! Не случайно, значит, написано на циферблате «Сделано в СССР». А кто же сделал часы?

Минский завод «Луч».

Спасибо, заводчане!

По материалам средств массовой информации и сообщениям корреспондентов «Огонька»

кроссворд

По горизонтали: 1. Киноэпопея, посвященная Великой Отечественной войне. 7. Заранее намеченная последовательность выполнения работ, мероприятий. 8. Помещение в корпусе судна. 9. Горючее полезное ископаемое. 12. Самая яркая звезда в северном полушарии. 13. Морская рыба семейства тресковых. 14. Приток Енисея. 16. Литовский актер, режиссер, народный артист СССР. 18. Первая демонстрация кинофильма. 20. Поделочный камень. 21. Персонаж романа Л. Н. Толстого «Война и мир». 22. Материк. 25. Созвездия, расположенные вдоль большого круга небесной сферы. 28. Очертание предмета. 30. Воинская часть. 31. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 32. Тонкий плотный войлок. 33. Научное учреждение, где проводятся астрономические исследования.

По вертикали: 1. Дикая кошка, обитающая в лесах Америки. 2. Немецкий композитор, дирижер XIX века. 3. Вид зимнего спорта. 4. Отрезок прямой, соединяющий две точки окружности. 5. Единица силы. 6. Маршал Советского Союза. 10. Грузинский актер, народный артист СССР. 11. Административный центр штата в США. 14. Город в Азербайджане. 15. Учреждения для изготовления лекарств. 17. Минеральная краска. 19. Душистое растение, используемое в медицине, парфюмерии. 23. Английский писатель. 24. Музыкальный ансамбль. 26. Река в Италии и Югославии. 27. Растение тропических пустынь Америки. 28. Работник театра. 29. Союзная советская республика.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 33

По горизонтали: 7. Наследие. 8. Байдуков. 11. Персонал. 12. Лонжерон. 13. Планеризм. 15. Сырт. 17. Альт. 19. Струминский. 22. Мезенцев. 23. Авдеенко. 24. «Мирандолина». 27. Плот. 30. Сава. 32. Лонгфелло. 35. Коммунар. 36. «Исповедь». 37. Поленова. 38. Шлемофон.

По вертикали: 1. Карпаты. 2. Кларнет. 3. Сигнал. 4. Карниз. 5. Дубрава. 6. Тоннель. 9. Пленум. 10. Элерон. 13. Потенциал. 14. Моисеенко. 16. Руденко. 18. Линкува. 20. Унеча. 21. Ствол. 25. Нагора. 26. Офелия. 28. «Лаокоон». 29. Триммер. 30. Сеченов. 31. Вольнов. 33. «Огниво». 34. Лепель.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Святослав Николаевич Федоров с любимцем Громом. (См. в номере материал «Неугомонный человек».)

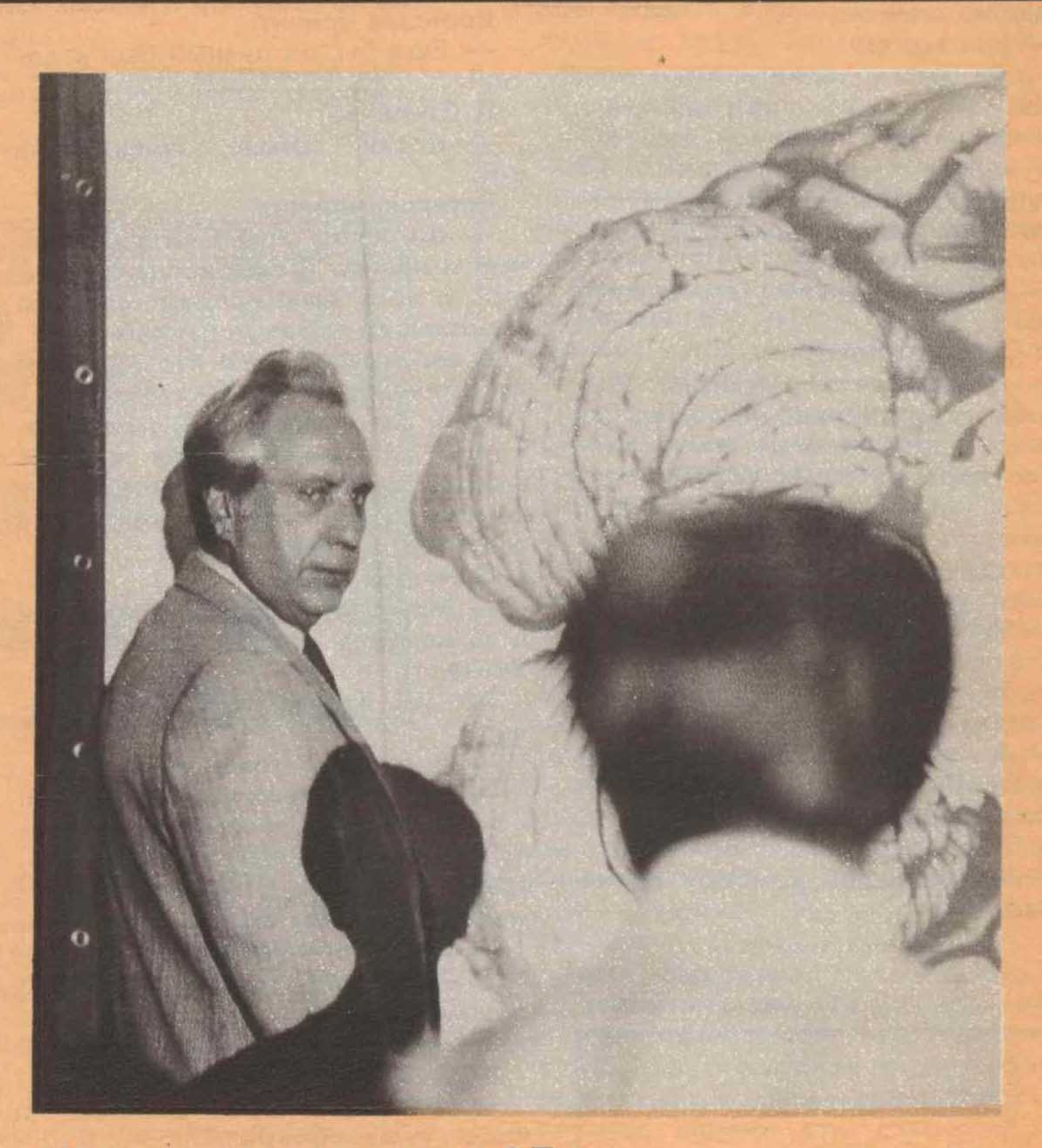
Фото Дм. Бальтерманца

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Учим правила движения. (См. в номере материал «Мы играем в «дорогу».)

Фото М. Вылегжанина

скоро в «огоньке» ● скоро в «огоньке» ● скоро в «огоньке» ● скоро в «огоньке»

кто вы, наш читатель?

К ТАЙНАМ МОЗГА

Что такое мозг человека? Постепенно раскрывая свои возможности, но оставаясь по-прежнему загадочным, он стоит в самом центре проблем — научных, политических, общественных, этических.

Как сказывается эволюция человека на строении его мозга? Почему не восстанавливаются нервные клетки? Какова роль бессознательного в процессе творчества? Есть ли разум у животных?

О тайнах мозга расскажет в ближайшем номере директор Института мозга член-корреспондент АМН Олег Сергеевич **Адрианов.**

Началась подписка на «Огонек». Редакция занята составлением перспективных планов. Формируя свой портфель, ведя переговоры с авторами, намечая будущие темы, мы проверяем себя, обращаясь к читательской почте. Ведь лицо журнала в значительной степени определяется советом читателей. И нам очень важно понять и, так сказать, почувствовать вас.

Профессия, возраст, род занятий — это, конечно, вопросы, без ответа на которые тоже не обойтись.

Но прежде всего:

— КТО ВЫ?

Само собой понятно, что если вы просто ответите на этот вопрос «домохозяйка», «студент» и т. п.,— это не будет ответом. Кто вы — в самой глубокой и вместе с тем конкретно ВАШЕЙ сущности.

— РАДИ ЧЕГО ВЫ ЖИВЕТЕ? КАКОВА ГЛАВНАЯ ЦЕЛЬ ВАШЕЙ ЖИЗНИ? ВАШИ ПЛАНЫ НА БЛИЖАЙШЕЕ, ОТДАЛЕННОЕ БУДУЩЕЕ?

— ЧТО ВЫ СЧИТАЕТЕ ГЛАВНЫМ «ПРЕПЯТСТВИЕМ» В ВАШИХ ПОИСКАХ ЛИЧНОГО СЧАСТЬЯ, В СЕМЬЕ, В ВЫБОРЕ ЛЮБИМОГО ЧЕЛОВЕКА, В УЧЕБЕ, В РАБОТЕ? ЭТИ ПРЕПЯТСТВИЯ (ЕСЛИ ИХ МНОГО) — ПО ПРЕИМУЩЕСТВУ В ВАС, В ВАШЕМ ХАРАКТЕРЕ, ВОСПИТАНИИ И Т. П. ИЛИ СКОРЕЕ ВНЕ ВАС? В ЖИЗНЕННЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ? КАКИХ?

— КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, КАКОВА САМАЯ ГЛАВНАЯ ОШИБКА ВАШЕЙ ЖИЗНИ? ЕЕ МОЖНО ИСПРАВИТЬ? КАК?

Наконец, еще вопрос:

— КАК ВЫ ПЕРЕНОСИТЕ... ОДИНОЧЕСТВО?

Пусть вам не покажется неуместным этот вопрос. Он нужен. Итак, что с вами происходит, когда вы чувствуете себя одиноко? Как вы поступаете?..

— ИСХОДЯ ИЗ СВОИХ ЖЕ ОТВЕТОВ НА ПРИВЕДЕННЫЕ ВЫШЕ ВОПРОСЫ, ПОСТАНОВКУ КАКИХ ПРОБЛЕМ ВЫ ХОТЕЛИ БЫ УВИДЕТЬ В ЖУРНАЛЕ?

Ждем ваших писем!

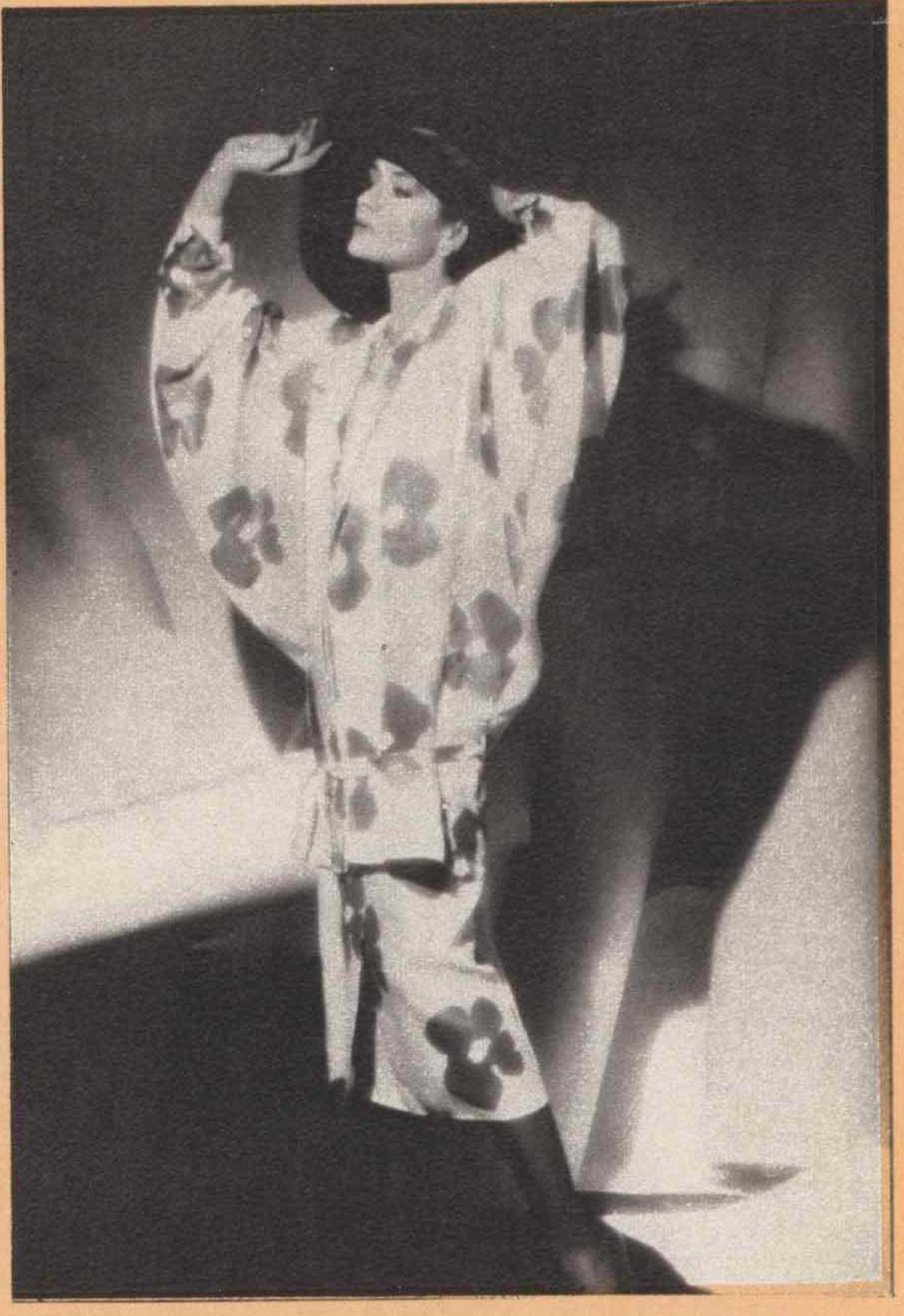

ЭТО БЫЛО В КВЕДЛИНБУРГЕ...

В 1917 году солдат 51-го стрелкового полка царской армии Терентий Мальцев попал в плен. В лагере Кведлинбург Терентий Семенович оказался свидетелем революционных событий, которые потрясли тогда Германию: «Среди ночи заходят к нам в барак часовые, кричат: «Ауфштеен, ин Дойчланд революцион!» Мы обрадовались»,— вспоминает Терентий Семенович. Там, в Германии, он стал коммунистом и вот уже 66 лет хранит удостоверение № 8, выданное ему русской секцией при Коммунистической партии в Германии. С историей этого уникального документа дважды Героя Социалистического Труда Т. С. Мальцева читатели скоро познакомятся.

ГОСТЬ РЕДАКЦИИ — ВЯЧЕСЛАВ ЗАЙЦЕВ

Имя художественного руководителя Московского Дома моды художника-модельера Вячеслава Михайловича Зайцева хорошо известно у нас в стране и за рубежом. Свои коллекции последних лет художник создает из отечественных тканей.

Интересный эксперимент начал недавно В. Зайцев совместно со столичными текстильщиками. Он взялся создать свои модели из «неходовых» тканей. Безликое, безвкусно оформленное полотно обрело в талантливых руках новую жизнь.

Этому была посвящена состоявшаяся недавно в редакции встреча с художником-модельером.

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663

